

ISSN 2072-8522 (print)
ISSN 2310-7278 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ
КАК СРЕДСТВО КОННОТАТИВА

ЛЕКСЕМА ГЛАЗА КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ЕДИНИЦА
В ПРОЗЕ ТЭФФИ

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

2022 / № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2022 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2022 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Русская филология»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Аношкина В. Н. — д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселёва И. А. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. — д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинки университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru; www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2022. — № 3. — 130 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of the journal "Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology"
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSU

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

V. N. Anoshkina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Honored Worker of Science;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Professor, Crimean V. I. Vernadsky Crimean Federal University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is registered in the Federal Service for supervision of legislation observance in the sphere of mass communications and cultural heritage protection (mass media registration certificate No. FS 77 - 73348).

The subscription index of the "Russian Philology" series is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.vestnik-mgou.ru; www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2022. – No. 3. – 130 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Антонова Е. Н., Зацепина Е. А., Рудинова Ю. И.** Коммуникативное событие в образе паремий русского медийного дискурса 6
- Верховых Л. Н.** Пространство и время в региональной языковой картине мира (по данным воронежской микротопонимии) 20
- Калинина Л. В., Фалеева А. С.** Функционирование терминосоответствий *переходное состояние* и *пограничное состояние* в научных текстах гуманитарной направленности 32
- Руфова Е. С.** Символика чёрного цвета в творчестве поэтов якутской и японской литературы (на материале поэзии Ивана Гоголева и Такамура Котаро) 44
- Сергиевская Л. А., Мелехова Л. А.** Синтаксические аномалии как средство коннотатива 50
- Устинова Т. В.** Лексическая сочетаемость в стихотворениях Аркадия Драгомощенко: когнитивно-семантический анализ 59
- Шаповалова Т. Е.** Односоставные глагольные предложения в цикле очерков Василия Пескова «Земля за океаном» 68
- Шаталова О. В.** Лексема *глаза* как текстообразующая единица в прозе Тэффи 77

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Мельникова С. В.** Повесть Н. С. Лескова «На краю света»: художественный образ в историческом контексте 86
- Савинич С. С.** Мотив возмездия в романах У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» и Р. П. Уоррена «Вся королевская рать» 98
- Фесенко Э. Я.** К вопросу о специфике женской прозы 105
- Щербинина О. И.** Переписка Говарда Фаста с советскими писателями: диалог о литературе 112

РЕЦЕНЗИИ

- Леденёва В. В.** Рецензия на монографию И. А. Королевой «Язык и культура: ономастика смоленско-белорусского приграничья». Смоленск: Принт-экспресс, 2021. 190 с. 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Герасименко Н. А.** Уральская школа креатива 122
- К юбилею Шаповаловой Татьяны Егоровны 126

CONTENTS

LINGUISTIC STUDIES

E. Antonova, E. Zatsepina, Yu. Rudinova. A Communicative Event in the Form of Paremiias of the Russian Media Discourse.....	6
L. Verkhovyykh. Space and Time in the Regional Language Picture of the World (On the Example of the Voronezh Microtoponymy).....	20
L. Kalinina, A. Faleeva. Functioning of the Term Combinations Transitional State and Borderline State in Scientific Texts of Humanitarian Orientation.....	32
E. Ruffova. Symbolism of the Black Color in the Works of Yakut and Japanese Literature Poets (On the Example of the Poetry of Ivan Gogolev and Takamura Kotaro).....	44
L. Sergievskaya, L. Melehova. Syntactic Anomalies as a Connotative Means.....	50
T. Ustinova. Lexical Compositionality in Arkadii Dragomoshchenko's Poems: The Cognitive Semantic Analysis.....	59
T. Shapovalova. Mononuclear Verbal Sentences in a Cycle of Vasily Peskov's Essays "The Land Behind the Ocean".....	68
O. Shatalova. The Lexeme of the Eye as a Text-Forming Unit in Teffi's Prose.....	77

LITERARY STUDIES

S. Melnikova. N. Leskov's Story "At the End of the Earth": Artistic Imagery in a Historical Context.....	86
S. Savinich. The Motif of Retribution in the Novels "Absalom, Absalom!" by W. Faulkner and "All the King's Men" By R. P. Warren.....	98
E. Fesenko. On the Specificity of Women's Prose.....	105
O. Shcherbinina. Howard Fast's Correspondence with Soviet Writers: Conversation about Literature.....	112

REVIEWS

V. Ledeneva. Review of I. A. Koroleva's Monograph "Language and Culture: Onomastics of the Smolensko-Belarusian Border Region". Smolensk, Print-Express, 2021. 190 p.....	118
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

N. Gerasimenko. Ural School of Creativity.....	122
To the Anniversary of Shapovalova Tatiana Egorovna.....	126

УДК 811.161.1+81`42

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-6-19

КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ В ОБРАЗЕ ПАРЕМИЙ РУССКОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Антонова Е. Н., Зацепина Е. А., Рудинова Ю. И.

Государственный университет по землеустройству

105064, г. Москва, ул. Казакова, д. 15, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Углубить представления о медийном дискурсе, расширить знание о паремиологических возможностях современной лингвокультуры, описать коммуникативные способности образов и языковых средств.

Процедура и методы. Рассмотрен ряд визуализированных в качестве вербального компонента паремийных единиц, получающих в медийном пространстве специфические образы. Этим обусловлен обще- и частнонаучный методологический спектр: индуктивно-дедуктивные методики, наблюдение, систематизирование, моделирование, дистрибутивный и компонентный анализы, описательный и психолингвистический методы, аналитико-синтетические формы работы с медийным дискурсом и коммуникативным событием в образе паремиологически ориентированных демотиваторов, объединённых общей семантикой.

Результаты. На примере демотиваторов, размещаемых в свободном доступе в интернете, проиллюстрированы восприятие социумом экологических проблем и объективация реалий в иронично-поэтической форме. Проанализированы активные процессы, проходящие в различных типах устойчивых конструкций, демонстрируются потенциальные возможности современных метафорично-образных структур. В ходе работы были определены ведущие понятия в соответствии с тематической направленностью, извлечены из информационных баз интернета экологические демотиваторы с эксплицитно или имплицитно выраженными паремиологическими образами, проанализирована коммуникативная ситуация, складывающаяся в интернет-дискурсе при формировании паремиологических образов, систематизирован эмпирический материал. Концептуальное масштабирование интернет-дискурса является частью когнитивной программы, направленной на всестороннее познание коммуникативного события в режиме лингвокультурной синхронии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Непрерывное пополнение языка новыми коммуникативными элементами, активное развитие медиа-дискурса как среды существования современной коммуникативной ситуации, перманентное возникновение оригинальных образов русской паремиологии объясняет теоретико-прикладную актуальность предпринятого исследования, дополняющего серию работ лингвокультурологической направленности. Ценностная прагматика эпохи фиксируется в мыслекодах, паремиях, уникальных формах функционирования языка, поэтому научно значимым является описание различных лингвокультурных трансакций.

Ключевые слова: интернет-дискурс, коммуникативное событие, лингвокультура, поэтический образ, фразеология, экологический демотиватор

A COMMUNICATIVE EVENT IN THE FORM OF PAREMIAS OF THE RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

E. Antonova, E. Zatsepina, Yu. Rudinova

State University of Land Use Planning

ul. Kazakova 15, Moscow 105064, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this work is to deepen the understanding of media discourse, expand the knowledge about the paremiological possibilities of modern linguistic culture, and describe the communicative abilities of images and language means.

Methodology. The paper considers some paremias, which are visualized as a verbal component and receive specific images in the media space. The paremias are studied using a spectrum of general and particular scientific methods, such as inductive-deductive techniques, observation, systematization, modeling, distributive and component analysis, descriptive and psycholinguistic methods, and analytical and synthetic forms of working with media discourse and a communicative event in the form of paremiologically oriented demotivators, united by common semantics.

Results. On the example of demotivators freely available on the Internet, the perception of environmental problems by society and the objectification of realities in an ironic and poetic form are illustrated. The active processes taking place in various types of stable constructions are analyzed, and the potential possibilities of modern metaphorical-figurative structures are demonstrated. The leading concepts are identified in accordance with the thematic focus, ecological demotivators with explicitly or implicitly expressed paremiological images are extracted from the information bases of the Internet, the communicative situation that develops in the Internet discourse during the formation of paremiological images is analyzed, and the empirical material is systematized. The conceptual scaling of the Internet discourse is part of a cognitive program aimed at comprehensive knowledge of a communicative event in the regime of linguocultural synchrony.

Research implications. The continuous replenishment of the language with new communicative elements, the active development of media discourse as an environment for the existence of a modern communicative situation, and the permanent emergence of original images of Russian paremiology explain the theoretical and applied relevance of the undertaken research, which complements a series of works of linguoculturological orientation. The value pragmatics of the epoch is fixed in thought codes, proverbs, and unique forms of language functioning, and, therefore, the description of various linguocultural transactions is scientifically significant.

Keywords: Internet discourse, communicative event, linguistic culture, poetic image, phraseology, ecological demotivator

Введение

Контаминированный подход к интерпретации общественных процессов сквозь аналитическую призму языка значительно раздвигает границы исследовательских возможностей. Особую ценность при этом имеет концептуальный взгляд современных учёных на языковые явления, отражающий состояние культурной самобытности нации, её экономического развития, политической обстановки внутри страны и на мировой арене, экологических про-

блем и т. д. В то же время тяготение современной науки к множественности и разносторонности исследовательских подходов оправдывает дескриптивно-прагматические эксперименты как с узуальным, так и с окказиональным материалом как в области лингвистики, так и при функциональном взаимодействии различных отраслей знания. Язык представляет собой непрерывно развивающуюся систему, с лингвокультурологической точки зрения интересны устойчивые языковые структу-

ры, совмещающие эмоциональную память народа, исторические сведения, оценку событий и суждений, ценностные аспекты, проявляющиеся в мыслекодах [16], паремиях [29], аутентичных формах функционирования языка [7; 15] и т. д.

Языковое видение связано также с осещением проблем современности, в том числе экологических, вербально-визуализированный ряд формируется при участии креативно-информативных слоганов, плакатов, мотиваторов, демотиваторов, мемов, эдвайсов и т. д. [22, с. 94–97]. По определению в них заложены паремиологические структуры, «охватывающие общечеловеческое информационное поле», расположенные «между наукой и искусством» [20, с. 84]. Таким образом, фактологической базой и материалами данной работы послужили визуально-вербальные образы паремий в интернет-дискурсе, функционирующие в качестве демотиваторов и отражающие экологическое коммуникативное событие.

В век стремительного развития информационных технологий и расширения медиапространства обоснованным является разностороннее изучение интернет-дискурса и его аксиологии в синхронно-диалектическом аспекте [28, р. 507]. С филологической точки зрения можно говорить об особом художественном жанре демотиваторов, претендующем на структурно-семантическую устойчивость. Если представлен поэтический демотиватор, данная структура автоматически приобретает паремиологический потенциал (при рассмотрении паремий как типа фразеологических выражений, согласно дополнениям Н. М. Шанского [23, с. 7–14] в традиционную классификацию фразеологических единиц В. В. Виноградова [4, с. 339–364]). Если предложен прозаический демотиватор, коммуникативное событие обычно включает узуальный или окказиональный фразеологизм, помимо этого могут использоваться экспрессивные образы русского художественного дискурса, служащие материалом для возникновения прецедентных языковых единиц.

Многочисленные труды филологов, посвящённые медиа-дискурсу, коммуникативной ситуации, паремиологическому учению, не исчерпывают всех проблемных областей, а напротив, раздвигают границы научных интересов. Важным этапом исследовательской работы является всесторонняя характеристика кодов культуры, фиксируемых языком в процессе развития. По определению М. Л. Ковшовой, «культурный код – это система знаков (знаковых тел) материального мира, ставших носителями культурных смыслов» [9, с. 60], содержащееся в нём культурное знание является ключевым в понимании паремии как корреспондирующего элемента лингвокультуры.

Русский медиа-дискурс как пространство для возникновения паремиологических образов

В настоящее время пространство медийного дискурса является областью безграничных виртуальных возможностей, где возникновение новых лингвокультурных кодов происходит на фоне стремительно меняющегося мира и, как следствие, трансформации сознания носителей языка. На формирование кодов культуры как вербально-семантических маркёров оказывают влияние собственно лингвистические и экстралингвистические факторы. Актуальной исследовательской тенденцией синхронно-дескриптивной филологии является аналитическая работа с языковым материалом, в основе которой лежат поликультурные подходы, мотивировано стремление к индуктивной (от частного к общему) симметричной группировке элементов языковой системы, к установлению формально-содержательного баланса между сигнификатом (значимым) и денотатом (обозначенным)¹, к гармоничной иерархии компонентов¹. Образование коммуникативного события происходит при активном участии социокультурных процессов, поэтому перед учёными встаёт задача по-

¹ Немов Р. С. Психологический словарь. М.: ВЛАДОС, 2007. С. 87.

следовательного изучения разных типов дискурса и их образной структуры [21].

Определение **дискурса** имеет довольно размытые границы. Являясь объектом изучения филологии, философии, семиотики, данное понятие претендует на разобщённость трактовок, поскольку возникло, прежде всего, в западноевропейских культурах, дословный перевод на русский язык отсутствует. Дискурсивное познание привлекало философов Р. Декарта, Б. Спинозу, Г. В. Лейбница, Т. Гоббса и т. д., в последнее время термин приобрёл широкое распространение в среде языковедов. Ряд зарубежных лингвистов прошлых эпох (Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист, Э. Брюссанс и др.), стоящие у истоков развития многих теоретических положений современного языкознания, неоднозначно относились к дискурсу как филологической категории в своих трудах. Главная взаимосвязь между языком и дискурсом наблюдается в их системности, соотношении общего (язык) и частного (дискурс)¹. Посредством обобщения дефиниций, предлагаемых лексикографическими источниками, можно предложить рабочее для предпринятого исследования определение, сформулированное нами ранее: под **дискурсом** «понимается монологическое языковое полотно, развивающееся и реализующееся в конкретных речевых ситуациях, в письменных и устных текстах» [3, с. 75]. В настоящее время особенно актуальны всесторонние дискурсивные исследования [см.: 5, с. 247–252; 12], основанные на коммуникативной гетерогенности, паремиологической обрзанности, прагматической сложности.

В качестве материала для герменевтической работы с медийным дискурсом были подобраны демотиваторы, объединённые тематическими принципами и паремиологическими образами.

В открытых источниках интернета размещаются эмпирические статьи его пользователей, посвящённые разграничению понятий-неологизмов «мотиватор», «демотиватор», «эдвайс», «мем». Данные рассуждения базируются на виртуальном иллюстративном контенте, различия касаются в первую очередь визуальной и смысловой структуры. Так, под *мотиватором*, явившимся первопроходцем в медиажанровом спектре, понимается изображение, обычно в голубой рамке с позитивной, мотивирующей подписью внизу на голубом фоне. Данный тип визуально-вербальных единиц виртуального мира имеет преимущественно агитационный характер с положительно настроенным философским подтекстом, создаёт семантическую оппозицию *демотиватору*, который обрамлён чёрной рамкой с белой подписью внизу на чёрном фоне. Содержание текста к данному изображению имеет, напротив, негативный характер или элементы так называемого чёрного юмора. *Мем* представляет собой любой тип изображения, отдельные слова, звуко- или видеоряд и пользуется большой популярностью в интернете. Данный тип медиажанра обычно не обладает глубинным смыслом, но может содержать абсурдные ассоциации и плоские шутки. Мем как понятие появился относительно недавно, однако стал настолько распространён, что часто используется в качестве гиперонима, родового понятия по отношению к мотиваторам, демотиваторам, эдвайсам. Самым поздним по времени возникновения считается *эдвайс*, вмещающий в себя изображение конкретного персонажа с прагматической мимикой. Картинка размещается на ярком фоне и обрамляется надписями рекомендательного характера (неслучайно – от англ. 'advice' – «консультация, совет»)². При обращении к лексикографическим базам можно обнаружить понятийную вариативность функциональных терминов [26; 27], при выведении терминологического

¹ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения 23.03.2022); Жеребило Т. В. Дискурс // Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 94–95.

² Что такое демотиваторы, мотиваторы, мемы, эдвайсы [Электронный ресурс]. URL: <http://batona.net/26185-cto-takoe-demotivatory-motivatory-memy-edvaysy.html> (дата обращения 23.03.2022).

аппарата авторами был избран метод обобщения.

Поскольку иллюстративный материал был ограничен тематическими рамками и касался экологических проблем, связанных со всеми природными сферами, стоит сказать об охарактеризованных в древнейшие времена алхимиками природных стихиях. Древние философы Аристотель, Платон, Эмпедокл и другие говорили о первооснове мира, базирующейся на четырёх элементах, или стихиях (земля, вода, воздух, огонь), однако выделялась и пятая, стоящая над остальными и объединяющая их, – эфир, или дух¹. Считается, что человечество может обуздать все стихии, кроме всеобъемлющей энергии духа. В связи с этим Л. Б. Савенкова говорит о том, что «антропологизация научной парадигмы в лингвистике проявляется, прежде всего, в переносе акцентов на рядового человека, его обыденное сознание и повседневные практики» [17, с. 67], что способствует филологическому осмыслению происходящего в действительности. Создание слогов, мотиваторов, демотиваторов, мемов, эдвайсов является лингвокультурологическим откликом на конкретную коммуникативную ситуацию. Как протест выступают поэтические зарисовки на злободневные темы мирового масштаба [14]. Особенное воздействие они имеют на аудиторию слушателей и читателей, если заключены в образные рифмованные строчки, обладающие паремиологическим потенциалом.

В дополнение к сказанному вспомним о таком учении, как лингвоэкология. По словам А. П. Сковородникова, границы лингвоэкологии, или эколингвистики ещё не достаточно определены в силу относительной молодости данной области знания. Однако очевидна её концептуально-мотивационная связь с философией, предписывающей «включение в целевую и предметную область лингвоэкологии проблематики совершенствования языка и его

речевого воплощения, включая изучение и популяризацию языкового творчества» [18, с. 9–17]. Следовательно, говоря о вербализации экологических проблем, стоит помнить об экологии языка и речи, которая специфическим образом проявляется в демотиваторах. Наблюдается дуализм вопроса: с одной стороны, медиажанр об экологических проблемах, с другой – изучение медийного дискурса как проекции экологии в языке.

Паремии как элементы коммуникативного события и инструментарий медиадискурса

Язык как семиотическая, знаковая система уделяет особое внимание фразеологии и паремиологии, которые специализируют, углубляют, маркируют её. Становление фразеологической теории восходит к 40-м гг. прошлого столетия и связано с именами выдающихся лингвистов: идеи Ш. Балли были поддержаны позже академиком В. В. Виноградовым, благодаря которому филология стала оперировать дескриптивными возможностями устойчивых структур. Особые споры были связаны с классификационными характеристиками языкового явления. В связи с этим до сих пор существуют два подхода к фразеологии как учению – узкий и широкий. Узкий взгляд характерен для Н. Н. Амосовой, А. М. Бабкина, В. П. Жукова, А. И. Молоткова, А. П. Мордвилко, С. И. Ожегова, Г. И. Петровой, М. Р. Проскурякова, В. Н. Телия, И. С. Торопцева, И. И. Чернышевой и др., относящих к фразеологизмам только идиомы – фразеологические сращения и единства, а также фразеологические сочетания (по В. В. Виноградову). При широком подходе к фразеологическому учению, наиболее распространённому в настоящее время [1; 5; 10; 12; 13; 15], в число устойчивых структур включают разнообразные языковые конструкции со специфическими особенностями [2], в том числе и паремии.

Паремии представляют собой структурно-семантические комплексы, в которых элементы зависят друг от друга, базируясь на метафорических, экспрессивно-эмо-

¹ Лебедев А. В. Элементы // Античная философия: Энциклопедический словарь / отв. ред. М. А. Солопова. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 799–800.

циональных, образных и иных процессах. Формирование данных языковых единиц протекает медленно, им предстоит проделать долгий путь в языке, прежде чем состоится их кодификация в узальной лексикографии. Как справедливо отмечает О. В. Ломакина, система ценностей отражается в разных типах языковых средств, однако «более выразительно она представлена в паремиологическом фонде языка» [10, с. 98]. Обычно паремии соотносят с фразами (афоризмы, пословицы, антипословицы, поговорки, загадки, девизы, слоганы и др.). Главное, чтобы семантическим центром являлось мудрое, лаконичное, этнокультурное высказывание, обладающее воспроизводимостью и узнаваемостью среди носителей языка [19, с. 10–14].

Разноаспектные исследования русской лингвокультуры посвящены также функционированию и этимологии паремий на различных этапах развития языка [24, р. 31–36]. В сферу рассмотрения попадают устаревшие языковые единицы, возникновение которых относят к более раннему периоду развития демоса, обороты, являющиеся языковыми средствами активного вербального запаса, неологические структуры [25, р. 157–160]. Особое значение и формальное проявление приобретают образы паремий как прагматически заряженных языковых единиц, фигурирующие в медийном пространстве. Вписывание паремий в структуру художественного дискурса освещает ряд исследований [3; 11; 13; 21], в научных работах рассматриваются особенности коммуникативных событий, коннотативно-семантическая синергия использования языковых средств¹ и т. д.

Языковой процесс, пребывающий в непрерывной динамике, представляет собой систематизированное пространство, пополнение которого происходит во многом за счёт литературы – как прозы, так и поэзии. Стихотворный язык, являясь проводником образно-ассоциативного мышления, создаёт условия, при которых метафорич-

ность запускает механизмы семантической переинтерпретации языкового материала, по точному выражению В. М. Мокиенко, «стихотворный текст органически соединяет в себе дихотомию формы и содержания» [13, с. 212]. Вследствие этого в дискурсе появляются новые смысловые вариации и образуются взаимосвязанные лексические блоки, имеющие несвободную семантику, со временем перерастающую в паремиологическую прагматику. Одним из новых типов дискурса является медиа-дискурс, в который образы паремий вписываются также в качестве вербального инструмента демотиваторов, образуя уникальное коммуникативное событие [1]. В. П. Зелеева рассматривает коммуникативное событие как «процесс кодирования и декодирования ... определённого смысла» [8, с. 31] и фрагмент коммуникативной ситуации.

Медийный дискурс и образы паремий в демотиваторах

Особенности интернет-дискурса как разновидности медиа-дискурса давно привлекают современных лингвистов [6; 11]. Коммуникативное событие и его инструмент, образ паремии в демотиваторе занимают умы исследователей, обогащают медийный дискурс новыми художественными экспериментами в синхронии лингвокультуры.

Паремиологические образы в экологических демотиваторах предполагают частое включение иронии или сатиры (как имплицитной, так и эксплицитной), поэтому интересный иллюстративный материал можно найти в шутливых стихах, чаще всего реализуемых в демотиваторах², т. е. в собственно поэтических контекстах. Другим типом языковых единиц с образной структурой представляются прозаические демотиваторы³, содержащие

¹ См.: Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

² Демотиваторы стихи [Электронный ресурс]. URL: <https://demotivatorium.ru/demotivators/tags/стихи> (дата обращения 23.03.2022).

³ Демотиваторы об экологии [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/images/search?text=демотиваторы%20об%20экологии&lr=213&source=wiz> (дата обращения: 23.03.2022).

паремиологические контаминации или включающие в себя общеязыковые или авторские фразеологизмы (часто – трансформированные структурно и/или семантически).

Поэтические демотиваторы за счёт своей прецедентности обычно имеют характер прогностической устойчивости, что служит отправной точкой возникновения паремий. Иронические или сатирические стихи обычно имеют многозначительный

заголовок, могут быть условно разделены на группы в соответствии со структурно-семантическими особенностями:

- а) переинтерпретация известных строк классических стихотворений, воспринимаемых как устойчивые структуры в силу их коммуникативной образности;
- б) бессмысленные тексты графоманов (преимущественно из детских книжек);
- в) дополненные рифмованными строками рекламные слоганы (рис. 1–3).

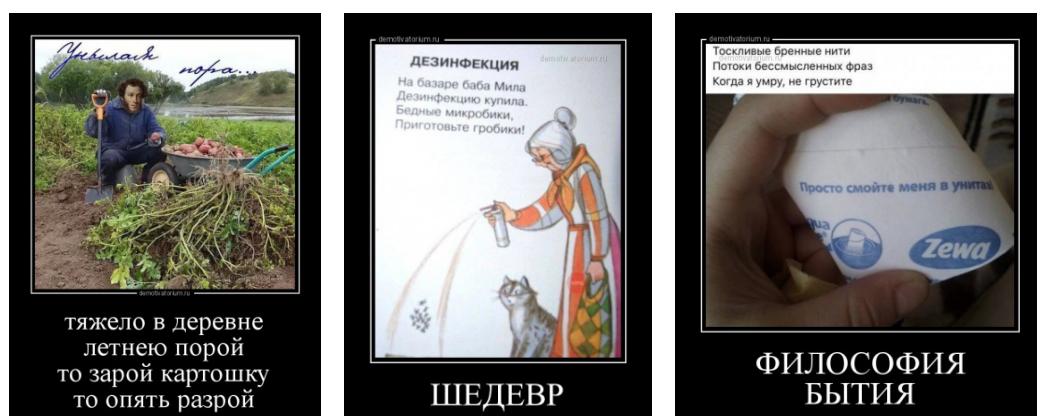

Рис. 1–3 / Fig. 1–3. Образы неологических паремий в поэтических демотиваторах / Examples of geological paremias in poetic demotivators

Источник: изображения, находящиеся в свободном доступе в интернете.

Имплицитное указание на социальные проблемы в данном случае носит больше ироничный, развлекательный характер.

Прозаические экологические демотиваторы носят прагматический характер и выполняют функцию воздействия. Это злободневные высказывания, обличаю-

щие поведение человека в окружающей среде. Стратификация коммуникативных событий в образах данных вербально-визуализированных структур может быть основана на семантическом принципе и выглядеть следующим образом.

1. Общие экологические образы как инструменты медиа-дискурса (рис. 4–6).

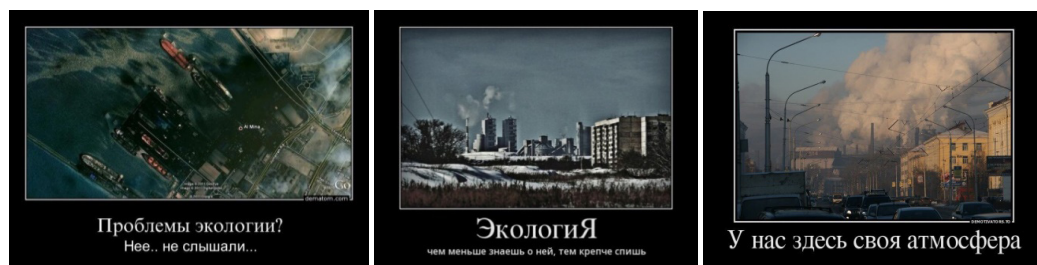

Рис. 4–6 / Fig. 4–6. Общие образы медийного дискурса / General images of media discourse

Источник: изображения, находящиеся в свободном доступе в интернете.

В одном из приведённых демотиваторов обыгрывается поговорка «Меньше знаешь, крепче спишь». Данная устойчивая структура частотна в речи носителей языка, однако в художественном мире в силу своей

предикативности распространена преимущественно в прозаических текстах.

2. Конкретизация коммуникативного события с паремиологическим потенциалом (рис. 7–9).

Рис. 7–9 / Fig. 7–9. Частные образы медийного дискурса / Private images of media discourse

Источник: изображения, находящиеся в свободном доступе в интернете

Благодаря воспроизводимости в речи носителей языка семантико-синтаксические конструкции «Природа отдохнула на ком-то», «Отдохнуть на природе» воспринимаются как устойчивые. Например, в тексте О. Г. Чухонцева читаем: «...не зря со

своим знаменитым / свояком, приезжавшим на лето со всей семьёй / *отдохнуть на природе...*»¹ (здесь и далее курсив наш. – Е. А., Е. З., Ю. Р.) и т. д.

3. Образно-событийное взаимодействие человека и природы (рис. 10–12).

Рис. 10–12 / Fig. 10–12. Антропоморфный принцип в медиа-дискурсе / Anthropomorphic principle in media discourse

Источник: изображения, находящиеся в свободном доступе в интернете.

В первом демотиваторе данного блока присутствует переосмысление одного из устойчивых сочетаний слов – *венец творенья*. В поэтическом корпусе НКРЯ данная языковая единица встречается в 11 доку-

ментах, всего 12 вхождений. Помимо этого, присутствуют и тексты с синтаксически главным компонентом данной единицы в ином дистрибутивном окружении (*терновый венец, царственный венец, венец старинных драм, гордости венец* и др.). Второй демотиватор созвучен поэтическим строкам (в частности, последней из них), претендующим на афористичность в силу

¹ Чухонцев О. Г. «Орест Александрович Тихомиров происходил из немцев...» // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения 30.03.2022).

когнитивной глубины слов-компонентов: «Пусть имена цветущих городов / Ласкают слух значительностью брэнной. / Не город Рим живёт среди веков, / А место человека во вселенной»¹. В третьем демотиваторе встречается единица *борец за экологию и природу*, имеющая в НКРЯ аналогично первому случаю вариативность в виде

единиц: *борец за мировой прогресс, боец за право народа, боец за свободу, боец за честь икон*. Начальной предположно-падежной словоформе вне зависимости от контекста присущ паремиологический потенциал, некоторая образная константность.

4. Медийная визуализация экологического хронотопа (рис. 13–15).

Рис. 13–15 / Fig. 13–15. Образная вербализация отрицательной динамики / Figurative verbalization of negative dynamics

Источник: изображения, находящиеся в свободном доступе в интернете

По данным НКРЯ, единица *были времена* может быть позиционирована как устойчивая, что подтверждает частотность её использования разными поэтами – А. Т. Твардовским, В. В. Маяковским, Н. А. Некрасовым и др. Наблюдается также функционирование устойчивой

структуры *уже поздно* (с искомой семантикой) в дискурсе поэтической фразеологии у таких поэтов, как Б. Ш. Кенжеев, А. Н. Миронов, Н. Байтов, Е. Б. Рейн и др.

5. Включение иронии в образную структуру (рис. 16–18).

Рис. 16–18 / Fig. 16–18. Демотиваторы-лозунги / Demotivators-slogans

Источник: изображения, находящиеся в свободном доступе в интернете.

Данный тип демотиваторов базируется в большинстве своём на прецедентных текстах современной рекламы.

¹ Мандельштам О. Э. «Пусть имена цветущих городов...» (1914) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения 30.03.2022).

Лаконичность, заключённая в одной-двух информативных строках, создаёт запоминающиеся образы медиа-дискурса.

Многие вербальные компоненты приведённых демотиваторов воспроизводимы, узнаваемы и коммуникативно ориентиро-

ваны, поэтому могут позиционироваться как потенциальные паремиологические структуры, вписывающиеся в событийную структуру русского медийного дискурса.

Заключение

Конstellация исследовательских подходов может привести к неожиданным результатам, часто с синергетическим эффектом. Посредством слова возможно решить многие вопросы, поэтому интересно посмотреть, каким образом происходит обсуждение проблем экологии в паремиологических образах медийного пространства. Одно из древнейших высказываний, встречаемых в великой книге христиан – Библии, гласит: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоан. 1:1). Приведённые строки давно воспринимаются носителями языка как устойчивая структура. Игнорируя теологические аспекты, наука, прежде всего, ассоциирует Бога с природой, поэтому ключевым моментом в данном случае является сила вербального воздействия на реальные события. Иная паремиологическая структура, принадлежащая перу выдающегося классика, гласит: «Глаголом жечь сердца

людей»¹, где *глагол* – это «слово» (устар.). На протяжении столетий данная языковая единица преобразовалась в устойчивый образ и заняла свою нишу в медийном дискурсе, став компонентом мемов.

В данном исследовании продемонстрировано воздействие духовно-ценностной ориентации новой эпохи [2] на «коды традиционной культуры и молодёжных субкультур» [15, с. 374]. В связи с этим филологическое исследование проведено при участии психологического, экологического, социологического знания и основано на взаимном влиянии аксиологического хронотопа и узуса в развитии. Таким образом, семантико-дескриптивный анализ тематически близких паремий позволяет проследить особенности формирования медиа-дискурса, выявить коммуникативное намерение при создании запоминающихся образов. Закономерно, что исследовательские векторы получают различные направления, а когнитивная деятельность охватывает как лингвистический, так и внеязыковой уровни общественного сознания.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурс коммуникативное событие // Современные достижения и новые направления филологии: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, Белгород, 12–13 февраля 2018 г. / под общ. ред. Е. Г. Озеровой. Белгород: Эпицентр, 2018. С. 8–12.
2. Антонова Е. Н. Аксиологический компонент в дискурсе поэтической фразеологии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции, Тула, 17–19 мая 2018 г. Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. С. 199–203.
3. Антонова Е. Н. Фразеолого-паремиологический аспект языковой личности в синхронии лингвокультуры // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. № 1. С. 71–78.
4. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. С. 140–161.
5. Голованевский А. Л., Сычёва Е. Н. Афористика и фразеология, или афористическая фразеология (на материале поэзии Ф. И. Тютчева) // Устойчивые фразы в парадигмах науки: материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского, Тула, 8–11 июня 2015 г. Тула: С-принт, 2015. С. 247–252.
6. Зацепина Е. А. Англицизмы в современном русском языке рубежа XX–XXI столетий: этимологическая справка и функциональный спектр. М.: Издательство Государственного университета по землеустройству, 2020. 212 с.

¹ Пушкин А. С. Пророк (1828) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения 30.03.2022).

7. Зацепина Е. А. Русский язык по законам военного времени // Победа над нацизмом: правда истории и вызовы современности: материалы международной научной конференции, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Москва, 9 апреля 2020 г. М.: Издательство Государственного университета по землеустройству, 2020. С. 73–78.
8. Зелева В. П. Коммуникативное событие и его анализ в образовательном пространстве вуза // Образование и саморазвитие. 2012. № 2 (30). С. 30–34.
9. Ковшова М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 2. С. 60–65.
10. Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филологические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 97–107.
11. Ломакина О. В. Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции, Тула, 17–19 мая 2018 г. Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. С. 254–260.
12. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М.: Флинта: Наука, 2009. 462 с.
13. Мокиенко В. М. Пословица в поэтическом тексте // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А. М. Мелеревич / отв. ред., сост. И. Ю. Третьякова. Кострома, Издательство Костромского государственного университета, 2018. С. 211–225.
14. Назарова Е. А. Вау, что творится в этом мире! // Образовательная политика. 2009. № 4. С. 66–68.
15. Никитина Т. Г. Коды культуры и субкультурное перекодирование фразеологизмов // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 374–382.
16. Пинкер С. Язык как инстинкт / пер. с англ.; общ. ред. В. Д. Мазо. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
17. Савенкова Л. Б. Русская паремология: семантический и лингвокультурологический аспект. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 2002. 239 с.
18. Сковородников А. П. Экология русского языка. Красноярск: Издательство Сибирского федерального университета, 2016. 388 с.
19. Сычёва Е. Н. Фразеология «денисьевского цикла» Ф. И. Тютчева // Русская речь. 2014. № 4. С. 10–14.
20. Твердохлеб О. Г. Способы истолкования антропонимов в афористических определениях // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 1. С. 82–91.
21. Чумак-Жунь И. И. К вопросу о дискурсивном перекодировании в художественном тексте // Университетские чтения – 2021: материалы научно-методических чтений Пятигорского государственного университета, Пятигорск, 17–19 марта 2021 г. / отв. ред. З. А. Заврумов. Пятигорск: Издательство Пятигорского государственного университета, 2021. С. 194–198.
22. Шалимов А. Б. Мем-театр: влияние культуры новых медиа на познание мира человеком // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 43. С. 94–97.
23. Шанский Н. М. О фразеологизме как языковой единице и предмете фразеологии // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума. Тула: Издательство Тульского государственного педагогического института имени Л. Н. Толстого, 1968. С. 7–14.
24. Alefirenko N. F. Concept as a Mysterious Demiurge of Cognitive Linguopoetics // Russian Linguistic Bulletin. 2019. № 1 (17). P. 31–36.
25. Beaugrande R., de. New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication, and the Freedom of Access to Knowledge and Society. New Jersey: Ablex Publishing Corporation Norwood, 1997. 400 p.
26. Gee J. P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. London, New York: Routledge, 1999. 350 p.
27. Kunyagina O. V., Lomakina O. V., Makarova A. S. Orthodoxy and the World Website as an Example of Modern Religious Discourse // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. V. 59. P. 507–514.
28. Mokienko V. M. České ekvivalenty nové ruské frazeologie // Bohemistika. 2020. Vol. 2020. № 2. P. 217–231.
29. Text and Discourse: Between Scylla and Charybdis of Cognitive Linguopoetics / N. F. Alefirenko, I. I. Chumak-Zhun, E. G. Ozerova, K. K. Stebunova // Journal of Language and Literature. 2015. Vol. 6. № 2. P. 157–160.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. [Discourse as a Communicative Event]. In: Ozerova E. G., ed. *Sovremennye dostizheniya i novye napravleniya filologii: sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Belgorod, 12–13 fevralya 2018 g.* [Modern Achievements and New Directions of Philology: A Collection of Scientific Papers Based on the Results of the International Scientific Conference, Belgorod, February 12–13, 2018]. Belgorod, Epicentr Publ., 2018, pp. 8–12.
2. Antonova E. N. [Axiological Component in the Discourse of Poetic Phraseology]. In: *Poliparadigmalye konteksty frazeologii v XXI veke: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Tula, 17–19 maya 2018 g.* [Polyparadigmatic Contexts of Phraseology in the 21st Century: Materials of the International Scientific Conference, Tula, May 17–19, 2018] Tula, Tulskoe proizvodstvennoe poligraficheskoe obedinenie Publ., 2018, pp. 199–203.
3. Antonova E. N. [Phraseological and Paremiological Aspect of Linguistic Personality in the Synchrony of Linguistic Culture]. In: *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke* [Social and Humanitarian Sciences in the Far East], 2020, vol. 17, no. 1, pp. 71–78.
4. Vinogradov V. V. [On the Main Types of Phraseological Units in the Russian Language]. In: Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o solve* [Russian Language. The Grammatical Doctrine of the Word]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1947, pp. 140–161.
5. Golovanevskii A. L., Sychyova E. N. [Aphoristics and Phraseology, or Aphoristic Phraseology (Based on the Poetry of F. Tyutchev)]. In: *Ustoichivye frazy v paradigmatkh nauki: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Leonidovicha Arhangel'skogo, Tula, 8–11 iyunya 2015 g.* [Set Phrases in the Paradigms of Science: Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Birthday of Vladimir Leonidovich Arkhangelsky]. Tula, S-print Publ., 2015, pp. 247–252.
6. Zatsepina E. A. *Anglitsizmy v sovremennom russkom yazyke rubezha XX–XXI stoletii: etimologicheskaya spravka i funktsional'nyi spektr* [Anglicisms in Modern Russian at the Turn of the 20th–21st Centuries: Etymological Reference and Functional Spectrum]. Moscow, State University for Land Use Planning Publ., 2020. 212 p.
7. Zatsepina E. A. [Russian Language according to the Laws of Wartime]. In: *Pobeda nad natsizmom: pravda istorii i vyzovy sovremennosti: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine, Moskva, 9 aprelya 2020 g.* [Victory over Nazism: The Truth of History and the Challenges of Our Time: Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, Moscow, April 9, 2020]. Moscow, State University for Land Use Planning Publ., 2020, pp. 73–78.
8. Zeleeva V. P. [Communicative Event and Its Analysis in the Educational Space of the University]. In: *Obrazovanie i samorazvitiye* [Education and Self-Development], 2012, no. 2 (30), pp. 30–34.
9. Kovshova M. L. [Analysis of Phraseological Units and Codes of Culture]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series], 2008, vol. 67, no. 2, pp. 60–65.
10. Lomakina O. V. [The Study of Proverbs in Line with the Value Paradigm: Research Methodology and Evaluation Criteria]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V. Vernadsky Crimean Federal University. Series: Philological Sciences], 2021, vol. 7, no. 1, pp. 97–107.
11. Lomakina O. V. [Wings in Internet Discourse: Functional and Pragmatic Aspect]. In: *Poliparadigmalye konteksty frazeologii v XXI veke: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Tula, 17–19 maya 2018 g.* [Polyparadigmatic Contexts of Phraseology in the 21st Century: Materials of the International Scientific Conference, Tula, May 17–19, 2018.] Tula, Tulskoe proizvodstvennoe poligraficheskoe obedinenie Publ., 2018, pp. 254–260.
12. Mokienko V. M. *Obrazy russkoi rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian Speech: Historical and Etymological Essays on Phraseology]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009. 462 p.
13. Mokienko V. M. [A Proverb in a Poetic Text]. In: Tretiakova I. Yu., ed. *Zhizn' frazeologii – frazeologiya v zhizni: sbornik nauchnykh statei k yubileyu professora A. M. Melerovich* [Life of Phraseology – Phraseology in Life: A Collection of Scientific Articles for the Jubilee of Professor A. Melerovich]. Kostroma, Kostroma State University, 2018, pp. 211–225.
14. Nazarova E. A. [Wow, What's Going on in This World!]. In: *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy], 2009, no. 4, pp. 66–68.

15. Nikitina T. G. [Cultural Codes and Subcultural Recoding of Phraseological Units]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies], 2021, no. 2 (45), pp. 374–382.
16. Pinker S. The Language Instinct (Rus. ed.: Mazo D., ed. *Yazyk kak instinkt*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 456 p.).
17. Savenkova L. B. *Russkaya paremiologiya: semanticheskii i lingvokulturologicheskii aspekt* [Russian Paremiology: Semantic and Linguoculturological Aspect]. Rostov on Don, Rostov University Publ., 2002. 239 p.
18. Skovorodnikov A. P. *Ekologiya russkogo yazyka* [Ecology of the Russian Language]. Krasnoyarsk, Sibirsk Federal University Publ., 2016. 388 p.
19. Sycheva E. N. [Ways of Interpreting Anthroponyms in Aphoristic Definitions]. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2014, no. 4, pp. 10–14.
20. Tverdohleb O. G. [Ways of Interpreting Anthroponyms in Aphoristic Definitions]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Pedagogy], 2020, no. 1, pp. 82–91.
21. Chumak-Zhun I. I. [On the Issue of Discursive Recoding in a Literary Text]. In: Zavrumov Z. A., ed. *Universitetskie chteniya – 2021: materialy nauchno-metodicheskikh chtenii PGU, Pyatigorsk, 17–19 marta 2021 g.* [University Readings – 2021: Materials of Scientific and Methodological Readings of Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, March 17–19, 2021]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Universitety, 2021, pp. 194–198.
22. Shalimov A. B. [Mem-theater: The Impact of the Culture of New Media on Human Cognition of the World]. In: *Sborniki konferentsii NIC Sotsiosfera* [Collection of conferences of the National Research Center Sociosphere], 2011, no. 43, pp. 94–97.
23. Shanskii N. M. [On Phraseology as a Language Unit and Subject of Phraseology]. In: *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinit: materialy mezhvuzovskogo simpoziuma* [Problems of Stability and Variance of Phraseological Units: Materials of the Interuniversity Symposium]. Tula, Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstogo, 1968, pp. 7–14.
24. Alefirenko N. F. Concept as a Mysterious Demiurge of Cognitive Linguopoetics. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 2019, no. 1 (17), pp. 31–36.
25. Beaugrande R., de. *New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication, and the Freedom of Access to Knowledge and Society*. New Jersey, Ablex Publishing Corporation Norwood, 1997. 400 p.
26. Gee J. P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. London, New York, Routledge, 1999. 350 p.
27. Kunyagina O. V., Lomakina O. V., Makarova A. S. Orthodoxy and the World Website as an Example of Modern Religious Discourse // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2019. V. 59. P. 507–514.
28. Mokienko V. M. České ekvivalenty nové ruské frazeologie // *Bohemistika*. 2020. Vol. 2020. № 2. P. 217–231.
29. Text and Discourse: Between Scylla and Charybdis of Cognitive Linguopoetics / N. F. Alefirenko, I. I. Chumak-Zhun, E. G. Ozerova, K. K. Stebunova // *Journal of Language and Literature*. 2015. Vol. 6. № 2. P. 157–160.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Государственного университета по землеустройству;
e-mail: stchl@yandex.ru

Зацепина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и иностранных языков Государственного университета по землеустройству;
e-mail: myshila@mail.ru

Рудинова Юлия Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков Государственного университета по землеустройству;
e-mail: yu_rudinova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena N. Antonova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Languages, State University of Land Use Planning;
e-mail: stchl@yandex.ru

Elena A. Zatsepina – Cand. Sci. (Philological Sciences), Head of Department, Department of Russian and Foreign Languages, State University of Land Use Planning;
e-mail: myshila@mail.ru

Yulia I. Rudinova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Languages, State University of Land Use Planning;
e-mail: yu_rudinova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Антонова Е. Н., Зацепина Е. А., Рудина Ю. И. Коммуникативное событие в образе паремий русского медийного дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 6–19.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-6-19

FOR CITATION

Antonova E. N., Zatsepina E. A., Rudinova Yu. I. A Communicative Event in the Form of Paremias of the Russian Media Discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 6–19.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-6-19

УДК 811.161.1'373.21; 81.28

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-20-31

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (ПО ДАННЫМ ВОРОНЕЖСКОЙ МИКРОТОПОНИМИИ)

Верховых Л. Н.*Воронежский государственный университет,**Борисоглебский филиал**397160, г. Борисоглебск, ул. Народная, д. 43, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На материале воронежской микротопонимии изучить особенности региональной языковой картины мира, связанные с представлениями о времени и пространстве.

Процедура и методы. Материалом исследования послужили микротопонимы, репрезентирующие категории «пространство» и «время», функционирующие в 28 населённых пунктах Воронежской области. Основными методами, применяемыми в исследовании, явились описательный и сравнительно-сопоставительный методы, а также метод компонентного анализа (анализ актуализированных сем микротопонима), лингвокраеведческое комментирование.

Результаты. В ходе анализа микротопонимического материала было установлено, что рассмотренные микротопонимы достаточно полно отражают представления человека о пространстве, в меньшей степени – о времени. В работе охарактеризованы два уровня микротопонимических единиц, дающих представление о пространстве. На первом уровне выделены следующие группы онимов: 1) микротопонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем горизонтальную протяжённость; 2) микротопонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем вертикальную протяжённость; 3) микротопонимы, характеризующие представления человека о пространстве, отражающем радиальные связи объектов. На втором уровне выделены группы микротопонимов, дифференцированные в соответствии с семантическими признаками. Охарактеризованы следующие группы географических названий, отражающих представление человека о времени: 1) микротопонимы, включающие в свой состав порядковые числительные; 2) микротопонимы, включающие в свой состав номинации с семами 'поздний', 'старый', 'новый'. Понятия о пространстве чаще всего выражаются с помощью географического конкретизатора в микротопониме, о времени – с помощью компонента, представленного порядковым числительным. Все микротопонимы, отражающие представление человека о времени, находятся в определённых «временных рядах», составляющих бинарные или многокомпонентные оппозиции. Характеристика пространства в региональной языковой картине мира (по данным воронежской микротопонимии) достаточно чётко отражает географические особенности, связанные со спецификой ландшафта Воронежской области, особенностью которого является наличие значительного числа возвышенностей и оврагов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленная в работе методика анализа микротопонимических единиц может быть в дальнейшем востребована при изучении региональной языковой картины мира, в том числе и с использованием краеведческих данных. Эмпирический материал исследования может быть полезен для составления словаря микротопонимов Воронежской области и осуществления этнолингвистических исследований, связанных с изучением категорий «пространство» и «время».

Ключевые слова: Воронежская область, время, диалектные слова, лингвокраеведение, микротопонимия, пространство, региональная языковая картина мира, русский язык

SPACE AND TIME IN THE REGIONAL LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (ON THE EXAMPLE OF VORONEZH MICROTOPYNIMY)

L. Verkhovyykh

Borisoglebsk Branch of Voronezh State University,

Borisoglebsk Branch

ul. Narodnaya 43, Borisoglebsk 397160, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the work is to study the features of the regional linguistic picture of the world, associated with ideas about time and space, on the basis of Voronezh microtoponymy.

Methodology. The material of the study was microtoponyms representing the categories of “space” and “time”, functioning in 28 settlements of the Voronezh region. The main methods used in the study were the descriptive method, the comparative method, the method of component analysis (analysis of actualized semes of microtoponyms), and linguistic and regional commentary.

Results. It is found that the considered microtoponyms quite fully reflect a person's ideas about space, to a lesser extent – about time. The paper characterizes two levels of microtoponymic units that give an idea of the space. At the first level, the following groups of onyms are distinguished: 1) microtoponyms that characterize a person's ideas about a space that has a horizontal extent; 2) microtoponyms that characterize a person's ideas about a space that has a vertical extent; and 3) microtoponyms that characterize a person's ideas about space, reflecting the radial connections of objects. At the second level, groups of microtoponyms are distinguished, differentiated in accordance with semantic features. The following groups of geographical names reflecting a person's idea of time are characterized: 1) microtoponyms, which include ordinal numbers; and 2) microtoponyms that include nominations with the semes 'late', 'old', 'new'. The concepts of space are most often expressed with the help of a geographical concretizer in a microtoponym, about time – with the help of a component represented by an ordinal number. All microtoponyms that reflect a person's idea of time are in a certain “time series” that make up binary or multicomponent oppositions. The characterization of space in the regional linguistic picture of the world (according to the Voronezh microtoponymy) quite clearly reflects the geographical features associated with the specifics of the landscape of the Voronezh region, a feature of which is the presence of a significant number of hills and ravines.

Research implications. The method of analysis of microtoponymic units presented in the paper can be further applied to study of the regional linguistic picture of the world, including using local history data. The empirical material of the study can be useful for compiling a dictionary of microtoponyms of the Voronezh region and for carrying out ethnolinguistic research related to the study of the categories “space” and “time”.

Keywords: Voronezh region, time, dialect words, local linguistics, microtoponymy, space, regional linguistic picture of the world, Russian language

Введение

Понятия «пространство» и «время» являются универсальными категориями, которые изучаются в рамках философии, лингвистики, литературы, естествознания, психологии, искусства. В современной лингвистике изучение категорий «пространство» и «время» осуществляется в лексико-семантическом, этнолингвистическом, лингвокультурологическом, когни-

тивном и иных аспектах. В данной работе анализ названных категорий в региональной языковой картине мира (на материале воронежской микротопонимии) осуществляется в лексико-семантическом аспекте, с позиций лингвистической семантики.

Под региональной картиной мира понимаются «варианты когнитивной и языковой картины мира, свойственные жителям отдельных регионов и носите-

лям определённых диалектов» [17, с. 16]. Составляющей языковой картины мира является топонимическая картина, в которую включаются онимические номинации [6]. Региональная топонимическая картина мира является системой, тесно связанной с историко-культурными особенностями края: «Региональная топонимическая картина мира, соответствуя определённому региону как историко-культурной зоне, представляет собой систему частных систем, в которых сосуществуют собственно топонимия (мезотопонимия) как часть общей топонимической картины мира и микротопонимия. Последняя, в свою очередь, есть система систем, микросистем, каждая из которых уникальна, – это “самоценное культурно-историческое образование” (Н. Л. Сухачев). Микротопонимия тесно связана с окружающей действительностью, с человеком, его сознанием, его духовно-практической деятельностью» [6, с. 13].

Проблемы региональной языковой картины мира на материале топонимии и микротопонимии изучаются давно, с начала XIX в. Ярким примером таких исследований является труд Е. А. Болховитинова, в котором характеризуются воронежские топонимы и микротопонимы¹.

Воронежские географические названия являются объектом исследования в трудах Г. Ф. Ковалева (топонимия и микротопонимия Воронежской области)², С. А. Попова (ойконимия Воронежской области) [10; 11], В. А. Семушкина (гидронимия Среднего Дона) [12], Т. В. Толбиной (микротопонимия Воронежской области) [14], О. П. Дмитриевой (топонимия Россошанского района) [5], а также в статье В. Ф. Филатовой (микротопонимия села Третьяки Борисоглебского района) [15], Е. И. Сяновой [13], А. В. Белаенцевой (микротопонимия Борисоглебского город-

ского округа) [1], Э. О. Пархоц (микротопонимия Верхнехавского района) [9], Л. Н. Верховых (микротопонимия села Абрамовка Таловского района) [4] и др.

В настоящее время осуществляется лексикографическое описание воронежской топонимии и микротопонимии³, рассматриваются актуальные вопросы топонимической номинации [7; 10].

В работе Чэнь Цзыди [16] характеризуются основные номинационные и семантические типы микротопонимии Воронежской области через призму языковой картины мира, однако категории «пространство» и «время» не изучаются. Новизна данного исследования состоит в том, что в работе впервые характеризуется фрагмент региональной языковой картины мира (область представлений о пространстве и времени) на примере анализа микротопонимии 28 населённых пунктов Воронежской области.

В данном исследовании под микротопонимами понимаем народные географические названия, известные на ограниченной территории (к числу микротопонимов относим и народные названия улиц, микровиконимы (А. М. Мезенко, Р. В. Разумов), и изучаем особенности региональной языковой картины мира, связанные с представлениями о времени и пространстве, на основе источников лаборатории региональной лингвистики, фольклора и этнографии Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета, полевых материалов, собранных автором работы, а также данных словаря микротопонимов Г. Ф. Ковалева⁴, статьи А. В. Белаенцевой [1]. В работе применяются следующие сокращения (табл. 1).

¹ См.: Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж: Типография Губернского правления, 1800. 228 с.

² См.: [7]; Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2 т. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2017.

³ См.: Ковалев Г. Ф. Микротопонимия Воронежской области: словарь. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. 408 с.; Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2 т. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2017;

Попов С. А., Пухова Т. Ф., Грибоедова Е. А. Топонимия Воронежского Края: Историко-краеведческое издание. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. 336 с.

⁴ Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2 т. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2017.

Таблица 1 / Table 1

Принятые сокращения / Accepted abbreviations

Сокращение	Расшифровка
АБР. ТАЛ.	с. Абрамовска Таловского р-на
БАЙЧ. ПОВОР.	с. Байчурово Поворинского р-на
БОГАН. БОРИСОГЛ.	с. Богана Борисоглебского р-на
БОРИСОГЛ.	г. Борисоглебск
БУТУРЛ.	г. Бутурлиновка
ВАС. ГРИБ.	с. Васильевка Грибановского р-на
ВЛАС. ГРИБ.	с. Власовка Грибановского р-на
ДЕД. ПЕТР.	с. Дедовка Петропавловского р-на
ДОЛИН. НОВОХОП.	пос. Долиновский Новохопёрского р-на
КОЗЛ. БУТУРЛ.	с. Козловка Бутурлиновского р-на
КОЛОД. ПОДГОР.	с. Колодежное Подгоренского р-на
КОСТ.-ОТД. ТЕРН.	с. Костино-Отделец Терновского р-на
КРАСН. НОВОХОП.	с. Красное Новохопёрского р-на
ЛОЗ. В-МАМ.	с. Лозовое Верхнемамонского р-на
ЛОС. ПАВЛ.	с. Лосево Павловского р-на
МАКАШ. БОРИСОГЛ.	с. Макашевка Борисоглебского р-на
МАЛ. СУД. ПОДГОР.	х. Малая Судьёвка Подгоренского р-на
МИР. БОРИСОГЛ.	с. Миролубие Борисоглебского р-на
МОР. РОСС.	с. Морозовка Россошанского р-на
ОЛЬХ.	р. п. Ольховатка Ольховатского р-на
ПАВЛ.	г. Павловск
ПЕСК. ПОВОР.	с. Пески Поворинского р-на
ПОВОР.	г. Поворино
ПРИРЕЧН. В-МАМ.	с. Приречное Верхнемамонского р-на
РОСС.	г. Россошь
СТ. МЕЛ. ПЕТРОПАВЛ.	с. Старая Меловая Петропавловского р-на
СУХ. ДОН.	с. Сухой Донец Богучарского р-на
ТАЛ.	р. п. Таловая Таловского р-на

Уровни микропонимических единиц, репрезентирующих категорию «пространство»

Современными лингвистами выделяют следующие параметры анализа категории «пространство»: локализация объекта, охват местности, протяжённость, обжитость пространства [2, с. 84], при этом существует мнение, что «параметр “форма, конфигурация объекта”, квалифицируемый в некоторых исследованиях как пространственный, обладает невысокой информативностью в плане характеристики установок субъекта» [2, с. 84].

В воронежской микропонимии считаем возможным выделить два уровня микропонимических единиц, репрезентирующих категорию «пространство».

I уровень

1. Микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем горизонтальную протяжённость.
2. Микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем вертикальную протяжённость.
3. Микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, отражающем радиальные связи объектов.

II уровень

1. Микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем горизонтальную протяжённость: микропонимы, вклю-

чающие семы 'север' / 'юг' / 'восток' / 'запад'; 'передний' / 'задний': *Перёдний пруд* / *Первѣй пруд* (БАЙЧ. ПОВОР.) – пруд, который расположен перед домами жителей, ближе к селу; *Задний пруд* / *Второй пруд* / *Лѣшкин пруд* (БАЙЧ. ПОВОР.) – пруд, который расположен за огородами жителей; *Западное* (ЛОЗ. В-МАМ.) – поле, расположенное в северо-западной части села.

2. Микротопонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем вертикальную протяжённость: микротопонимы, включающие семы 'верх', 'высокий', 'возвышенность': *Акимова горка* (МИР. БОРИСОГЛ.) – овраг под горкой; *Белая горка* (ЛОЗ. В-МАМ.), *Белые горы* (ПРИРЕЧН. В-МАМ.), *Бугор* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – улица Карла Маркса; *Буруны* (ДЕД. ПЕТР.) – возвышенность с песчаными барханами; *Вершина* (ЛОЗ. В-МАМ.) – поле; *Вѣрхня ул.* (МАКАШ. БОРИСОГЛ.), *Гора* (АБР. ТАЛ.), *Зайцева горка* (МИР. БОРИСОГЛ.), *Куликова гора* (ПАВЛ.), *Курган* (КОСТ.-ОТД. ТЕРН.) – поле с возвышенностями; *Мамонская гора* (РОСС.), *Монашеский бугор* (ДЕД. ПЕТР.), *Пёсковская гора* (ЛОС. ПАВЛ.), *Хлоповая гора* (ТАЛ.), *Царская гора* (ПАВЛ.).

Микротопонимы *Бугор*, *Вершина*, *Гора*, *Курган* образованы от апеллятивов, что характерно для топонимических систем различных регионов, например, подобные единицы присутствуют в новгородской гидронимии [3, с. 102].

Представления человека о пространстве отражены в следующих географических терминах оронимии, входящих в состав микротопонимов: *бугор*, *бурун*, *гора*, *горка*, *курган* и лексеме *вершина*.

Воронежская микротопонимия включает языковые единицы, имеющие украинский генезис (*Вѣрхня ул.*, *За Холоднѣ*, *Большѣ Мокрѣ*, *Вѣлика*, *Малѣ Мокрѣ*), что связано с особенностями заселения края: «В XVIII веке, когда опасность от татар миновалась, число переселенцев из малороссиян увеличилось до такой степени, что в общем заселении губернии они участвовали наравне с великороссиянами; северные и западные уезды, как ближайшие

к России, населились русскими, южные – малороссиянами»¹.

К рассматриваемой группе микротопонимов примыкает название, в котором протяжённость в высоту отмечена первым компонентом, представленным числительным, и вторым компонентом *этаж* (актуализированные семы 'уровень', 'граница высоты чего-либо'): *Двухэтажный* – о кордоне (БОРИСОГЛ.), и микротопонимы, данные по ассоциации, семантический признак 'возвышенность' в таких онимах представлен имплицитно: *Карпаты* (СУХ. ДОН.) – ул. Садовая, расположена на гористой местности; *Кавказ* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Кавказская; *Большой Кавказ* (БУТУРЛ.) – ул. 3 Интернационала; *ул. Капказ* (БОГАН. БОРИСОГЛ.).

Интересно, что в с. Васильевка Грибановского района ранее функционировали в качестве микротопонимов названия улиц *Кавказ* и *Крым* (по мнению старожилов села, эти названия улицы получили после Крымской и Кавказской войн), а затем эти онимы стали официальными названиями, поэтому в классификацию данные номинации не включаем.

3. Микротопонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем вертикальную протяжённость: микротопонимы, включающие семы 'низкий' / 'низменность' / 'глубокий' / 'впадина': *Баннѣй овраг* (МИР. БОРИСОГЛ.), *Воробѣва яма* (БОРИСОГЛ.) – место на реке Хопёр; *Воро́нина яма* (ЛОС. ПАВЛ.) – место с водоворотами на реке Битюг; *Глазної колодець*² (ДЕД. ПЕТР.), *Глубо́кое* (ДЕД. ПЕТР.) – озеро и место для купания; *Глубо́кое* (МАКАШ. БОРИСОГЛ.) – место на реке Хопёр; *Гордеичев колодець* (АБР. ТАЛ.),

¹ Михалевич В. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния. СПб., 1862. С. 95.

² Названия колодцев также относим к микротопонимам, включающим сему 'глубокий' в соответствии со значением лексемы *колодець*, см.: первое значение лексемы *колодець*: «глубокая яма с отвесными стенками, обычно защищенная от обвалов срубом, служащая для добывания воды из водоносных слоёв земли» (См.: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 440).

За Холоднэ (ВЛАС. ГРИБ.) – низина за селом, Зойкин яр (СУХ. ДОН.), Красносто́лпский овраг (БОРИСОГЛ.), Кали́нчев ров (АБР. ТАЛ.), Кана́ва (АБР. ТАЛ.), Карье́рный овраг (МИР. БОРИСОГЛ.), Корню́хин ров (АБР. ТАЛ.), Красная ло́щина (АБР. ТАЛ.), Кра́сный яр (СУХ. ДОН.) – ул. Аплётова; Ло́г (КОСТ.-ОТД. ТЕРН.) – широкий овраг; Мака́рова ба́лка (АБР. ТАЛ.), Макси́м-ба́лка (ДОЛ.Н. НОВОХОП.) – пруд и пляж на пруду; Ма́ркин / Ма́рков ров (АБР. ТАЛ.), Мозга́лев ров (АБР. ТАЛ.), Мя́чина я́ма (БОРИСОГЛ.), Низо́к (ПРИРЕЧН. В-МАМ.) – ул. Луговая; Ни́зы (ДЕД. ПЕТР.) – место, где есть дополнительные огороды у жителей села; Ни́жняя у́лица (МОР. РОСС.) – улица Революции, название связано с низким расположением улицы по отношению к реке Чёрная Калитва; Обры́в (АБР. ТАЛ.), Разбо́йничий яр (ПРИРЕЧН. В-МАМ.) – овраг, Соле́ный ло́г (ПРИРЕЧН. В-МАМ.) – низина с солёной водой; Со́мова я́ма (БОРИСОГЛ.), Холо́дный яр (ПАВЛ.) – овраг; Черни́цова я́ма (БОРИСОГЛ.) – место на реке Хопёр; Чи́бисов яр (ДЕД. ПЕТР.) – место для рыбной ловли на озере Цыганском; Я́ма (БОРИСОГЛ.) – место на р. Ворона; Хромо́й ло́г (АБР. ТАЛ.), Я́рки (БОРИСОГЛ.) – урочище, Я́ружка¹ (АБР. ТАЛ.) – лес на склоне оврага; Я́рыжка (БОГАН. БОРИСОГЛ.) – часть улицы в низине.

Представления человека о пространстве отражены в следующих географических терминах, вошедших в состав микропонимов или перешедших в результате они-мизации в микропонимы: *балка, колодец, лог, лощина, обрыв, овраг, ров, яма, яр*, – и производных от них.

¹ В воронежских говорах лексема *яружка* имеет значения 'овраг с лесом', 'лес в овраге', 'небольшой молодой лесок', 'ямка', 'прибрежная яма' (См.: Дьякова В. И., Хитрова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж: Воронеж. государственный университет, 2009. С. 342–343). Слово *яружка* в конце XVII в. было широкоупотребительным, приведём контекст употребления этого слова: «Да в тех же урочищах сенные покосы по логам и по дубровамъ и по ярушкамъ», «подарил я сыну своему ... пасику со пчелы, зберегаемой по ярушке растущий лес» (См.: Дьякова В. И., Хитрова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж: Воронеж. государственный университет, 2009. С. 343).

Региональная микропонимия всегда отражает географические особенности, поэтому и воронежские орографические названия отражают особенности ландшафта Воронежского края, обусловленные наличием равнин, возвышенностей, оврагов, низменных мест. Поскольку система воронежской микропонимии формировалась постепенно, приведём сведения о ландшафте Воронежского края XIX – начала XX вв.: «Воронежская губерния разрезывается рекой Доном на две части, почти равная по пространству, но различные по общему характеру местности. Правая или западная, более возвышенная сторона ... покрыта кряжами незначительных возвышенностей мелового образования; напротив левая или восточная сторона ... представляет низменную равнину, местами только слегка всхолмленную»²; «Воронежская губерния в общем представляет довольно однообразную плоскость с уклонами, покато́стями, логами и буграми»³; «в восточной половине губернии, лежащей по левую сторону р. Дона, встречаются, главным образом, по водоразделам незначительные возвышенности, которые большею частью переходят в довольно обширные равнины»⁴.

Называя географические объекты, микропонимы отражают историко-географические особенности края. По мнению В. А. Никонова, «каждое географическое название – Виктория или Буковина – история, выраженная средствами языка» [8, с. 26].

4. Микропонимы, характеризующие представления человека о пространстве, имеющем радиальную протяжённость: микропонимы, включающие семы 'близкий'; 'далёкий', 'в углу', 'центр' / 'центральный';

² Михалевич В. К. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния. СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1862. С. 21.

³ Николаевский И. Описание Воронежской губернии. Воронеж: Типолитография т-ва «Н. Кравцов и К°», 1909. С. 1.

⁴ Николаевский И. Описание Воронежской губернии. Воронеж: Типолитография т-ва «Н. Кравцов и К°». С. 2.

‘край’ / ‘окраина’, ‘середина’ в значении ‘центр’: *Ближняя Загирянка* (ОЛЬХ.) – часть посёлка Загирянка; *Дальняя Загирянка* – часть посёлка Загирянка (ОЛЬХ.); *Каушкин кутёк* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Красная Заря; *Красная углянка* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Красивый угол; *Попов угол* (ВАС. ГРИБ.) – поле; *Серёдка* (ЛОЗ. В-МАМ.) – название центра села; *Центр* (ВЛАС. ГРИБ.) – часть улицы Пролетарской, центр с. Власовка; *Центр / Дворянка / Большаяк* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Октябрьская; *Центр* (БОГАН. БОРИСОГЛ.) – улица.

Представления человека о пространстве отражены в следующих лексемах, прошедших процесс онимизации и вошедших в состав микротопонимов: *серёдка* (*середина*), *углянка* (*угол*), *угол*, *куток* (*уголок*, ср.: *закуток*), *центр*, *конец*, *ближний*, *дальний*.

5. Микротопонимы, характеризующие представления человека о пространстве, связанном с характеристикой предмета относительно другого географического объекта, расположенного неподалёку, включающие семы ‘за чем-либо’, ‘близ чего-либо’, ‘неподалёку от чего-либо’, ‘на чём-либо’, ‘под чем-либо’: *Заболотовка* (РОСС.) – микрорайон; *Заболотовка* (БОГАН. БОРИСОГЛ.) – улица; *Загородовка* (БОГАН. БОРИСОГЛ.) – улица за огородами; *Закадонье* (ЛОЗ. В-МАМ.) – южная часть ул. Советской (расположена за домом местного жителя Кадона); *Набережная* (ТАЛ.) – ул. Первомайская; *Нагорновское поле* (БАЙЧ. ПОВОР.), *Подгора* (РОСС.) – микрорайон; *Подгора* (ВАС. ГРИБ.) – часть улицы Подгорной и Набережной; *Подлесный* (МИР. БОРИСОГЛ.) – название хутора, находящегося в самой низине, под лесом, в северо-восточной части посёлка; *Под Лысой горой* (ЛОС. ПАВЛ.) – место на реке Битюг.

Для данной группы микротопонимов характерна следующая закономерность номинации: наименование исходного объекта осуществляется через отсылку к другому географическому объекту, более известному, который выступает точкой ориентирования, при этом не всегда точно можно определить, известна исходная географическая номинация в качестве онима или общепринятого географического тер-

мина, например, *Подгора* < *под* + *Гора*? / *под* + *гора*? Косвенно в этой группе микротопонимов отражаются и временные представления: сначала закрепляются в качестве значимых известные географические объекты, а затем через определённое время новые географические объекты получают названия с отсылкой к уже существующим объектам. Представления о времени и пространстве совмещаются при номинации одних географических объектов относительно других.

6. Микротопонимы, характеризующие представления человека о пространстве, связанном с размером и формой географического объекта, и включающие признаки ‘размер’, ‘протяжённость’, ‘форма’:

а) *Большак* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Октябрьская; *Большая дорога* (СУХ. ДОН.) – широкая дорога в поле; *Большая Самоволовка* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Степана Разина; *Большой Мокрз* (ВЛАС. ГРИБ.) – Большой пруд; *Великая улица* (МОР. РОСС.) – ул. Пролетарская, центральная улица, которая отличается большой протяжённостью и шириной; *Вэлыка* (МАКАШ. БОРИСОГЛ.) – ул. Ленинская, отличается большой протяжённостью; *Ильмень большой* (БОРИСОГЛ.) – озеро; *Малэ Мокрз* (ВЛАС. ГРИБ.) – Маленький пруд;

б) *Горбатый мост* (РОСС.), *Горбуниха* (БАЙЧ. ПОВОР.) – поле; *Кольцо* (РОСС.), *Мотня* (РОСС.) – части селений; *Косой переулок* (ПОВОР.) – пер. Пархоменко; *Кривая* (КОЛОД. ПОДГОР.) – место для отдыха; *Круглый лес* (ЛОЗ. В-МАМ.), *Плоское* (СТ. МЕЛ. ПЕТРОПАВЛ.) – равнина; *Плоское* (ВАС. ГРИБ.) – поле; *Трафарет* (МАКАШ. БОРИСОГЛ.) – ул. Трудовая, характеризуется симметричным расположением домов на этой улице; *Узенький* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Спартака.

Представления человека о пространстве в соответствии с признаками ‘размер’, ‘протяжённость’, ‘форма’ отражены в формах следующих лексем, прошедших процесс онимизации и вошедших в состав микротопонимов: *большак*, *большой*, *великий*, *маленький*; *горбатый*, *кольцо*, *косой*, *кривой*, *круглый*, *мотня*, *плоский*, *трафарет*, *узенький*.

Группы микропонимических единиц, репрезентирующих категорию «время»

Среди микропонимов, отражающих представление человека о времени, выделим следующие группы: 1) микропонимы, включающие в свой состав порядковые числительные; 2) микропонимы, включающие номинации с семами 'старый', 'новый'. Понятие о времени в микропонимах первой группы представлено порядком исчисления объектов: номинация первого, как правило, осуществляется раньше второго и т. д., а микропонимы с компонентами «старый», «новый» эксплицитно характеризуют название как существовавшее прежде или возникшее недавно.

Закон ряда, сформулированный и обоснованный в топонимике В. А. Никоновым [7, с. 33–38], наиболее ярко проявляется при анализе ономастических единиц данной группы: все микропонимы, отражающие представление человека о времени, находятся в определённых «временных рядах», т. е. в некоторых линейно расположенных группах онимов, каждый из которых важен для установления времени и мотива номинации последующего, ср.: *Первая, Третья, Пятая балки* (ЛОЗ. В-МАМ.), затем по названиям балок были даны и названия расположенных неподалёку частей улицы 50 лет Победы: *Первое, Третье, Пятое* (ЛОЗ. В-МАМ.). Микропонимы группы, отражающей представление человека о времени, могут образовывать бинарные оппозиции: как правило, название, включающее компонент «новый», всегда соотносится с микропонимом, включающим компонент «старый», а микропонимы, содержащие порядковые числительные, кроме того, могут образовывать многочисленные оппозиции.

1. Микропонимы, включающие в свой состав порядковые числительные: *Вторая Самоволовка* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Красноармейская; *Второе отделение* (МИР. БОРИСОГЛ.) – поле; *Второй переулочек* (ПОВОР.), *Второй пруд / Задний пруд / Лёшкин пруд* (БАЙЧ. ПОВОР.) – пруд; *Одиннадцатая сотня* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. 9 января; *Первый*

переулочек (ПОВОР.), *Первый пруд / Передний пруд* (БАЙЧ. ПОВОР.), *Третья Самоволовка* (КОЗЛ. БУТУРЛ.) – ул. Фридриха Энгельса; *Четвёртая бригада / Четвёртая сотня* (СУХ. ДОН.) – ул. Кольцова.

Микропоним *Седьмówka* (БОРИСОГЛ.), возникший в результате трансимизации от названия улицы 7 Ноября, опосредованно отражает представления о времени, поэтому его можно отнести к данной группе онимов условно.

К рассматриваемой группе микропонимов примыкает некроним (некротопоним) *Пятый посёлок* (ДОЛ. НОВОХОП.), название которого связано с порядком счёта отделений в посёлке: в населённом пункте четыре отделения, и поэтому кладбище называют *Пятый посёлок*. В данной номинации отражён двойной «временной» характер: с одной стороны, название *Пятый посёлок* по времени номинации даётся позже названия *Четвёртый посёлок*, а с другой стороны, микропоним называет *Пятый посёлок* – фактически посёлок, которого нет, – и это означает, что люди «переселяются» на этот посёлок в конце жизни, что тоже связано со временем жизни человека. Интересно, что микропоним *Пятый посёлок* отражает явление, близкое хронологу: место (кладбище, Пятый посёлок) соединено в понимании жителя со временем (последнее по счёту название посёлка, конец жизни). В данном микропониме отражены не только представления о времени и пространстве, но и верования человека. Семантические и функциональные особенности подобных микропонимов образуют синергетически значимый потенциал для изучения языковой картины мира.

2. Микропонимы, включающие в свой состав номинации с семами 'поздний', 'старый', 'новый': *Запоздалый сад* (ТАЛ.) – сад, в котором росли яблони поздних сортов; *Новый отряд* (ЛОЗ. В-МАМ.) – поле; *Новый рынок* (ТАЛ.), *Старожилье* (ПЕСК. ПОВОР.) – часть села, в которой жили первопоселенцы; *Старый отряд* (ЛОЗ. В-МАМ.) – поле.

Данная группа микропонимов является особой в отношении репрезентации

представлений о пространстве и времени, поскольку ономастические единицы, включающие в свой состав порядковые числительные и семы 'поздний', 'старый', 'новый', являются синтезированными номинациями, отражающими пространственно-временные отношения: микро-топонимы дают информацию о названии географического объекта (и его типе), расположенного на определённой территории, в пространстве, а семы, включающие временной компонент, передают представления о времени.

Заключение

Рассмотренные микротопонимы достаточно полно отражают представления человека о пространстве, в меньшей степени – о времени. Основными способами выражения представлений о пространстве в региональной микротопонимии являются следующие: 1) синтетический способ (*Вершина, Глубокое, Гора, Курган, Низок, Серёдка, Центр* и др.), 2) аналитический способ (*Воронина яма, Калининцев ров, Красный яр, Песковская гора, Солёный лог, Каушкин куток, Закадонье* и др.). Основным способом выражения представлений о времени в региональной микротопонимии является аналитический способ (*Вторая Самоволовка, Второй переулок, Одиннадцатая сотня, Первый переулок* и др.).

Понятия о пространстве чаще всего выражаются с помощью географического конкретизатора в микротопониме, о времени – с помощью компонента, представленного порядковым числительным. Проанализированные микротопонимы представлены однокомпонентными и двухкомпонентными ономастическими единицами, однокомпонентные микротопонимы образованы путём онимизации слов, преимущественно географических терминов, например *Буруны, Гора, Курган, Вершина* и др.

Микротопонимы, отражающие представление человека о пространстве и времени, могут включать следующие семы: семы 'запад';

'передний' / 'задний'; 'верх', 'высокий', 'возвышенность' / 'низкий', 'низменность', 'глубокий, 'впадина'; 'близкий' / 'далёкий'; 'в углу' / 'центр', 'центральный' / 'край', 'окраина' / 'середина'; 'за чем-либо', 'близ чего-либо', 'неподалёку от чего-либо', 'на чём-либо', 'под чем-либо', 'поздний', 'старый' / 'новый'.

В состав микротопонима могут входить географические конкретизаторы и другие лексемы, характеризующие тип географического объекта: *бугор, бурун, гора, горка, курган, вершина, пруд, балка, колодец, лог, лощина, обрыв, овраг, ров, яма, яр* и производные от него, *серёдка* (в значении «середина»), *углянка* (в значении «угол»), *угол, куток* (в значении «уголок», ср.: *закуток*), *центр, переулок, сотня, бригада, отделение, поле, посёлок, сад, отряд*, а также лексемы, указывающие на пространственную близость или отдалённость объекта: *ближний, дальний*.

Характеристика пространства в региональной языковой картине мира (по данным воронежской микротопонимии) достаточно чётко отражает географические особенности, связанные со спецификой ландшафта Воронежской области, характерную особенность которой составляет наличие значительного числа возвышенностей и оврагов.

Ещё одной важной специфической особенностью репрезентации пространства и времени в воронежской микротопонимии является наличие в микротопонимии языковых единиц, имеющих украинский генезис (*Вэ́лы́ка* (МАКАШ, БОРИСОГЛ.), *Бо́льшэ́ Мо́крэ́* (ВЛАС. ГРИБ.), *Малэ́ Мо́крэ́* (ВЛАС. ГРИБ.) и др.), что отражает историю заселения Воронежского края.

Таким образом, воронежская микротопонимия позволяет изучить фрагмент региональной языковой картины мира, связанный со спецификой представлений человека в области пространства и времени.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белаенцева А. В. Микротопонимическое путешествие по г. Борисоглебску и его окрестностям // Воронежское лингвокраеведение. Вып. 4. / сост. Г. Ф. Ковалёв. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. С. 65–76.
2. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / под ред. А. К. Матвеева. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 328 с.
3. Васильев В. Л. Новгородская гидронимия на -ка: структура, деривация, хронология (на материале водных имён бассейна р. Мста) // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. С. 75–106.
4. Верховых Л. Н. Микротопонимия села Абрамовка Таловского района Воронежской области (научная статья) // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 223–241.
5. Дмитриева О. П. Украинское наследие в топонимии Россошанского района Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. Ч. 2. С. 80–83
6. Климова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 66 с.
7. Ковалев Г. Ф. Легенды микротопонимии Воронежского края // С любовью к Слову: сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летию юбилею д-ра филол. наук, проф. Л. А. Климовой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования, 9–10 февраля 2021 г. / отв. ред. О. В. Никифорова. Арзамас: Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, 2021. С. 236–247.
8. Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: ЛКИ, 2011. 184 с.
9. Пархоц Э. О. Материалы к словарю микротопонимов Верхнехавского района Воронежской области (по селам Никоново и Верхняя Плавица) // Имя собственное в жизни и литературе: Материалы IX Международных Святогорских ономастических и IX Международных Михайловских литературно-ономастических чтений / отв. ред. В. М. Калинин. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2015. С. 98–114.
10. Попов С. А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин. Воронеж: Издательский дом Алейниковых, 2003. 285 с.
11. Попов С. А. Топонимия Воронежской области в коммеморативном аспекте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 39–41.
12. Семушкин В. А. Гидронимия Среднего Дона: номинационный и словообразовательный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 141 с.
13. Сьянова Е. И. Названия водных объектов в говорах Воронежского Прихопёрья // Русская речь. 2006. № 6. С. 94–99.
14. Толбина Т. В. Микротопонимия Воронежской области: Особенности номинации: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 199 с.
15. Филатова В. Ф. Микротопонимия села Третьяки Борисоглебского района // Воронежское лингвокраеведение: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2016. С. 387–400.
16. Чэнь Цзыди. Микротопонимия как отражение региональной картины мира жителей Воронежской области: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2021. 200 с.
17. Щербак А. С. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2006. 293 с.

REFERENCES

1. Belaentseva A. V. [Microtoponymic Journey around the City of Borisoglebsk and Its Environs]. In: Kovalyov G. F., compl. *Voronezhskoe lingvokraevedenie*. Vyp. 4 [Voronezh Regional Linguistics. Iss. 4]. Voronezh, Voronezh State University, 2020, pp. 65–76.
2. Berezovich E. L. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect: Space and Man]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 328 p.
3. Vasilev V. L. [Novgorod Hydronymy Ending on -ka: Structure, Derivation, Chronology (Based on the Water Names of the Msta River Basin)]. In: *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2020, vol. 17, pp. 75–106.

4. Verkhovyykh L. N. [Microtoponymy of the Village of Abramovka, Talovsky District, Voronezh Region (Scientific Article)]. In: *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2018, vol. 15, no. 3, pp. 223–241.
5. Dmitrieva O. P. [Ukrainian Heritage in the Toponymy of the Rossoshansky District of the Voronezh Region]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2007, no. 2, vol 2, pp. 80–83.
6. Klimkova L. A. *Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovoi kartine mira: avtoref. diss ... d-ra filol. nauk* [Nizhny Novgorod Microtoponymy in the Language Picture of the World: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 66 p.
7. Kovalev G. F. [Legends of Microtoponymy of the Voronezh Region]. In: Nikiforova O. V., ed. *S lyubov'yu k Slovu: sbornik statei uchastnikov Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii, priurochennoi k 80-letnemu yubileyu d-ra filol. nauk, prof. L. A. Klimkoi, specialista v oblasti leksikologii, dialektologii, onomastiki, slovoobrazovaniya, 9–10 fevralya 2021 g.* [With Love for the Word: A Collection of Articles by Participants of the All-Russian Scientific Conference with International Participation Dedicated to the 80th Birthday of Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof. L. A. Klimkova, a specialist in the field of lexicology, dialectology, onomastics, word formation, February 9–10, 2021]. Arzamas, Arzamas Branch of Nizhegorodsk State University named after N. Lobachevskogo, 2021, pp. 236–247.
8. Nikonov V. A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to Toponymy], Moscow, LKI Publ., 2011. 184 p.
9. Parkhots E. O. [Materials for the Dictionary of Microtoponyms of the Verkhnekhavsky District of the Voronezh Region (For the Villages of Nikonovo and Upper Plavitsa)]. In: Kalinkin V. M., ed. *Imya sobstvennoe v zhizni i literature: Materialy IX Mezhdunarodnykh Svyatogorskiikh onomasticheskikh i IX Mezhdunarodnykh Mikhailovskikh literaturno-onomasticheskikh chtenii* [Name in Life and Literature: Materials of the IX International Svyatogorsk Onomastic and IX International Mikhailovsky Literary and Onomastic Readings]. Kiev, Publishing House of Dmitrii Burag, 2015, pp. 98–114.
10. Popov S. A. *Oikonimiya Voronezhskoi oblasti v sisteme lingvokraevedcheskikh distsiplin* [Oikonymy of the Voronezh Region in the System of Local Linguistic Disciplines]. Voronezh, Publishing House of Alejnikov, 2003. 285 p.
11. Popov S. A. [Toponymy of the Voronezh Region in the Commemorative Aspect]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2020, no. 2, pp. 39–41.
12. Semushkin V. A. *Gidronimiya Srednego Dona: nominatsionnyi i slovoobrazovatel'nyi aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Hydronymy of the Middle Don: Nomination and Word-formation Aspects: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Voronezh, 2000. 141 p.
13. S'yanova E. I. [Names of Water Bodies in the Dialects of the Voronezh Khoper Region]. In: *Russkaya rech* [Russian Speech], 2006, no. 6, pp. 94–99.
14. Tolbina T. V. *Mikrotoponimiya Voronezhskoi oblasti: Osobennosti nominatsii: dis. ... kand. filol. nauk* [Microtoponymy of the Voronezh Region: Features of the Nomination: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Voronezh, 2003. 199 p.
15. Filatova V. F. [Microtoponymy of the Village of Tretyaki, Borisoglebsk District]. In: *Voronezhskoe lingvokraevedenie: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3* [Voronezh Local Linguistics: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2016, pp. 387–400.
16. Chen Czydi. *Mikrotoponimiya kak otrazhenie regional'noi kartiny mira zhitelei Voronezhskoi oblasti: dis. ... kand. filol. nauk* [Microtoponymy as a Reflection of the Regional Picture of the World of the Inhabitants of the Voronezh region: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Voronezh, 2021. 200 p.
17. Shcherbak A. S. *Problemy izucheniya regional'noi onomastiki. Onomastikon Tambovskoi oblasti* [Problems of Studying Regional Onomastics. Onomasticon of the Tambov Region]. Tambov, Tambov State University imnamed after G. R. Derzhavin, 2006. 293 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Верховых Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета;

e-mail: lverhovyyh@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila N. Verkhovyykh – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Social and Humanitarian Disciplines, Borisoglebsk Branch, Voronezh State University;

e-mail: lverhovyyh@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Верховых Л. Н. Пространство и время в региональной языковой картине мира (по данным воронежской микротопонимии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 20–31.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-20-31

FOR CITATION

Verkhovyykh L. N. Space and Time in the Regional Language Picture of the World (On the Example of the Voronezh Microtoponymy). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 20–31.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-20-31

УДК 81'37: 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-32-43

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕРМИНОСОЧЕТАНИЙ *ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ* И *ПОГРАНИЧНОЕ СОСТОЯНИЕ* В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ ГУМАНИТАРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Калинина Л. В., Фалеева А. С.

Вятский государственный университет

610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить семантическую специфику понятий *переходное состояние* и *пограничное состояние* при их функционировании в научных текстах гуманитарной направленности.

Процедура и методы. В работе анализируется план содержания терминов *переходное состояние* и *пограничное состояние*. При проведении исследования применены методы дефиниционного, компонентного, контекстуального, сопоставительного анализа.

Результаты. В ходе работы на основе анализа словарных толкований лексем *переходный* и *пограничный*, а также контекстуального окружения сочетаний *переходное состояние* и *пограничное состояние* были выявлены семантическая специфика и тенденции употребления каждого из терминосочетаний в текстах гуманитарной направленности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в лингвистическое изучение состояния как общенаучной категории и могут быть учтены в исследованиях по семантике, стилистике, терминоведению.

Ключевые слова: научный текст, переходное состояние, пограничное состояние, семантика состояния, терминология

FUNCTIONING OF THE TERM COMBINATIONS *TRANSITIONAL STATE* AND *BORDERLINE STATE* IN SCIENTIFIC TEXTS OF HUMANITARIAN ORIENTATION

L. Kalinina, A. Faleeva

Vyatka State University

ul. Moskovskaya 36, Kirov 610000, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the work is to identify the semantic specificity of the concepts of *transitional state* and *borderline state* in their functioning in scientific texts of humanitarian orientation.

Methodology. The paper analyzes the content plan of the term combinations *transitional state* and *borderline state*. Methods of definitional, component, contextual, and comparative analysis are used in the study.

Results. Based on the analysis of dictionary interpretations of the lexemes *transitional* and *borderline*, as well as the contextual environment of the combinations *transitional state* and *borderline state*, we identify the semantic specificity and trends in the use of each of the term combinations in humanitarian texts.

Research implications. The results of the study contribute to the linguistic study of the state as a general scientific category and can be taken into account in research on semantics, stylistics, and terminology.

Keywords: scientific text, transition state, boundary state, state semantics, terminology

Всё великое есть явление на стадии перехода.

Карл Теодор Ясперс

Введение

В гуманитарных науках в последние десятилетия активно изучается понятие «состояние», являющееся общенаучной категорией и обозначающее «характеристику существования объектов и явлений, реализации бытия в данный и все последующие моменты времени» [3, с. 7]. Исследователей интересует состояние культуры, языка, социальных институтов, различные аспекты физического и эмоционального состояния личности и т. д. Нельзя не согласиться с тем, что в настоящее время «семантика состояния непрерывно расширяет свои границы» [8, с. 47].

Один из важных аспектов изучения состояния – исследование разного рода переходных, пограничных явлений, сопровождающих периоды неопределённости в жизни человека и общества [6; 7; 9]. В работе предлагается лингвистическое осмысление функционирования терминов *переходное состояние* и *пограничное состояние* в текстах научных работ гуманитарной направленности.

Оба термина пришли в гуманитарные науки из естественных. *Переходное состояние* – это термин химии: «Конфигурация системы атомных ядер и электронов, участвующих в элементарном акте химической реакции, в момент преодоления системой энергетического барьера, разделяющего её начальное и конечное состояния»¹. Термин *пограничное состояние* возник в сфере психиатрии: «Пограничное состояние, пограничный синдром, пограничный уровень (англ. *borderline state*) – относительно слабый уровень выраженности психического расстройства, не достигающий до уровня выраженной патологии»². Круг явлений, под-

водимых под понятие *пограничное состояние* в психиатрии, несколько размыт, о чём говорят следующие замечания в терминологических словарях: «плохо очерченный термин»³, «недостаточно точно определённый термин»⁴, «термин, используемый для обозначения явлений, которые трудно классифицировать и однозначно относить к одному из известных типов»⁵.

В настоящее время естественнонаучные по происхождению термины *переходное состояние* и *пограничное состояние* часто используются в сфере гуманитарных наук, переживая процесс транстерминологизации, т. е. «перемещения готового термина из одной научной дисциплины в другую, сопровождающегося полным или частичным его переосмыслением и трансформацией в междотраслевой ономим» [2, с. 221]. По данным электронной библиотеки «КиберЛенинка», изучению «переходного» или «пограничного» состояния посвящены тысячи статей в разделах «Экономика и бизнес», «Языкознание и литературоведение», «История и археология» и др.⁶ При этом для каждого из терминов в текстах гуманитарной направленности характерна амбисемия – функционирование с разным объёмом семантики, «свойство, которое вызывается рядом экстралингвистических факторов (использование одного термина разными научными школами, разными учёными, в разные периоды развития науки)»⁷.

³ Пограничное состояние // Национальная психологическая энциклопедия. Краткий словарь по психиатрии [Электронный ресурс]. URL: <https://vocabulary.ru/termin/pogranichnoe-sostojanie.html> (дата обращения: 28.11.2021).

⁴ Позняк В. Б. Лексиконы психиатрии Всемирной организации здравоохранения. 2-е изд. К.: Сфера, 2001. С. 94.

⁵ Немов Р. С. Психологический словарь. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. С. 292.

⁶ Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 28.11.2021).

⁷ Татаринов В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский Лицей, 2006. С. 14.

¹ Переходное состояние // Большой энциклопедический словарь: [сайт]. URL: <http://siblibio.com/biblio/content.aspx?dictid=8&wordid=269012> (дата обращения: 28.11.2021).

² Пограничное состояние [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пограничное_состояние (дата обращения: 28.11.2021).

В связи с этим актуальным является анализ употребления обоих терминов в научных текстах гуманитарной направленности. Как отмечает В. П. Даниленко, «истинную картину конкретно-отраслевого терминотворчества и терминопотребления представляет сфера функционирования, в которой каждый термин и части целой терминосистемы существуют в текстах, представляющих жанрово-стилистические разновидности языка науки» [1, с. 158].

Цель статьи – выявить семантическую специфику понятий *переходное состояние* и *пограничное состояние* и охарактеризовать тенденции функционирования соответствующих терминосочетаний в научных текстах гуманитарной направленности.

Материалом исследования послужили статьи по философии, культурологии, политологии, литературоведению, психологии за период с 2004 по 2021 год, представленные в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»¹. Всего была проанализирована 41 статья: в 22 из них рассматривается *переходное состояние* чего-либо, в 19 – *пограничное состояние* чего-либо. В процессе выполнения работы были использованы методы дефиниционного анализа, компонентного анализа, контекстуального анализа, сопоставительного анализа.

В ходе исследования был проведён анализ словарных толкований лексем *переходный* и *пограничный* с целью выявления исходных значений данных терминологических элементов; проанализировано контекстуальное окружение сочетаний *переходное состояние* и *пограничное состояние* в текстах научных статей; выявлены основные семантические группы лексики и метафорические модели, представленные в рассуждениях авторов статей о природе переходного и пограничного состояния. Проведённый анализ позволил сделать выводы о семантике терминов *переходное состояние* и *пограничное состояние* в научных текстах гуманитарной направленности.

¹ Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 28.11.2021).

Прилагательные *переходный* и *пограничный* в толковых словарях

Прежде чем перейти к анализу терминов *переходное состояние* и *пограничное состояние* в научных контекстах, следует обратиться к значениям лексем *переходный* и *пограничный* в толковых словарях современного русского языка.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова читаем: «*Переходный* – 2. Закрывающий в себе переход от одного состояния к другому, промежуточный»². Все значения прилагательного *пограничный* связаны с границей в прямом смысле: «*Пограничный* – 1. Расположенный вдоль границы, у границы. 2. Происходящий в районе границы. 3. Прил., по знач. связанное с охраной границ. 4. Расположенный, находящийся на границе между чем-н.»³.

В «Словаре современного русского литературного языка» интересующим нас лексемам даются аналогичные толкования, однако для лексемы *переходный* дополнительно приводится типовая сочетаемость *переходное время*, *переходный период*; *переходная грань*, *ступень*; *переходное положение*, *состояние*. Заметим, что сочетание *переходная грань* указывает на возможность наличия «границы» между состояниями. Пример из словаря: *Настал в жизни ребенка период, который явился переходной гранью между детством и отрочеством* (Короленко)⁴.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова указано: «*Переходный* – 2. Промежуточный, являющийся переходом от одного состояния к другому»⁵. «*Пограничный* – 1. Находящийся или происходящий около границы, на границе.

² Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 3. П – Яшк. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. С. 220.

³ Там же. С. 350.

⁴ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 9: П – пнуть. М.: Л.: Академия Наук СССР, 1959. С. 994.

⁵ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ: Мир и Образование, 2019. С. 419.

2. Относящийся к охране границы»¹. Ср. такие же дефиниции в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой² и в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Н. Ю. Шведовой³.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева специальная статья для прилагательного *переходный* отсутствует, но есть слово *переход*, одно из значений которого объясняется так: «*Переходом* от одного состояния к другому называют постепенное завершение одного состояния и начало другого»⁴. Среди значений прилагательного *пограничный* находим следующее: «*Пограничный* называют сферу, которую трудно отнести к какой-либо определённой категории»⁵.

Анализ словарных толкований позволяет констатировать у прилагательного *переходный* наличие сем 'относящийся к состоянию', 'связанный с изменением', 'промежуточный', 'постепенный', у прилагательного *пограничный* – сем 'находящийся на границе', 'смежный', 'неопределённый'. В целом семантика прилагательного *переходный* связана с идеей процессуальности; семантика прилагательного *пограничный* – с идеей пространства, а именно – пребывания «на границе» чего-либо. Очевидно, *пограничное состояние* может рассматриваться как один из этапов *переходного состояния*, его кульминация, состоящая в пересечении некой грани [4] между А и Б, ведущем к существенным качественным изменениям.

Далее обратимся к рассмотрению языкового материала и проследим, в какой степени употребление терминосочетаний *переходное состояние* и *пограничное состояние* соответствует словарным толкованиям.

Контекстуальное окружение терминосочетаний *переходное состояние* и *пограничное состояние*

Анализ текстов статей производился по следующим критериям: какие типы объектов могут пребывать в переходном или пограничном состоянии; в чём состоит смысловая близость данных понятий; в чём состоит различие между ними и с помощью каких средств контекста оно выражается.

Типы объектов, пребывающих в переходном / пограничном состоянии

Тексты проанализированных статей содержат информацию о том, что переходное состояние характерно в основном для общественных институтов и крупных сфер деятельности, ср.: *переходное состояние государства*, *переходное состояние компании*, *переходные состояния личности и общества*, *переходное состояние экономики*, *переходное состояние политических режимов* и т. д. Пограничное состояние может характеризовать существование более разнообразных объектов, в том числе лиц: *пограничное состояние культуры*, *пограничное состояние языка*, *пограничное состояние полёта*, *пограничное состояние рекламной продукции*, *пограничное состояние человеческого*, *предсмертное пограничное состояние*, *пограничное состояние подростков* и др. Отметим также, что словосочетание *пограничное состояние* в текстах статей неоднократно (12 раз) употребляется в кавычках, что указывает на неустоявшийся характер термина и его метафоричность. Ср.: *Проводится небольшой обзор фольклорных формул, связанных с «пограничным» состоянием человека и нашедших свое преломление в русской литературе*⁶.

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ: Мир и Образование, 2019. С. 433.

² Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. Т. 3. П – Р. М.: Русский язык, 1987. С. 106.

³ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. С. 636, 660.

⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 856.

⁵ Там же. С. 895.

⁶ Галиева М. А. О привидениях, сновидениях и видениях в русской литературе. Танатопоэтика: пограничные состояния // Вестник Байкальского государственного университета. 2016. № 1. С. 171.

Семантические пересечения понятий
*переходное состояние и пограничное
состояние*

Термины *переходное состояние* и *пограничное состояние* часто употребляются как синонимичные. Так, *переходное состояние* в одной из статей называется *пороговым*, а *порог* – это «преддверие, начало чего-л., рубеж»¹, т. е. некая граница. Примечательно, что в 22 статьях о переходном состоянии прилагательное *пограничный* употребляется 14 раз. Кроме того, в текстах о переходном состоянии на семантику «пограничности», «края», «порога» [5] указывают слова и словосочетания *переломный, в крайнем случае, доведение до крайности, вход в переходное состояние*. Ср., напр.: *Шпенглеру принадлежит авторство доведения идеи до крайности, то есть до нестабильности, которая приводит к краху культуры*².

В названии одной из статей³ фигурирует термин «лиминальность», восходящий к латинскому понятию *limen* (мн. ч. – *limina*), обозначающему 'порог, вход, дверь, дом, начало, конец', а в статьях о пограничном состоянии неоднократно встречается термин «трансгрессия» от латинского *transgressio* – 'переход'.

Данные факты свидетельствуют о том, что переходное состояние и пограничное состояние – не изолированные друг от друга явления. Так, в одной из статей переходное и пограничное состояния рассматриваются как этапы целостного процесса кризисного состояния. Ср.: *В динамике неравновесного кризисного состояния личности мы выделяем его этапы: 1) «кумуляция» противоречий; 2) переходное состояние фрустрации смысла жизни; 3) «слом» прежней структуры бытия личности, делающий невозможным его продолжение, –*

*собственно пограничная ситуация; 4) выход из пограничной ситуации путем трансформаций личности*⁴.

Несмотря на то что явления *переходного состояния* и *пограничного состояния* взаимосвязаны, понятия *переходное состояние* и *пограничное состояние* не тождественны. Чтобы выделить дифференциальные семантические признаки терминов *переходное состояние* и *пограничное состояние*, проведём сопоставительный анализ их лексического окружения.

Дифференциальные семантические
признаки сочетаний *переходное состояние*
и *пограничное состояние*

Рассматриваемые термины используются в окружении лексических единиц, формирующих **семантические группы** «Изменение», «Процесс», «Взаимодействие», «Двоемирие», и обнаруживают при этом ряд нюансов.

Семантическая группа «Изменение» в статьях о переходном состоянии включает в себя следующие лексемы: *развитие* (17), *изменение* (11), *переход* (9), *трансформация* (5), *смена* (5), *эволюция* (5), *становление* (4), *реорганизация* (3), *преобразование* (3), *революция* (2), *перемена* (2), *адаптация* (2), *замена* (1), *скачки* (1), *сдвиг* (1), *перерождение* (1), *реформирование* (1). Большинство этих слов имеют значение постепенного превращения из одного состояния в другое. Ср.: ***Переходные состояния* сложноорганизованных систем есть объективный процесс, характеризующийся противоречивым взаимодействием предыдущей и новой появляющейся стадии эволюции, что закономерно вызывает неопределённость в векторе развития этих систем**⁵; В любом случае в картинах мира

¹ Большой толковый словарь русского языка: А–Я / под ред. С. А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2000. С. 926.

² Яворская С. А. Кризис культуры как переходное состояние в социокультурной динамике: теоретико-методологические аспекты // Интеграция образования. 2006. № 4. С. 228.

³ Фусу Л. И. Концепции лиминальности в научном дискурсе как междисциплинарная проблема // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. 2017. Vol. 6. Is. 3A. С. 240–246.

⁴ Шаповал И. А. Психологические сценарии и индикаторы неравновесного состояния личности в пограничной ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 3. С. 773.

⁵ Петров А. В., Зырянов А. В. Универсальный эволюционизм как методологическая основа исследования переходного состояния государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 2. С. 101.

участников общества **переходного периода** происходят значительные **изменения**¹; Глубинные причины конфликтности в российском обществе сохраняются и воспроизводятся вновь и вновь, что только пролонгирует незавершённость процесса **реформирования и переходный характер состояния** всего социума².

В статьях о пограничных состояниях семантическая группа «Изменение» представлена словами **трансформация** (7), **смена** (5), **изменение** (4), **перемена** (3), **переход** (3), **метаморфоза** (2), **сдвиг** (1). Чаще всего данные лексемы употребляются с конкретизаторами, подчёркивающими быстроту происходящих изменений или указывающими на их существенность: **переходный момент**, **чередa** сменяющих друг друга ситуаций, **внезапная перемена**, **в момент** меняется, **внезапный переход**, **мимолётный переход**, **резкие** изменения, **неожиданные** смены, **коренные** изменения. Ср., напр.: *Поэт признаёт возможность трансформации сознания, приводящей к видениям, снам наяву*³; *При пограничном личностном расстройстве необходимо учитывать неожиданные смены эмоционального состояния*⁴.

В статьях о переходных состояниях часто встречаются слова семантической группы «Процесс». Сама лексема **процесс**, обозначающая развитие какого-либо явления во времени, в таких статьях встречается 29 раз. Также частотной в статьях о

переходных состояниях является лексема **период** (23 употребления), обозначающая конкретный промежуток в развитии какого-либо процесса. Период, в свою очередь, делится на ещё более короткие промежутки, так что переходное состояние воспринимается как последовательная смена отдельных этапов (11 употреблений), **стадий** (4) и **фаз** (6). Ср.: **Переходные состояния политических режимов** – это особый порядок взаимодействия личности, общества и государства на отдельных **этапах переходного периода**⁵; **На переходе от ИСО к ГСО можно обнаружить несколько фаз, среди которых выделяются два вида особенных промежуточных состояний**⁶.

Длительные изменения, характерные для переходного состояния, осуществляются благодаря взаимодействию разных факторов, и в статьях о переходных состояниях можно выделить семантическую группу «Взаимодействие». В неё входят такие слова, как **взаимопереходы**, **синергетика**, **самоорганизация**, **сопряжение** и др. (всего 15 лексических единиц). Ср.: **Взаимодействие постепенных и взрывных политических процессов**⁷; **Это направление, придавая наибольшее значение антропологическому и гносеологическому аспектам исследования переходности, позволило выявить сопряжение (в ней) двух уровней бытия: онто- и филогенетического, личностного и культурного**⁸.

Специфической для статей о пограничном состоянии является семантическая группа «Двоемирие». В неё входят такие слова, как **потустороннее**, **иное царство**,

¹ Луговой А. А., Куракина Е. В. Социально-философские концепции переходного состояния общества // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России: научно-аналитический журнал. 2015. № 1. С. 128.

² Руженцев С. Е., Смирнов А. В. Социально-политический конфликт как имманентное состояние переходного российского общества // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 7. С. 20.

³ Галиева М. А. О привидениях, сновидениях и видениях в русской литературе. Танатопозитика: пограничные состояния // Вестник Байкальского государственного университета. 2016. № 1. С. 173.

⁴ Христофорова С. Я. Пограничные состояния и их диагностика у сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1. С. 102.

⁵ Огородников В. В. Об отдельных признаках переходных состояний политических режимов // Сибирское юридическое обозрение. 2010. № 12. С. 10.

⁶ Рязанов В. А. Стадии развития организационной структуры учебного процесса и её переходные состояния // Школьные технологии. 2015. № 5. С. 30.

⁷ Огородников В. В. Об отдельных признаках переходных состояний политических режимов // Сибирское юридическое обозрение. 2010. № 12. С. 11.

⁸ Яковлева Т. А. Методологические подходы, уровни и аспекты исследования феномена переходности в рамках культурологической мысли (общий обзор) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 59.

иная действительность, неизведанное, этот и тот свет, реальность и загробная жизнь, свет и тьма, потустороннее и по-стороннее. Ср.: И в обмирании скрыты и сон, и видение одновременно: человек находится **на пороге оного**¹; Реинкарнация... строится как раз на том, что каждая физическая смерть вовсе не смерть, а **перемена места жительства бессмертной души**².

Анализ семантических групп показывает, что и переходные, и пограничные состояния связаны прежде всего с изменением существующего положения дел, но переходное состояние, как правило, характеризуется изменениями медленными, постепенными, стадийными, сложными, разнонаправленными; пограничное состояние может привести к изменениям быстрым, резким, сущностным.

Дополнительную информацию о семантической специфике терминосочетаний *переходное состояние* и *пограничное состояние* позволяют получить **контекстуальные антонимы**, называющие те противоположности, между которыми «совершается переход» или «пересекается граница». Например, в статьях о переходном состоянии чаще всего встречаются такие пары, как *старый / новый, устаревший / новый, существующий / новый, статический / динамический, прошлое / будущее, модернизация / деградация, современность / традиция, традиция / инновация, один / другой*. Ср.: Когда мы говорим: «**Это переходное состояние политического режима!**», – то подразумеваем, что это «**уже**» не «**старый**» политический режим, но «**ещё**» и не «**новый**»³; Конфликтность становится перманентной характеристикой развития страны, мечущейся между противоре-

чиво взаимосвязанными альтернативами **модернизации и деградации**⁴; В кризисном, **переходном** обществе риск возникает одновременно с нарастанием... противоречий и отражает определённый период движения этого общества **от одного** состояния **к другому**⁵.

В статьях о пограничном состоянии можно выделить следующие пары контекстуальных антонимов: *реальный / воображаемый, явный / вымышленный, внешний / внутренний, норма / патология, верх / низ, безопасное / опасное, реальность / загробная жизнь, свет / тьма, понимание / непонимание, смысл / бессмыслица, христианский / языческий, реальность / виртуальность, жизнь / смерть*. Например: **Пограничные зоны ... могут существенно различаться в зависимости от того, сформирован ли тезаурус субъекта реальностью или виртуальностью**⁶; Следующее **пограничное пространство** – это место «**между реальностью и загробной жизнью, между светом и тьмой...**»⁷; Столкновение **христианского и языческого культурных кодов ... породило совершенно новый аутопоэтический код**⁸.

Анализ контекстуальных антонимов позволяет сделать вывод, что переходное состояние обычно связано с движением от старого к новому, от традиционного к современному, от существующего к более совершенному, а пограничное состояние –

¹ Галиева М. А. О привидениях, сновидениях и видениях в русской литературе. Танатопоэтика: пограничные состояния // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. №1. С. 171.

² Луков В. А. Пограничные зоны человеческого существования и их осознание человеком // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 2. С. 4.

³ Огородников В. В. Об отдельных признаках переходных состояний политических режимов // Сибирское юридическое обозрение. 2010. № 12. С. 10.

⁴ Руженцев С. Е., Смирнов А. В. Социально-политический конфликт как имманентное состояние переходного российского общества // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 7. С. 18.

⁵ Гончарова Н. П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1–2. С. 180.

⁶ Луков В. А. Пограничные зоны человеческого существования и их осознание человеком // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 2. С. 10.

⁷ Ерохина Т. И., Сандросян Д. С. Экзистенциальные мотивы в корейской драме (на примере драмы «Токкэби» / «Демон») // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 293.

⁸ Шаров К. С. Создание пограничного культурного кода в иконографии святых Георгия и Христофора как особый тип металингвистической христианской проповеди // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 161.

это, как правило, состояние на грани между реальным и воображаемым, внутренним и внешним, естественным и сверхъестественным.

В текстах об обоих типах состояний весьма заметны **метафоры**, образно представляющие суть переходного или пограничного состояния.

В статьях о переходном состоянии самая распространенная метафора – это метафора разрыва, раскола, разделения на части, ср., напр.: *Эта модель должна отражать некоторые переходные состояния в истории, которые иногда называют «социальными разрывами»¹*; Феномен **переходности** на онтологическом уровне был дан в опыте кризиса европейской культуры на рубеже XIX—XX вв., и именно с осмысления этого опыта как своеобразного «разрыва» в ткани истории начались поиски и исследования типологически подобных культурных эпох, состояний и феноменов².

Чаще всего такие метафоры сопровождаются отрицательными коннотациями, ср.: *болезненный и драматичный путь адаптации, борьба за выживание, глубокий кризис, деградация, разрушать, сбой, спад, распад, дисбаланс, слабость, напряжённость, неустойчивость, отсутствие единства*. Ср.: *Социальный раскол, сигнализирующий переходный период в государстве, есть внешний критерий дезорганизующегося общества³*; *Переходное состояние современного российского общества проявляется прежде всего в несогласованной и аритмичной работе социальных и по-*

литических институтов⁴; *Анализируется сущность и содержание понятия «кризисное состояние общества» как переходное состояние, распад существующих ценностей⁵*.

Несмотря на преобладание примеров с отрицательными коннотациями, в некоторых текстах выражается положительное отношение авторов к переходному состоянию, ср., напр.: *Переходное состояние, переживаемое культурой и осмысляемое как кризис, есть необходимый и закономерный этап её развития⁶*; *Переходный период, подготавливаемый фазой кризиса, представляет собой момент саморазвития – смену устаревшей формы развития новой, более функционально соответствующей моменту времени⁷*.

В целом переходное состояние метафорически изображается как сложный, болезненный, но при этом продуктивный процесс, помогающий человеку или обществу перейти в более совершенное состояние.

Далее проанализируем метафоры, встретившиеся в текстах о пограничном состоянии. В пограничное состояние можно «попасть» или «выйти» из него, приблизившись к появившейся «границе» или преодолев «границу». Наиболее драматичным оказывается бессознательное нахождение субъекта около «исчезающей» границы. Среди метафор пограничного состояния можно выделить несколько

¹ Иваненко А. А. Противоречие, переходные состояния и социальные изменения // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2008. № 2. С. 26.

² Яковлева Т. А. Методологические подходы, уровни и аспекты исследования феномена переходности в рамках культурологической мысли (общий обзор) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 58.

³ Петров А. В., Зырянов А. В. Универсальный эволюционизм как методологическая основа исследования переходного состояния государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 2. С. 99.

⁴ Руженцев С. Е., Смирнов А. В. Социально-политический конфликт как имманентное состояние переходного российского общества // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 7. С. 20.

⁵ Гончарова Н. П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1–2. С. 177.

⁶ Яковлева Т. А. Методологические подходы, уровни и аспекты исследования феномена переходности в рамках культурологической мысли (общий обзор) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 58.

⁷ Петров А. В., Зырянов А. В. Универсальный эволюционизм как методологическая основа исследования переходного состояния государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 2. С. 99.

групп: 1) метафоры приближения к пограничному состоянию или входа в пограничное состояние; 2) метафоры преодоления пограничного состояния; 3) метафоры исчезновения границы; 4) метафоры, характеризующие субъекта, пребывающего в пограничном состоянии. Приведём примеры.

Метафоры приближения к пограничному состоянию или входа в пограничное состояние: *Пограничные ситуации представляют собой «такие ситуации, в которых человек подведён к границе своего существования» и поставлен «перед лицом глубокой тревожности своего бытия»¹; Избыточное напряжение чеховского драматизма способно «ввергать сознание героя в патологически пограничное состояние ... Перед лицом петербургской жизни в неопределённости пограничного состояния оказывается сам нарратор»²; Человек «оказывается на границе исчезновения своего мира, в пограничной ситуации»³.*

Метафора преодоления пограничного состояния: *Дверь у Музиля – это прорыв в «иное состояние»⁴; Имя героя отсылает нас к... пространственной символике, выражающей пограничность бытия, двойственность, постоянную идею переступания границ, открывания новых дверей»⁵. Встречаются случаи, когда лексема выход обозначает не преодоление пограничного состояния, а наоборот, попадание в него, ср.: *выход из своих берегов; выход личности за пределы адаптационных лимитов.**

Метафора исчезновения границы, без которой субъект впадает в пограничное состояние: *Многочисленные сновидения, бред, лихорадка, обморочные состояния размывают границу между реальным и воображаемым миром»⁶; Безумие начинает мыслиться как игнорирование границы между этими мирами – как пограничное состояние сознания»⁷; Для космизма характерно не создание, но стирание границ: между живыми и мёртвыми, между верхом и низом»⁸.*

Метафоры, характеризующие субъекта во время пребывания в пограничном состоянии: *В пространстве разрыва гармонии с миром, в «пограничье» между устойчивым Я прежним, неопределённым Я будущим и частично разрушенным и неравновесным Я настоящим человек оказывается на «слабых ногах»⁹; Любая травмирующая утрата образует «дыру в Я» и приводит к распаду пространства... объективной невозможности восстановить прерванный ход жизни и её смыслы, подтвердить своё Я»¹⁰; При несвоевременном распознавании пограничные состояния являются «трамплином», ускоряющим переход от безопасности к опасности»¹¹.*

Данные метафоры характеризуют пограничное состояние как состояние нестабильное и возникающее внезапно.

¹ Ерохина Т. И., Сандросян Д. С. Экзистенциальные мотивы в корейской драме (на примере драмы «Токкэби» / «Демон») // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 292.

² Тюпа В. И. Пограничные состояния в литературном нарративе // Вестник Российский государственный гуманитарный университет. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 2. С. 15–16.

³ Шаповал И. А. Психологические сценарии и индикаторы неравновесного состояния личности в пограничной ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 3. С. 772.

⁴ Киселева М. В. Познание как пограничное состояние // Челябинский гуманитарий. 2011. № 3. С. 29.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Тюпа В. И. Пограничные состояния в литературном нарративе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 2. С. 12.

⁸ Загидулина Т. А. Анализ трансформации моделей репрезентации пограничного состояния полета в свете культурологического подхода // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. 2017. № 1 (39). С. 192.

⁹ Шаповал И. А. Психологические сценарии и индикаторы неравновесного состояния личности в пограничной ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 3. С. 771.

¹⁰ Там же.

¹¹ Самойлова Л. К. Пограничные состояния экономики территории: «тонкая грань» или «пропасть» между безопасностью и опасностью // Национальная безопасность. 2020. № 4. С. 36.

Примеры показывают, что субъект попадает в пограничное состояние обычно не по своей воле (человек *подведён к границе*, *ввергать* сознание героя в пограничное состояние, человек *оказывается на границе*), но преодолевать его (через *переступание, преодоление, выход*) вынужден самостоятельно.

Пограничные состояния для субъекта трудны, однако в текстах находим и примеры выражения положительного отношения авторов к ним, ср.: В рассказе Л. Н. Толстого «Записки сумасшедшего» *припадки ужаса грядущей смерти, протекавшие как пограничные состояния ... приводят героя к моральному просветлению*¹; «Пограничье» *открывает ещё не раскрытые смыслы, возможности, перспективы*²; Поиском смысла жизни ... *преодолением пограничных состояний и обретением свободы через них ... занимается экзистенциальная философия*³.

В целом метафоры пограничного состояния показывают, что пребывание человека в этом состоянии способно привести к открытию новых возможностей, к ментальному или духовному обновлению.

Заключение

Проведённый анализ показал, что семантика понятий *переходное состояние* и *пограничное состояние* имеет как сходства, так и различия, в связи с чем их нельзя считать полностью тождественными.

Смысловая близость данных понятий состоит в том, что в обоих случаях речь идёт о некоторых важных изменениях. Те контексты, в которых понятия *переходное состояние* и *пограничное состояние* не разграничиваются или взаимодополняются, говорят о возможности рассматривать эти явления как разные стадии процесса изменения. Однако *переходное состояние*, как правило, характеризуется изменениями медленными, постепенными, стадийными, сложными, разнонаправленными; *пограничное же состояние* может привести к изменениям быстрым, резким, существенным. Можно сказать, что *переходное состояние* – это следование по некоторому пути (на первом плане – сферы процессуальности, времени), а *пограничное состояние* – это собственно «точка входа/выхода» (на первом плане – сферы пространства, места), что в целом соответствует словарному представлению лексем *переходный* и *пограничный*. *Переходное состояние* обычно связано с длительным развитием, с движением от старого к новому, а *пограничное состояние* – с рефлексией на грани между реальным и воображаемым, внутренним и внешним. И *переходное состояние*, и *пограничное состояние* в текстах статей представляются как сложные трансформационные процессы, помогающие обществу или человеку обновляться.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
2. Ермакова А. В. Природа термина // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 218–223.
3. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. СПб.: Питер, 2005. 412 с.
4. Калинина Л. В. Семантика неуловимого: где проходит *тонкая грань* // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 114–124.
5. Ключина А. М. Лексикографическое портретирование лексемы «крайность» [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru> (дата обращения: 29.11.2021).

¹ Тюпа В. И. Пограничные состояния в литературном нарративе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 2. С. 15.

² Шаповал И. А. Психологические сценарии и индикаторы неравновесного состояния личности в пограничной ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 3. С. 772.

³ Шаповал И. А. Психологические сценарии и индикаторы неравновесного состояния личности в пограничной ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 3. С. 772.

6. Кочеулова О. А. Преодоление неопределённости внешнего и внутреннего миров человека // Человек в условиях неопределённости: сборник научных трудов: в 2 т. Т. 2. Самара: Самарский государственный технический университет, 2018. С. 30–33.
7. Луков В. А. Пограничные зоны человеческого существования и их осознание человеком // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 2. С. 3–16.
8. Милованова М. С., Хуан Яньюй. Актуальные транспонированные формы имени существительного (семантика состояния) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 40–50.
9. Попов В. В., Иваненко А. А. Переходные состояния: концептуально-семантические аспекты // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2011. № 2. С. 248–254.

REFERENCES

1. Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian Terminology: Experience of Linguistic Description]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 246 p.
2. Ermakova A. V. [The Nature of the Term]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2018, no. 2, pp. 218–223.
3. Ilin E. P. *Psikhofiziologiya sostoyanii cheloveka* [Psychophysiology of Human States]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 412 p.
4. Kalinina L. V. [Semantics of the Elusive: Where is the Fine Line]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2020, no. 2, pp. 114–124.
5. Klyushina A. M. [Lexicographic Portrayal of the Lexeme “Extreme”]. In: *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies], 2020, no. 4. Available at: <https://sfk-mn.ru> (accessed: 29.11.2021).
6. Kocheulova O. A. [Overcoming the Uncertainty of the External and Internal Worlds of a Person]. In: *Chelovek v usloviyakh neopredelennosti: sbornik nauchnykh trudov. T. 2* [Man in Conditions of Uncertainty: A Collection of Scientific Papers. Vol. 2]. Samara, Samara State Technical University Publ., 2018, pp. 30–33.
7. Lukov V. A. [Border Zones of Human Existence and Their Awareness by Man]. In: *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of Humanitarian Knowledge], 2017, vol. 2, pp. 3–16.
8. Milovanova M. S., Huan Yanyui. [Actual Transposed Forms of a Noun (State Semantics)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2021, no. 2, pp. 40–50.
9. Popov V. V., Ivanenko A. A. [Transition States: Conceptual and Semantic Aspects]. In: *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A. P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute Named after A. P. Chekhov], 2011, no. 2, pp. 248–254.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калинина Людмила Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета;
e-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

Фалеева Анна Сергеевна – магистрант, младший научный сотрудник кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета;
e-mail: FaleevaAnn@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Liudmila V. Kalinina – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof., Department of Russian Language, Culture of Speech and Teaching Methods, Vyatka State University;
e-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

Anna S. Faleeva – Master's Degree Student, Research Assistant, Department of the Russian Language, Culture of Speech and Teaching Methods, Vyatka State University;
e-mail: FaleevaAnn@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Калинина Л. В., Фалеева А. С. Функционирование терминосочетаний *переходное состояние* и *пограничное состояние* в научных текстах гуманитарной направленности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 32–43.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-32-43

FOR CITATION

Kalinina L. V., Faleeva A. S. Functioning of the Term Combinations *Transitional State* and *Borderline State* in Scientific Texts of Humanitarian Orientation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 32–43.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-32-43

УДК 808.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-44-49

СИМВОЛИКА ЧЁРНОГО ЦВЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ ЯКУТСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ИВАНА ГОГОЛЕВА И ТАКАМУРА КОТАРО)

Руфова Е. С.*Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова**677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить символику чёрного цвета в стихотворениях Ивана Гоголева и Такамура Котаро и особенности её традиционного использования якутами и японцами.

Процедура и методы. В работе используются системный, целостный, функциональный подходы при изучении художественного произведения, сравнительно-сопоставительный методы исследования.

Результаты. В результате исследования можно утверждать, что чёрный цвет в культуре саха и японцев традиционно несёт в себе разную семантику, определяя практически противоположные явления. При всём отличии можно отметить, что в данных культурных традициях сохраняется тонкое восприятие цветовой символики, что зачастую выражено в многочисленных оттенках и полутонах.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют раскрыть семантическую многоплановость символизма колоратива «чёрный», выявить стилистические коннотации чёрного цвета как национальной культурологемы.

Ключевые слова: поэзия, семантика, символ, цветовой эпитет, чёрный цвет, якутская литература, японская литература

SYMBOLISM OF THE BLACK COLOR IN THE WORKS OF YAKUT AND JAPANESE POETS (ON THE EXAMPLE OF THE POETRY OF IVAN GOGOLEV AND TAKAMURA KOTARO)

E. Rufova*M. K. Ammosov North-Eastern Federal University**ul. Belinskogo 58, Yakutsk 677000, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of the study is to identify the symbolism of the black color in the poems of Ivan Gogolev and Takamura Kotaro and to reveal the features of the traditional color symbolism of the Yakuts and Japanese.

Methodology. The work relies on systematic, holistic, and functional approaches in the study of a work of art; use is also made of comparative research methods.

Results. It is found that the black color in the culture of the Sakha and the Japanese traditionally carries a different semantic meaning, denoting almost opposite meanings. With all the differences, it can be noted that in these cultural traditions a subtle perception of color symbolism is preserved, which is often expressed in numerous shades and halftones.

Research implications. The results of the study reveal the semantic versatility of the symbolism of the “black” color and identify intercultural differences in relation to phenomena and events in life.

Keywords: poetry, semantics, symbol, color epithet, black color, Yakut literature, Japanese literature

Введение

Восприятие цвета как часть мироощущения является составляющей национально-культурной картины мира: «Индивидуально-авторское мировидение задаётся сочетанием разноуровневых языковых, паралингвистических средств. К одним из языковых уровней можно отнести цветовой ряд, используемый автором в своём поэтическом творчестве для создания поэтического альтернативного мира» [13, с. 177].

Актуальность данного исследования заключается в том, что цветообозначения, используемые авторами в прозе и поэзии, отражают не только чувства и эмоции, но и, в большей степени, традиционное мировоззрение народа.

Целью данного исследования является выявление символики чёрного цвета в стихотворениях на японском и якутском языках.

Изучение цветообозначений является объектом научного познания многих междисциплинарных исследований. В лингвистических работах встречается использование таких терминов, как «цветообозначения», «цветонаименования», «колоративная лексика» и т. п., и выделяется языковое разнообразие в культурологическом, психолингвистическом, когнитивном и историко-культурном аспектах [2; 3; 5; 7; 11]. В литературоведческих работах исследование цветообозначений происходит как на уровне семантики слова, так и на уровне текста как одного из художественных приёмов и содержательных элементов авторского текста [1; 6; 8; 12; 13].

В рамках функционального подхода цветообозначения рассматриваются как «интенсификаторы выразительности и образности речи, соотносятся с рядом тропов и стилистических фигур, являющихся актуализаторами прагматики высказывания» [10, с. 21]. Использование цвета обусловлено желанием автора создать определённый эмоциональный настрой, вещный мир, образ и чувства персонажей.

Сопоставительный подход позволяет получить сведения о специфических лингвокультурных особенностях цветообозна-

чений, определяющих модели мироощущения и мировидения.

В работе используются целостный подход при изучении художественного произведения, семантико-стилистический и сопоставительный методы исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что поэзия Ивана Гоголева и Такамура Котаро впервые рассмотрена в аспекте выявления специфических характеристик символики цвета в художественных произведениях.

Материалом исследования послужили сборники стихотворений Ивана Гоголева «Коновязь со священным орлом»¹ и Такамура Котаро «Стихи о Тиэко»², «Стихи о ваянии»³.

Методологическую основу исследования составили труды О. А. Анищевой [1], Л. Л. Габышевой [3], О. А. Мельничук [9], Л. А. Усмановой [12], Л. Х. Хараевой [13].

Символика чёрного цвета в якутской поэзии

Иван Михайлович Гоголев-Кындыл (1930–1998) – народный поэт Якутии, один из ярчайших представителей якутской литературы XX в., известен и как прозаик благодаря роману-трилогии «Хара кыталык» («Чёрный стерх»), в котором одним из первых обращается к теме шаманизма. Его произведения были переведены на несколько языков, в том числе и на русский (1977). В данной работе был использован авторский перевод примеров, т. к. в ходе исследования было обнаружено, что в переводах на русский язык зачастую цветовой эпитет не отражается.

«Народ саха воспринимает цвет в тесной связи с природой. Краски якутской природы – “үрүн, маҕан” (белый), “хара” (чёрный), “күөх” (зелёный, синий, голубой) традиционные любимые цвета якутов. В цветоощущении древнего якута, формировавшемся в течение столетий, отразились

¹ Гоголев И. М. Өксөкүлээх сэргэ. Якутск: Саха сиригээҕи, 1979. 432 с.

² Такамура Котаро. Стихи о ваянии / 高村光太郎. 造形篇 [Электронный ресурс]. URL: <http://t-koutarou.net/Entry/65> (дата обращения: 04.09.2021).

³ Там же.

мифологический параллелизм микро- и макрокосма, трёхмерность мира, вселенной: белый – верхний, божественный мир, зелёный – срединный, подсолнечный мир, чёрный – нижний мир» [4, с. 151–153].

«Цветовой эпитет “хара” (чёрный) содержит в своём значении и понятие о нечистоте, чёрный цвет выступает в олонхо как атрибут Нижнего мира» [4, с. 11]. Чёрный цвет в якутском языке, как и во многих других языках, несёт в себе негативный характер. «Чёрный цвет для саха – символ зла, темноты, грязи (хара санаалаах киһи – букв. человек с чёрными мыслями; злодей, злодейский); символ траура» [6, с. 48]. «В социальном аспекте признак “чёрный” был соотнесён с низами общества: хара киһи, хара дьон – букв. “чёрный человек”, “чёрные люди”, т. е. бедняк, простолюдин. Ср.: *Үрүүн унуохтаах киһи* – “человек белой кости” об эпическом герое» [4, с. 5].

Цветовой эпитет «хара» (чёрный) в стихотворениях Ивана Гоголева используется для обозначения цвета предмета. Встречается при описании животных и птиц («хара саһыл» (чёрная лиса)¹, «хара суор» (чёрный ворон)²), но чаще всего – при описании внешности человека: «хара харах хараҥаччы» (черноглазая ласточка)³, «хара харах» (чёрные глаза)⁴, «хара баттабыҥ» (твои чёрные волосы)⁵. В описании внешности признак чёрного цвета волос имеет и дополнительное значение молодости, юного возраста, в строках автора чаще встречается описание пожилого мужчины с поседевшими чёрными волосами – «хара чанчыкпын хаһыҥ хаарыйдаҕа» (мои чёрные виски тронула седина)⁶.

Использование цветового эпитета «хара» (чёрный) присутствует также и с отрицательной коннотацией в значении «дурной, злой, плохой»: хара дьай (нечисть), хаххалыыр хара санаа (давящие чёрные мысли). Данное значение автор

использует в стихотворениях на военную тематику, например, сравнивая фашизм с чёрной чумой как некую жуткую пандемию, унёсшую многие жизни:

Күн анныттан симэлийдин
Фашист хара чумаата!⁷

С лица земли исчезнет пусть
Фашизма чёрная чума!

Наиболее ярко национальную специфику цветообозначений передают скорее не сами цвета, а их сочетания или оттенки [9, с. 106]. Цветообозначение «хара» имеет несколько оттенков: «буор хара» (землисто-чёрный), «хара сур» (чёрный с серебристым отливом), «бас хара» (смолисто-чёрный), «үлүйбүт хара» (грязно-чёрный), «хара бараан» (тёмно-смуглый) и др. Интересным показался оттенок, использованный автором для описания ночи в разгар войны, когда умирает молодой солдат:

Саманнык түүн буолбатах,
Өһөх хара түүн этэ,
Унуор харбаан туораабыта
Бууйун саха киһитэ⁸.

Та ночь была совсем другой,
Была кроваво-чёрной,
Когда ту реку молодой
Солдат переплывал.

В данном примере цветовой эпитет «өһөх хара» (чёрный с красноватым отливом) очень чётко передаёт страшную трагедию той ночи, где красный отлив чёрного символизирует безжалостное кровопролитие, человеческую трагедию войны в целом.

Можно утверждать, что цветовой эпитет «хара» (чёрный) в поэзии Ивана Гоголева выражает не только универсальные понятия, но и выражает национально-культурную специфику. Именно в поэзии через цветообозначения автор выражает своё отношение, чувства, переживания, вербализуя семантическое значение с языковой картиной мира.

¹ Гоголев И. М. *Өксөкүлээх сэргэ*. Якутск: Саха сиринээҕи, 1979. С. 8.

² Там же. С. 390.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 393.

⁵ Там же. С. 65.

⁶ Там же. С. 328.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Там же. С. 8.

Символика чёрного цвета в японской поэзии

Помимо основных универсальных цветов в японской культуре существует довольно большое количество наименований разных оттенков. Интересным фактом является то, что названия цветов и оттенков обозначаются названиями естественных носителей цвета: «арахаиро» (обратная сторона листьев и трав) означает зелено-пепельный, глухой тон; «угуисиуро» (цвет крыльев японского соловья) – серовато-голубовато-зеленоватый; «акуиро» (остывший пепел) – белёсо-серый и т. п.

Чёрный цвет в традиционной японской культуре – символ благородства, опыта и мудрости. К примеру, на свадьбу своих детей принято надевать чёрное, чёрный цвет пояса символизирует высший ранг во многих боевых искусствах.

Такамура Котаро (1883–1956) является ярким представителем японской поэзии XX в. Как поэт-символист он стал известен благодаря лирическим стихотворениям сборника «Стихи о Тиеко», посвящённого умершей супруге.

Чёрный цвет в поэзии Такамура Котаро встречается в разных значениях. В большинстве случаев он использован в прямом значении и указывает на цвет объекта («kuroki tsuchi wo fumeri» (ступая по чёрной земле), «kuroi kemuri» (чёрный дым)¹.

Встречается также и в значении «мудрый», отражая национально-культурную специфику цветосимволики: «kurobotoke sama» (мудрый Будда)².

Интересным является сравнение вечной любви с чёрной розой в стихотворении «Роден в саду»: «kurobara no yoi na eien na ai» (вечная любовь, похожая на чёрную розу)³. Такое сравнение является ярким примером выражения японского эстетического мировоззрения «моно-но-аварэ», которое раскрывается в восприятии прекрасного в обыденном и простом, но при этом предпо-

лагает тоскливое созерцание быстротечности мира. Исходя из концептуальных принципов «моно-но-аварэ» можно утверждать, что ничто не вечно в этом мире так, как смерть, поэтому поэт сравнил бесконечную любовь именно с чёрной розой как символом печали.

Однако в поэзии Такамура Котаро встречается и европейское осмысление цветообозначения. К примеру, использование «чёрного» цвета в стихотворении «Страх»:

あの蒼黒い空に汗ばんでゐる円い月だ
世界を夢に導き、刹那を永遠に置きかへよう
とする月だ⁴

На этом иссиня-чёрном небе потеет круглая луна.
Луна, ведущая мир к мечте, миг превращающая
в вечность.

В этом стихотворении полная луна как путь к мечте среди иссиня-чёрного неба. Небо в этих строках не просто «чёрное», а больше враждебно чёрное, холодное, символизирующее мир, полный невзгод и проблем.

В поэзии Такамура Котаро, несомненно, цветообозначения несут усилительную функцию, придавая образность поэтической речи и подчёркивая традиционную символику.

Заключение

Цветовые эпитеты рассматриваются во взаимосвязи с этнокультурным компонентом и отражают национальную специфику мировоззрения поэта. Таким образом, на примере использования цветового эпитета «чёрный» в поэзии якутского и японского поэтов раскрывается полисемантичность и многофункциональность цветового эпитета «чёрный», выявляются межкультурные различия и сходства.

В стихах Ивана Гоголева через цветовой эпитет «хара» (чёрный) преобладает выражение традиционного мировоззрения якутов в значении: «низший», «сложный / трудный», «дурной / злой / плохой». Использование оттенков можно отнести к специфике авторского самовыражения, когда посредством тонов и полутонов уси-

¹ Такамура Котаро. Стихи о ваянии / 高村光太郎. 造形篇 [Электронный ресурс]. URL: <http://t-koutarou.net/Entry/65> (дата обращения: 04.09.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ливается значение образа, приобретает более чёткое восприятие символа.

В стихах японского поэта Такамура Котаро культурно-специфический компонент в символике чёрного цвета раскрывается не только в значении «мудрость», «торжество», но приобретает и дополнительное значение «печального очарования вещей», одного из основных принципов эстетики, характерных для японской культуры в целом.

Таким образом, можно утверждать, что чёрный цвет в культуре саха и японцев традиционно несёт в себе разное семанти-

ческое значение, обозначая практически противоположные понятия. При всём отличии можно отметить, что в данных культурных традициях сохраняется тонкое восприятие цветовой символики, что зачастую выражено в многочисленных оттенках и полутонах. При том основное лексическое выражение цветового эпитета «чёрный» выражено единственным прилагательным как в якутском, так и японском языках.

Статья поступила в редакцию 25.03.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищева О. Н. Семантика прилагательного *белый* в поэзии А. Ахматовой // Языковые единицы в системе языка и тексте / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1991. С. 63–68.
2. Габышева Л. Л. Белый цвет в культуре якутов и других тюркских народов // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 8 (50). С. 78–83.
3. Габышева Л. Л. Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо // Язык – миф – культура народов Сибири: сборник научных трудов / отв. ред. Н. К. Антонов. Якутск: Якутский государственный университет, 1994. 231 с.
4. Гатаулина Л. В. Роль цветообозначений в концептуализации мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 21 с.
5. Давыдова Т. С. Символика цвета в романе Рокуэлла Кента «Саламина» // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 6. С. 128–132.
6. Дьячковский К. Этносемиотика культуры и образования: постановка проблемы, методология. Якутск: Якутский государственный университет, 2000. 135 с.
7. Истомина С. М. Символика цвета в американской и русской лингвокультурах // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 4. С. 128–132.
8. Кимов Р. С., Апшева М. А. Символика Чёрного цвета во фразеологических единицах русской, английской и кабардинской лингвокультур [Электронный ресурс] // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 2. URL: <http://scipeople.ru/group/8265> (дата обращения: 20.03.2022).
9. Мельничук О. А., Руфова Е. С. Символика цветового эпитета «белый» в японских и якутских художественных произведениях (на материале поэзии Такамура Котаро и Ивана Гоголева) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2019. № 5 (73). С. 101–108.
10. Соколова К. А. Структурно-семантические особенности фразеологизмов с цветовым компонентом в западно-романских языках (на материале испанского, французского и итальянского языков): дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2016. 247 с.
11. Уланович О. И. Образ личности через призму цветового кода в англоязычной лингвокультуре // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2019. № 2. С. 32–37.
12. Усманова Л. А. Цветосемантика поэзии О. Э. Мандельштама // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 1 (27). С. 82–87.
13. Хараева Л. Х. Цветосимволизм в поэзии Артюра Рембо // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 176–185.

REFERENCES

1. Anishcheva O. N. [Semantics of the Adjective White in the Poetry of A. Akhmatova]. In: Sternin I. A., ed. *Yazykovye edinitsy v sisteme yazyka i tekste* [Language Units in the System of Language and Text]. Voronezh, Voronezh State University, 1991, pp. 63–68.
2. Gabysheva L. L. [White Color in the Culture of the Yakuts and Other Turkic Peoples]. In: *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura* [Ethnosocium and International Culture], 2012, no. 8 (50), pp. 78–83.
3. Gabysheva L. L. [Spatio-temporal Vocabulary and Color Metaphor in Olonkho Texts]. In: Antonov N. K., ed. *Yazyk-mif-kul'tura narodov Sibiri: sbornik nauchnykh trudov* [Language-Myth-Culture of the Peoples of Siberia: A Collection of Scientific Papers]. Yakutsk, Yakutsk State University Publ., 1994. 231 p.

4. Gataullina L. V. *Roľ tsvetooboznachenii v kontseptualizatsii mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Role of Color Designations in the Conceptualization of the World: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ufa, 2005. 21 p.
5. Davydova T. S. [Symbolism of Color in Rockwell Kent's Novel "Salamina"]. In: *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], 2021, no. 6, pp. 128–132.
6. Dyachkovskiy K. *Etnosemiotika kul'tury i obrazovaniya: postanovka problemy, metodologiya* [Ethnosemiotics of Culture and Education: Problem Statement, Methodology]. Yakutsk, Yakutsk State University, 2000. 135 p.
7. Istomina S. M. [The Symbolism of Color in American and Russian Linguistic Cultures]. In: *Uspekhi gumanitarnykh nauk* [Successes in the Humanities], 2021, no. 4, pp. 128–132.
8. Kimov R. S., Apsheva M. A. [The Symbolism of the Black Color in the Phraseological Units of Russian, English and Kabardian Linguocultures]. In: *APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki* [APRIORI. Series: Humanities], 2018, no. 2. Available at: <http://scipeople.ru/group/8265> (accessed: 20.03.2022).
9. Melnichuk O. A., Rufova E. S. [Symbolism of the Color Epithet "White" in Japanese and Yakut Works of Art (Based on the Poetry of Takamura Kotaro and Ivan Gogolev)]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov], 2019, no. 5 (73), pp. 101–108.
10. Sokolova K. A. *Strukturno-semanticheskie osobennosti frazeologizmov s tsvetovym komponentom v zapadno-romanskikh yazykakh (na materiale ispanskogo, frantsuzskogo i ital'yanskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [Structural and Semantic Features of Phraseological Units with a Color Component in the Western Romance Languages (On the Material of Spanish, French and Italian Languages): Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2016. 247 p.
11. Ulanovich O. I. [The Image of Personality Through the Prism of the Color Code in the English-language Linguoculture]. In: *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* [Actual Problems of German Studies, Romance and Russian Studies], 2019, no. 2, pp. 32–37.
12. Usmanova L. A. [Color Semantics of O. Mandelstam's Poetry]. In: *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture* [Philology and Culture. Philology and Culture], 2012, no. 1 (27), pp. 82–87.
13. Haraeva L. H. [Color Symbolism in the Poetry of Arthur Rimbaud]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics], 2020, no. 1, pp. 176–185.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Руфова Елена Степановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова;
e-mail: ruf2003@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena S. Rufova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Oriental Languages and Regional Studies, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University;
e-mail: ruf2003@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Руфова Е. С. Символика чёрного цвета в творчестве поэтов якутской и японской литературы (на материале поэзии Ивана Гоголева и Такамура Котаро) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 44–49.
DOI: [10.18384/2310-7278-2022-3-44-49](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-44-49)

FOR CITATION

Rufova E. S. Symbolism of the Black Color in the Works of Yakut and Japanese Literature Poets (On the Example of the Poetry of Ivan Gogolev and Takamura Kotaro). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 44–49.
DOI: [10.18384/2310-7278-2022-3-44-49](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-44-49)

УДК 81'367.7

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-50-58

СИНТАКСИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ КАК СРЕДСТВО КОННОТАТИВА

Сергиевская Л. А., Мелехова Л. А.*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
390006, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ синтаксических аномалий в аспекте теории синтаксического коннотатива.**Процедура и методы.** При проведении исследования применены методы анализа, синтеза, интерпретации языковых фактов, структурно-семантического и логико-семантического направления. Обобщаются взгляды исследователей на понятие языковой аномалии.**Результаты.** По итогам исследования авторами дано определение понятия «синтаксическая аномалия», установлены основные типы данного явления, выявлены коннотативные смыслы предложений с признаками отклонений от норм их структурно-семантического плана. Рассмотрены основные функции намеренных отступлений от норм построения языковых единиц на уровне синтаксиса, которые заключаются в передаче определённых экспрессивно-стилистических и оценочных оттенков высказываний. Определено место явления синтаксической аномалии в системе стилистических ресурсов языка и в ряду единиц экспрессивного синтаксиса. К причинам синтаксических аномалий авторы относят: намеренное отступление от существующих правил с целью выражения определённых коннотаций; нарушения норм под влиянием типичных для данного коллектива синтаксических погрешностей. Синтаксическая аномалия обоснована как одна из форм иррационального плана языка и речи.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Результаты исследования позволяют выявить новые закономерности развития и самоорганизации синтаксической системы современного русского языка и могут быть использованы в преподавании лингвистических дисциплин в вузе.**Ключевые слова:** высказывание, коннотация, экспрессия, языковая аномалия, языковая норма

SYNTACTIC ANOMALIES AS A CONNOTATIVE MEANS

L. Sergievskaya, L. Melekhova*Ryazan State University named by S. A. Yesenin
ul. Svobody 46, Ryazan 390006, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to analyze syntactic anomalies in the aspect of the theory of syntactic connotative.**Methodology.** The main research methods are analysis, synthesis, and interpretation of linguistic facts, as well as methods of structural-semantic and logical-semantic directions. The paper summarizes the views of researchers on the concept of language anomaly. The main functions of intentional deviations from the norms of the construction of linguistic units at the syntax level, which consist in the construction of certain expressive-stylistic and evaluative shades of utterances, are considered. The place of the phenomenon of syntactic anomaly in the system of stylistic resources of the language and in a number of units of expressive syntax is determined. The reasons for syntactic anomalies are as follows: deliberate deviation from existing rules in order to express certain connotations; and violations of norms under the influence of syntactic errors typical for this collective. Syntactic anomaly is justified as one of the forms of the irrational plan of language and communication.

Results. The results of the study are the definition of the concept of “syntactic anomaly”, the differentiation of the main types of this phenomenon, and the identification of connotative meanings of sentences that have signs of deviations from the norms of its structural and semantic plan.

Research implications. The research results allow one to discover new patterns of the development and self-organization of the syntactic system of the modern Russian language and can be used in teaching linguistic disciplines at universities.

Keywords: statement, connotation, expression, language anomaly, language norm

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

А. Пушкин

Введение

Отклонения от нормы построения и функционирования синтаксических единиц в русском языке интересны тем, что именно они нередко порождают новые формы и значения отдельных элементов, обеспечивающие развитие системы синтаксиса в целом. Отступая от какой-либо общей закономерности структурно-семантической организации предложения, автор находит неожиданные решения проблемы воздействия на адресата с помощью оригинальных коннотаций. Этим обусловлена прямая связь синтаксических аномалий с категорией синтаксического коннотатива. Соотношение языковых аномалий с коннотациями не имеет специального описания, несмотря на активное существование всякого рода нетрадиционных форм в русском языке, что подтверждает актуальность и новизну избранной проблемы.

Цель статьи – анализ синтаксических аномалий в аспекте теории синтаксического коннотатива. Конкретные задачи: а) определение понятия «синтаксическая аномалия»; б) установление основных типов данного явления; в) выявление коннотативных смыслов предложений с признаками отклонений от норм их структурно-семантического плана.

При проведении исследования применены методы анализа, синтеза, интерпретации языковых фактов, структурно-семантического и логико-семантического подхода.

К постановке проблемы

Нарушения привычного порядка слов, отсутствие морфологизованного характера членов предложения, неправильное соотношение частей сложной конструкции – все эти явления в творческой лаборатории мастеров русского слова вызваны стремлением найти свой, индивидуальный способ выражения определённой коннотации: *Отговорила роща золотая* (С. Есенин)¹ – инверсия главных членов, а также инверсия определения с определяемым словом не только выполняют ритмическую функцию, но и служат для расстановки акцентов, создающих коннотацию драматичности события. *Я думал уж о форме плана и как героя назову* (А. Пушкин)² – неморфологизованное выражение дополнения в форме придаточной предикативной единицы служит для актуализации обстоятельства образа действия «как», подчёркивающим значимость поставленной перед автором задачи выбора имени для своего героя. *Мания величия – это когда мышшь вообразила себя кошкой и сама себя съела* (М. Светлов)³ – данное простое предложение имеет сказуемое, выраженное нетрадиционным способом – с включением придаточной

¹ Есенин С. А. Я, Есенин Сергей: Поэзия и проза. М.: Эксмо, 2004. С. 191.

² Пушкин А. С. Лирика. Евгений Онегин. Медный всадник. Пиковая дама. Повести Белкина. Маленькие трагедии. Сказки. М.: Эксмо, 2005. С. 128.

³ Светлов М. Стихотворения и поэмы. М.: Советский писатель, 1966. С. 100.

предикативной единицы: так достигается передача оттенка семантики условия (коннотации обстоятельства условия), что позволяет определить предмет мысли *мания величия* образным путём – через развёрнутую метафору. Всё это делает высказывания яркими, афористичными, лёгкими и привлекательными для восприятия, запечатлевающимися в памяти адресата.

На синтаксическом уровне обращают на себя внимание комплетивные субстантивные словосочетания в роли несогласованных определений типа *девушка с большими глазами, юноша с длинными волосами*. Здесь для характеристики *девочки* или *юноши*, как замечает В. Н. Артамонов, «просто наличия у них глаз и волос недостаточно, не имеет смысла (это норма, комплект), а вот отклонение от нормы, сверхкомплект “имеет смысл”» [2, с. 23]. И этот смысл заключается в интенсификации оценочной семантики обозначенных признаков.

Структурные аномалии подобного рода, отражающие речевую изобретательность и стилистическую специфику языка представителей русской классической литературы, являются тем новым, которое обогащает наш язык выразительными средствами. Высказывание, окрашенное художественными приёмами с элементами парадокса, как правило, намного выше по степени воздействия на читателя, чем традиционные, привычные формы. Причина такой перлокутивной силы – эмоционально-экспрессивный заряд, заложенный самой природой авторских изобретений. Иррациональное, оригинальное, неожиданное, парадоксальное, нетрадиционное в определённых речевых ситуациях становится намного сильнее (по степени воздействия со стороны автора и восприятия со стороны адресата) обыкновенного, типичного, стереотипного, «стерильного», построенного строго по законам русского синтаксиса.

Определение и виды синтаксических аномалий

Синтаксические аномалии – это случаи отклонений от общих закономерностей структурно-семантической организации и функционирования словосочетаний и предложений. Причины аномалий: 1) намеренное отступление от существующих правил с целью выражения определённых коннотаций; 2) нарушения норм под влиянием типичных для данного коллектива синтаксических погрешностей типа *приехать с Москвы* (как региональная традиция) вместо *приехать из Москвы*, *оплатить за проезд* вместо *оплатить проезд*, *согласно приказа* вместо *согласно приказу*; 3) незнание норм, приводящее к ошибкам (например, *Возвращаясь домой, мне вспомнилась эта встреча*). Добавим в качестве оговорки, что синтаксические ошибки, совершаемые по причине незнания правил построения словосочетаний и предложений или под влиянием некомпетентного окружения, составляют проблему методического плана и должны исправляться в результате приобретения умений и навыков грамотной речи. Предмет наших наблюдений – отступления от синтаксических норм как средство выражения коннотаций. Уместно вспомнить знаменитые суждения Л. В. Щербы, оправдывающие творцов аномальных явлений: «Авторов, вовсе не отступающих от нормы, не существует – они были бы невыносимо скучны. Только когда чувство нормы воспитано у человека, тогда он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от неё у разных хороших писателей» [11, с. 10]; «Чем выше в обществе произносительная культура, ... тем большую выразительность приобретают отступления от стандарта» [11, с. 21]. Следовательно, осознанные нарушения правил производятся и оцениваются по достоинству представителями высокого уровня культуры, знатоками и мастерами русского слова.

Уместно сделать поправку: чёткую границу между намеренным и случайным отклонением от нормы провести трудно,

она как бы размывается в интенциях говорящего, и невозможно установить, сознательно ли автор нарушил структуру предложения, или произошёл случайный выбор данной формы. Допускаем также вероятность того, что и синтаксическая ошибка может стать элементом языковой игры и функционировать в качестве индикатора определённой коннотации: *Уйти нельзя остаться* (название фильма)¹ – отсутствие определённого членения данного высказывания (нет ни паузы, ни запятой) создаёт двусмысленность, добавляющую коннотацию акцента на проблемном, неразрешимом характере обозначенной ситуации (*уйти нельзя и нельзя остаться*). В данном случае используется модель известного афоризма-шутки *Казнить нельзя помиловать*. Перевод латинского выражения *Пришёл, увидел, победил*² содержит элементы усечённой структуры: неполная реализация грамматической основы не предполагает восполнения конкретным субъектом действия, а глаголы обязательного управления *увидел* и *победил* согласно синтаксическим правилам должны быть с дополнениями, однако при них не имеется формально выраженных объектов действия. Изначально заданная ситуативная неполнота данного высказывания послужила импульсом для придания ему той афористичности, которая проявилась в актуализации действий, а также коннотации обобщённости их объектов и объективации субъекта действия. Именно структурная аномалия привела к абстрагированному содержанию, что обусловило функционирование этого высказывания в статусе афоризма.

Признаки сознательного нарушения норм имеются в тех случаях, при которых возникает обоснованная контекстом коннотация или выполняется ритмомелодическая функция: *В поле чистом / Луны при свете серебристом / В свои мечты*

погружена, / Татьяна долго шла одна (А. Пушкин)³ – инверсия играет акцентологическую роль и организует рифму. Наиболее ярко показатели аномалий проявляются в языковой игре.

Механизм **языковой игры** включает известные приёмы намеренного расширения, усечения структуры предложения, перестановки компонентов внутри текста, изменения его синтаксического членения, контаминации претекстов [4, с. 174]. Все эти виды синтактико-семантических трансформаций основаны на тех или иных аномалиях формальной организации конструкций и служат организации коннотативного пласта высказывания, который выступает как результат игры смыслов в языке. Такое понимание языковой игры в аспекте «грамматичности» подтверждается системными исследованиями Т. А. Гридиной (2019) [3], Б. Ю. Нормана (2021) [7], М. Ф. Шацкой (2018) [10] и др. Однако важно обратить внимание на то, что языковая аномалия и языковая игра различны по своим функциям, особенно ярко это проявляется именно на синтаксическом уровне языка, где коннотативный план, организуемый элементами структуры высказывания, оказывается важнее «карнавальности» направленности [5, с. 126]. Примеры заголовков газетных статей: *Снимаю, порчу*⁴ (вместо *Снимаю порчу*) – неожиданный вариант членения такой рекламной фразы связан с коннотацией иронии и недоверия к заявленной услуге. *Жертвы требуют красоты*⁵ (вместо *Красота требует жертв*) – перестановка компонентов высказывания служит средством создания саркастического эффекта с превентивным оттенком и коннотацией осуждения чрезмерного стремления к красоте. *Щи да каша – ещё не вся пища наша* (вместо *Щи да каша – пища наша*)⁶ –

¹ Панорама города: еженедельная газета (г. Рязань). № 7 (1243). 2020. 10 авг. С. 30.

² Вечные истины на вечной латыни. Der verbo in verbum: Латинские изречения. М.: Центрполиграф, 2005. С. 352.

³ Пушкин А. С. Лирика. Евгений Онегин. Медный всадник. Пиковая дама. Повести Белкина. Маленькие трагедии. Сказки. М.: Эксмо, 2005. С. 207.

⁴ Панорама города: еженедельная газета (г. Рязань). № 8 (1231). 2020. 01 фев. С. 20.

⁵ Соболева Л. П. Жертвы требуют красоты. М.: Эксмо, 2007. 352 с.

⁶ Панорама города: еженедельная газета (г. Рязань).

расширение состава пословицы позволяет добавить элемент интриги: возбудить интерес адресата к проблеме, на которую намекает автор, при этом возникает коннотация лёгкой иронии. Заметим, что нетрадиционное построение предложения, как правило, приводит к противоречиям в семантической организации и отражается на его функционировании. В этом проявляется диалектическая взаимосвязь всех аспектов единиц синтаксического уровня языка.

Синтаксические аномалии имеют прямое отношение к стилистическим функциям языковых единиц. Использование в книжной речи разговорных синтаксических конструкций с нарушением норм их структурной организации создаёт выразительность речи и составляет область экспрессивного синтаксиса: *Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нём отозвалось!* (А. Пушкин)¹ – сегментированная конструкция актуализирует номинацию *Москва* с помощью именительного представления и последующей её замены на словосочетание с местоимением *в этом звуке*. «Подчёркивая тему, сегментация увеличивает в целом информативность высказывания, усиливает его действенность» [8, с. 110]. *И тоже пошёл. В магазин. Сигарет купить* (В. Шукшин)² – парцелляция передаёт дискретность мышления литературного персонажа, создаёт коннотацию динамичности события, актуализации обстоятельств места *в магазин* и цели *сигарет купить*: возникает гибкий характер компонентов предложения. «Так называемый рубленый синтаксис увеличивает насыщенность высказывания значимой информацией» [8, с. 114]: *Потому что распад Советского Союза разделил близких людей по разным государствам* (из высту-

пления Д. А. Медведева)³ – акцентируется значимость причины.

Отдельные наблюдения синтаксических аномалий на примере английской речи представлены, например, в работах Л. А. Козловой [5], О. В. Мурдускиной [6]. Авторы в своих статьях отмечают, что «смысловая самоорганизация выражения, в структуре которого содержится аномалия, – это формирование нового приращённого смысла, не являющегося выражением системного значения предложения, вследствие контекстуально обусловленной модификации значений языковых единиц, входящих в его состав» [6, с. 25]; «основной функцией языковых аномалий является ... приращение смысла» [5, с. 126]. Во-первых, эти рассуждения утверждают функциональную сторону синтаксической аномалии как коннотативную. Во-вторых, на примере русской речи мы видим, что парцелляция и сегментация приобретают типизированный характер, приближающий эти синтаксические построения к системным явлениям русского языка. Таким образом, наблюдается существование особого рода «правил нарушений правил».

Типизация аномальных структур позволяет выделять в русском языке отдельную сферу единиц экспрессивного синтаксиса. К этой сфере относятся разговорные синтаксические конструкции, которые образованы с нарушением грамматических норм и используются в книжных стилях для создания выразительности. Такие элементы находят своё отражение в явлениях **сегментирования, парцелляции, эллипсиса**. Например, знаменитая строка *Татьяна в лес; медведь за нею...* (А. Пушкин)⁴ служит яркой иллюстрацией того, как эллипсис сказуемого создаёт напряжённость ситуации, динамику действия, стремительность

№ 1 (1335). 2021. 06 июля. С. 67.

¹ Пушкин А. С. Лирика. Евгений Онегин. Медный всадник. Пиковая дама. Повести Белкина. Маленькие трагедии. Сказки. М.: Эксмо, 2005. С. 213.

² Шукшин В. М. Генерал Малафеекин. М.: АСТ. С. 241.

³ Будберг А. Вице-премьер национального назначения. Дмитрий Медведев: «Перепоручить свою работу просто невозможно» // Московский комсомолец: [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/politics/article/2006/09/14/177794-vitsepremer-natsionalnogo-naznacheniya.html> (дата обращения: 20.02.2022).

⁴ Пушкин А. С. Лирика. Евгений Онегин. Медный всадник. Пиковая дама. Повести Белкина. Маленькие трагедии. Сказки. М.: Эксмо, 2005. С. 180.

событий. Полагаем, что история эллиптических предложений свидетельствует о возможностях перехода изначально аномальных явлений в сферу грамматической системы русского языка. В. Н. Артамонов справедливо замечает, что «Исследователи чаще обращаются к некомплектным или сверхкомплектным языковым единицам, чем к комплектным. Отсюда интерес ... к неполным и одноставным предложениям» [2, с. 24]. Причину такого интереса учёный видит в том, что большинство синтаксических средств художественной выразительности аномальны. «Именно поэтому (т. е. благодаря своей эмоциональности, экспрессивности) носители языка привлекают аномалии вообще и языковые аномалии в частности. Именно в них мы видим огромные возможности для самовыражения» [2, с. 24]. Эти рассуждения подчёркивают актуальность изучения синтаксических аномалий и позволяют выдвинуть гипотезу о развитии закономерных переходов аномалий в ряд системных фактов языка.

Процесс типизации аномалий нашёл своё отражение в таком явлении, как **силлепс**, при котором происходит намеренное нарушение закона логического тождества. Например, организуется необычный однородный ряд, в котором лексическая семантика слов не подходит друг к другу, – *Сияли женские лица и апельсины* (Ф. Искандер)¹ – так создаётся сатирический эффект, акцентируется восприятие цвета женских лиц. Или создаётся синтаксическая неоднородность: *Мы любим славу да в бокале топить разгульные умы* (А. Пушкин)² – здесь одно дополнение выражено существительным, а второе – инфинитивом, что позволяет актуализировать объектную семантику. Возможна неоднородность при трансформации фразеологизма: *У кумушки глаза и зубы разгорелись* (И. Крылов)³ –

при этом актуализируется субъектная семантика для юмористической окраски. Классическим примером силлепса служит анонимное творчество с комическим эффектом, выраженное в примере, приводимом в учебных пособиях по стилистике: *Шли дождь и два студента: один – в университет, другой – в пальто* (студенческий фольклор)⁴.

Одним из ярких средств выразительности на синтаксическом уровне, которое по праву относится к аномальным, является **транспозиция** форм глагола. Например, транспонированный императив выражает интенсивное, энергичное, неожиданное начало действия: *Да как стали жечь / Как давай палить. / У Деникина аж живот болит* (С. Есенин)⁵; *Давай он эту старушку благодарить* (В. Астафьев)⁶; *В эту-то Дуняшу и влюбись* Аким! (И. Тургенев)⁷. С такой же коннотацией может употребляться инфинитив: *И царица хохотать! / И плечами пожимать!* (А. Пушкин)⁸; *И новые друзья ну обниматься, ну целоваться* (И. Крылов)⁹. Для проявления коннотаций при транспозиции форм глагола необходимы определённые условия контекста и ситуации, которые заслуживают отдельного специального изучения.

Семантические противоречия и модификации на синтаксическом уровне проявляют потенциальные возможности языковых элементов, которые отнюдь не являются деструктивными для всей системы грамматических закономерностей. Не случайно Ю. Д. Апресян называет такие явления синтаксическими аномалиями и характеризует их как точки роста новых явлений [1, с. 64]. Дальнейшие исследования таких аномалий доказывают право-

⁴ Вступление // Северный вестник. 1895. Вып. 8. С. 13 (с отсылкой на «Казанский телеграф»).

⁵ Есенин С. А. Собрание сочинений. Калининград: Янтарный сказ, 2002. С. 147.

⁶ Астафьев В. П. Где-то гремит война. М.: АСТ, 2019. С. 14.

⁷ Тургенев И. Постоялый двор // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. М.: Наука, 1978. С. 280.

⁸ Пушкин А. С. Лирика. Евгений Онегин. Медный всадник. Пиковая дама. Повести Белкина. Маленькие трагедии. Сказки. М.: Эксмо, 2005. С. 445.

⁹ Крылов И. А. Басни. Минск: Государственное издательство БССР, 1953. С. 22.

¹ Искандер Ф. Дерево детства. М.: Советский писатель, 1974. С. 5.

² Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 597.

³ Крылов И. А. Басни. Минск: Государственное издательство БССР, 1953. С. 99.

мерность данного взгляда: «Казалось бы, нарушение требований языковой нормы должно привести к хаотизации системы смыслов и в конечном итоге – к коммуникативному сбою. Но преднамеренные аномалии, как указывает практика, ведут не к деструкции системы, а к возникновению в выражении дополнительного смысла либо полному контекстуальному переосмыслению каких-то его компонентов» [6, с. 26]. Мы видим, что языковые аномалии привлекают внимание лингвистов не случайно: исследование этих явлений имеет теоретическую и практическую значимость. Т. Б. Радбиль, посвятив специальный труд данным явлениям в художественном тексте, утверждает, что «языковая аномалия – это ещё не понятая норма» [9, с. 3]. Монография данного учёного обращается к проблеме квалификации, статуса и типологии аномалий, классифицирует сущность того процесса, который сейчас именуют многофункциональным саморегулированием речи. Приёмы, которые позволяют рассматривать аномалии как закономерные явления в языке и речи, прямым образом связаны с герменевтикой, с наблюдением и толкованием функционирования разного рода синтаксических отклонений в текстах.

Заключение

Содержание текста, имеющее неординарные синтаксические выразители для добавления существенных оттенков смысла, обогащается теми индикаторами коннотаций, которые относятся к синтаксическим аномалиям. Эти явления воспринимается с лингвистических позиций как преднамеренное авторское отклонение от синтаксических норм: нарушаются или законы построения определённой синтаксической модели предложения, или традиции морфологического выражения отдельных компонентов текста.

Итак, область синтаксических аномалий как средства коннотатива имеет системность, которую квалифицируем парадоксальной фразой – «правила нарушений правил». Изучение порядка этих нарушений, их структурно-семантических, функциональных возможностей и границ позволяет осмыслить новые закономерности развития и самоорганизации синтаксической системы современного русского языка.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Г. В. Степанова (1939–1986)* / под ред. Д. С. Лихачёва. М.: Наука, 1990. С. 50–71.
2. Артамонов В. Н. Нормальное и аномальное в языке // *Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, Москва, 24–25 ноября 2017 г.* / отв. ред. Н. Б. Самсонов. М.: Московский государственный областной университет, 2017. С. 22–24.
3. Гридина Т. А., Талашманов С. С. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект // *Политическая лингвистика*. 2019. № 3 (75). С. 31–37.
4. Золотухина Е. Н. Языковые уровни выражения интертекстуальности // *Вестник Калужского государственного педагогического университета имени К. Э. Циолковского*. 2008. № 4. С. 174–177.
5. Козлова Л. А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их функции в тексте // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2012. № 2 (18). С. 121–128.
6. Мудрускина О. В. Синтаксические аномалии как средство смысловой самоорганизации языка // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки*. 2011. № 5. Т. 59. С. 25–28.
7. Норман Б. Ю. Синтаксис как объект пародии // *Филологический класс*. 2021. № 2. Т. 26. С. 40–51.

8. Паршина О. Н. Расчленение высказывания как приём экспрессивного синтаксиса в политической речи // Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (42). С. 110–115.
9. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М: Флинта, 2012. 520 с.
10. Шацкая М. Ф. Семантико-синтаксические парадоксы и аномалии в языке произведений С. Довлатова и М. Веллера // Язык как отражение духовной культуры народа: материалы международной научной конференции, 18–20 октября 2018 г., г. Архангельск. Архангельск: Консультационное информационно-рекламное агентство, 2018. С. 262–266.
11. Щерба Л. В. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе. 1939. № 1. С. 10–21.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. [Language Anomalies: Types and Functions]. In: Likhachev D. S., ed. *Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya. Pamyati akademika G. V. Stepanova (1939–1986)*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 50–71.
2. Artamonov V. N. [Normal and Abnormal in Language]. In: Samsonov N. B., ed. *Ratsionalnoe i emotsionalnoe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 24–25 noyabrya 2017 g.* [Rational and Emotional in Russian: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 24–25, 2017]. Moscow, Moscow Region State University Ed. off. Publ., 2017, pp. 22–24.
3. Gridina T. A., Talashmanov S. S. [Language Game in Modern Internet Communication: Metalinguistic Aspect]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2019, no. 3 (75), pp. 31–37.
4. Zolotukhina E. N. [Language Levels of Expression of Intertextuality]. In: *Vestnik Kaluzhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni K. E. Tsiolkovskogo* [Bulletin of the Kaluga State Pedagogical University named after K. E. Tsiolkovsky], 2008, no. 4, pp. 174–177.
5. Kozlova L. A. [Language Anomalies as a Means of Realizing the Creative Potential of the Language and Their Functions in the Text]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 2012, no. 2 (18), pp. 121–128.
6. Mudruskina O. V. [Language Anomalies as a Means of Realizing the Creative Potential of the Language and Their Functions in the Text]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 2011, no. 5, vol. 59, pp. 25–28.
7. Norman B. Yu. [Syntax as an Object of Parody]. In: *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2021, no. 2, vol. 26, pp. 40–51.
8. Parshina O. N. [Dismemberment of the Utterance as a Technique of Expressive Syntax in Political Speech]. In: *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Studies], 2012, no. 2 (42), pp. 110–115.
9. Radbil T. B. *Yazykovye anomalii v khudozhestvennom tekste: Andrei Platonov i drugie* [Language Anomalies in a Literary Text: Andrey Platonov and Others]. Moscow, Flinta Publ., 2012. 520 p.
10. Shatskaya M. F. [Semantic-syntactic Paradoxes and Anomalies in the Language of the Works of S. Dovlatov and M. Veller]. In: *Yazyk kak otrazhenie dukhovnoi kultury naroda: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 18–20 oktyabrya 2018 g., g. Arkhangelsk* [Language as a Reflection of the Spiritual Culture of the People: Materials of the International Scientific Conference, October 18–20, 2018, Arkhangelsk]. Arkhangelsk, Consulting Information and Advertising Agency Publ., 2018, pp. 262–266.
11. Shcherba L. V. [Controversial Issues of Russian Grammar]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School], 1939, no. 1, pp. 10–21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергиевская Любовь Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени А. С. Есенина;

e-mail: i.sergievskaia@365.rsu.edu.ru

Мелехова Любовь Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени А. С. Есенина;

e-mail: l.melehova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Liubov A. Sergievskaya – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of the Russian Language and Methods of Its Teaching, Ryazan State University named after S. Yesenin;
e-mail: i.sergievskaya@365.rsu.edu.ru

Liubov A. Melekhova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of the Russian Language and Methods of Its Teaching, Ryazan State University named after S. Yesenin;
e-mail: l.melekhova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сергиевская Л. А., Мелехова Л. А. Синтаксические аномалии как средство коннотатива // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 50–58.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-50-58

FOR CITATION

Sergievskaya L. A., Melekhova L. A. Syntactic Anomalies as a Connotative Means. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 50–58.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-50-58

УДК 81'23

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-59-67

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ В СТИХОТВОРЕНИЯХ АРКАДИЯ ДРАГОМОЩЕНКО: КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Устинова Т. В.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Смоделировать когнитивные механизмы смыслового восприятия окказиональных словесных сочетаний в поэтической речи. Выдвигается гипотеза, что при осмыслении такого словосочетания реципиент конструирует его концептуальное содержание, преодолевая проблемную ситуацию смысловой неопределённости через ассоциативное трансформирование сети вербальных ассоциаций в рамках диапазона смысловых возможностей, лексически заданных поэтом.

Процедура и методы. В качестве материала исследования выступают окказиональные словосочетания, использованные поэтом Аркадием Драгомощенко для описания явлений природы в стихотворениях сборника «На берегах исключённой реки». В качестве основного метода исследования применяется когнитивное моделирование, которое дополняется такими исследовательскими процедурами, как контекстуальный анализ и структурно-смысловой анализ материала. Окказиональные словосочетания, содержащие фигуру речи, анализируются как особые речевые единицы, отличающиеся новизной и композиционной сверхсуммативностью не только лексического значения, но и идейно-эстетического смысла.

Результаты. В ходе работы было показано, что используемые в поэтической речи окказиональные словосочетания отличаются уникальной внутренней синтагматикой. В данной работе конструирование значения таких единиц описано как случай концептуальной интеграции, требующей предварительной селекции элементов из разных концептуальных областей и развития концептуального новообразования (бленда). Принцип синестезии в восприятии окружающей действительности рассмотрен как концептуальный метатроп поэзии А. Драгомощенко. Проиллюстрированы случаи, когда окказиональная лексико-семантическая сочетаемость обеспечивает активацию отдалённых вербальных ассоциаций, что потенциально ведёт к вскрытию необычных связей между стимулом (воспринимаемым явлением природы) и ощущением.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию когнитивной семантики, расширяя представления о механизмах взаимодействия языковой и концептуальной систем реципиента, осмысляющего речевое сообщение в ситуации актуализированной поэтической неоднозначности.

Ключевые слова: когнитивная семантика, концептуальная интеграция, окказиональное словосочетание, поэтическая речь, языковое словообразование

LEXICAL COMPOSITIONALITY IN ARKADII DRAGOMOSHCHENKO'S POEMS: THE COGNITIVE SEMANTIC ANALYSIS

T. Ustinova*Lomonosov Moscow State University**Leninskie gori 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of the research is to model the cognitive mechanisms of constructing the meaning of occasional word combinations in poetic speech. A hypothesis is put forward that when comprehending such a phrase, the recipient constructs its conceptual content, overcoming the problematic situation of semantic underspecification through the transformation of the network of verbal associations within the range of semantic possibilities lexically specified by the poet.

Methodology. The material of the study is the set of lexical combinations used by the poet Arkadii Dragomoshchenko to describe natural phenomena in the book "On the Banks of the Excluded River". Cognitive modelling is used as the main research method, which is supplemented by such research tools as contextual analysis and structural-semantic analysis of the material. Word combinations containing a figure of speech are analyzed as specific speech units, distinguished by novelty of emergent meaning both in terms of the lexical and aesthetic content.

Results. It is shown that non-conventional phrases used in poetic speech are characterized by a unique internal syntagmatic content. In this paper, the construction of the meaning of such units is described as a case of conceptual integration, which requires a preliminary selection of elements from different conceptual areas and the development of a new conceptual formation (blend). The principle of synesthesia in the perception of surrounding reality is considered as a conceptual meta-trope of A. Dragomoshchenko's poetry. The research focus is put on the cases when occasional lexico-semantic compositionality activates distant verbal associations, which potentially leads to the discovery of unusual connections between a stimulus (perceived natural phenomenon) and a sensation.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of cognitive semantics, describing the relations between the linguistic and conceptual systems of the recipient, who constructs the meaning in a situation of actualized poetic ambiguity.

Keywords: cognitive semantics, conceptual integration, occasional phrases, poetic speech, linguistic meaning formation

Введение

Поэзия Аркадия Драгомощенко (1946–2012) – достояние русской литературы эпохи перелома XX–XXI вв. Его стихи – их филологичность, сложность, пластичность, смысловая расширительность – привлекают большое внимание исследователей [2]. Лин Хеджиян пишет, что «он был поэтом в традиции Лукреция, провожающим атомы ощущений в складчатое воздушное пространство мысли» [5]. Александр Скидан заостряет внимание на одержимости А. Драгомощенко «темпоральностью акта письма, трансформирующего пишущего», на полисемантической паратактике как структурообразующего принципа его поэтики, на инновационности формы «стихотворения-с-комментарием», созданной поэтом [5]. По мнению Александра Скидана, поэзия Аркадия Драгомощенко есть метаморфоза, становление, «наслоение разных регистров восприятия, разных лексических рядов, разных модальностей

высказывания, разных срезов реальности, даваемых внахлест, симультанно – челночное скольжение между чувственным и абстрактным, знанием и умозрением» [3].

Для исследователей лингвистически заданного смыслообразования стихи А. Драгомощенко представляют собой ценнейший материал. Сложная искусность лексической сочетаемости в стихах поэта иллюстрирует всевозможные варианты семантических слаженностей и конфликтов, рождающих новые смыслы. Конечно, препарирование поэтической гармонии с позиций научной рациональности лишь в малой степени отразит всю глубину и тонкость художественного смыслообразования. Тем не менее, научный анализ поэтической эвристики необходим для того, чтобы приблизиться к пониманию речевых языковых оснований и системных механизмов этой глубины и тонкости.

Данная работа представляет собой попытку описания семантики индивидуально-авторских лексических сочетаний в

поэтической речи с опорой на методологический аппарат когнитивной лингвистики. В качестве материала исследования выступают стихотворения А. Драгомощенко из сборника «На берегах исключённой реки»¹. Окказиональные словосочетания анализируются нами с точки зрения их конструирующей роли в концептуализации. Основным методом исследования является когнитивное моделирование значений словосочетаний, используемых поэтом для создания образа пейзажа, в частности, наблюдаемого из окна, – одной из доминант идиостиля А. Драгомощенко. К концептуальным метатропам поэзии писателя мы относим принцип синестезии в восприятии окружающей действительности, т. е. установок на вскрытие необычных проекционных и ассоциативных связей между стимулом (воспринимаемым природным объектом или явлением) и ощущением (образами цвета и звука, тактильными ощущениями, локализацией в пространстве и т. д.). Данный принцип реализуется в том числе и за счёт отбора лексических средств для описания явлений природы. Не претендуя на всеобъемлющий лингво-поэтический анализ стихотворений, мы обратим внимание на окказиональную комбинацию лингвистически заданных смыслов и влияние лексического выбора поэта на трансформацию представлений читателя об окружающей природе.

**Индивидуально-авторские
словосочетания с точки зрения
комбинаторной семантики и
когнитивной лингвистики**

Как известно, «межсловные синтагматические связи – средоточие весьма противоречивых лингвистических представлений, что объясняется отсутствием чёткого определения межсловной подчинённости, адекватного понимания того, как взаимодействуют в синтагматике форма и значение, недостаточной разработанностью ме-

тода анализа межсловных связей» [1, с. 57]. Огромный вклад в становление и развитие мировой комбинаторной семантики как отрасли языкознания, предмет которой составляют правила комбинирования и взаимодействия лексических значений слов в словосочетаниях, внёс М. В. Никитин². Содержательно-языковые закономерности смыслового переподчинения часто иллюстрировались М. В. Никитиным на материале словосочетаний, взятых из поэтических текстов. Как отмечает исследователь, «свобода экстенсionalmente-импликационных и коллокационных норм сочетаемости, позволяемая естественным языком, максимально используется поэзией»³. Словесные сочетания, созданные поэтом с нарушением коллокационных норм, определяются М. В. Никитиным как «негемпликационные сочетания», т. е. словосочетания, в которых «экспликант как будто принадлежит к области предикатов, логически “противопоказанных” экспликандуму»⁴. По мнению исследователя, в негемпликационных сочетаниях имеет место контракция выражения смысла: «Контракция – частный случай компрессии выражения. Доля смысла, приходящаяся на единицу выражения, увеличена против нормы, сочетания гиперсемантизированы»⁵. М. В. Никитин подчёркивал, что всякое осмысленное негемпликационное сочетание содержит фигуру речи и является ненормативным обозначением соответствующего концепта⁶.

В когнитивной лингвистике изучение окказиональной словесной сочетаемости ведётся с точки зрения взаимодействия структур знания и протекания процессов комбинирования репрезентаций на концептуальном уровне. Описание сущности этих процессов всё ещё остаётся актуальной задачей науки. Одним из вариантов такого описания является теория концептуальной интеграции [6; 9; 10], которая

¹ Драгомощенко А. На берегах исключённой реки. М.: Общественное гуманитарное издательство, 2005. 80 с.

² Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1983. 127 с.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Там же. С. 83.

⁶ Там же. С. 81.

представляет динамическую концептуализацию как слияние элементов ментальных пространств – гибких когнитивных образований, перестраивающихся в режиме онлайн в зависимости от дискурсивных условий [10]. В когнитивной семантике проблему композициональности принято рассматривать, опираясь на понятие связующего концептуального образования («посредствующего концепта», бленда или прототипического посредника), необходимого для вывода общего значения словесного сочетания [7]. Концептуальное новообразование, полученное в процессе концептуальной интеграции, обладает свойством эмерджентности [6], т.е. сверхсуммативности смыслов (когда концептуальное содержание выражения как смыслового целого отличается от суммы значений отдельных элементов, образующих это содержание). В когнитивной лингвистике также доказано наличие «семантического сверхрасширения» [8] в процессах комбинирования концептов, т.е. учёт концептуализатором признаков не только большей, но и меньшей прототипической выделенности для вывода общего значения составной единицы. Таким образом, в когнитивной лингвистике конструирование значения окказиональных словосочетаний понимается как процесс многочисленных переходов в сети семантических связей концептов, стоящих за сочетаемыми единицами. В основе осмысления такой единицы лежит операция концептуальной интеграции, предполагающая предварительную селекцию определённых элементов из разных концептуальных областей, а также наполнение и развитие бленда – комплексного концептуального образования с обновлённой структурой знания.

Если рассматривать смысловое восприятие поэтической речи как особый случай неконвенционального смыслообразования, необходимо отметить, что поэзия предоставляет концептуализатору огромное поле для выведения когнитивно-сложных значений и конструирования концептуальных новообразований, отличающихся уникальной онтологией.

По большому счёту, подчёркнутая речезыковая нестандартность самовыражения поэта направлена на поиски новых форм выражения сложных смыслов. Мы рассматриваем речетворчество поэта как проявление уникальной познавательной рефлексии личности, производящей новое знание о языке и мире [4]. Новое языковое и онтологическое знание поэта отличается оригинальностью и самобытностью, тем не менее, оно способно восприниматься и разделяться другими языковыми личностями – читателями поэтического текста. Именно в этом проявляется интересующая нас активность поэтической коммуникации. В процессе смыслового восприятия поэтического текста происходит взаимодействие познавательно-интерпретационных перспектив автора текста и читателя. При этом воспринимаемая неконвенциональная форма языкового выражения выполняет организующую функцию в реструктурировании элементов «готового» знания в сознании читателя и появлении нового знания о языке и мире [6].

Когнитивное моделирование значения окказиональных словосочетаний в стихотворениях А. Драгомощенко

Опираясь на положение о том, что речезыковая форма выражения задаёт траекторию ментального репрезентирования, проведём анализ окказиональных словосочетаний, используемых А. Драгомощенко для обозначения объектов природы и природных явлений. Синтагматику значений в анализируемых словосочетаниях мы рассматриваем с точки зрения семантической композициональности всех элементов и с точки зрения контекстуального варьирования прямых обозначений, закреплённых за языковыми единицами. Приведём примеры возможных концептуальных переподчинений и расширений, обеспечивающих смысловой вывод при конструировании значений окказиональных словосочетаний в стихотворениях из сборника «На берегах исключённой реки».

В предисловии к сборнику Анна Глазова пишет следующее: «Когда книга “На берегах исключённой реки” была ещё не дописана (“вроде бы будет какое-то название”), Аркадий Драгомощенко говорил, что это – отчёты о погоде»¹. Лейтмотив книги – устройство окружающего мира по принципу «всё во всём», парадоксальная нерасчлененность и неразличимость материалов, форм, стихий в природе, взаимозаменяемость свойств и явлений². Поэт добивается такого изменения в системе представлений читателя в том числе посредством окказионального сочетания лексических единиц, отобранных для описания явлений природы.

В стихотворении «Вдоль всех этих чёрных деревьев...»³ образ наблюдаемой весенней природы приобретает законченность с помощью трёх словосочетаний, стоящих в сильной заключительной позиции текста: ... и только с юга – архипелаги спящие облаков, небесные острова и ветер из полуденного сечения. В данном случае конструирование значения словосочетаний требует установления концептуальных связей по сходству формы и расположения в пространстве объектов, относящихся к разным средам жизни – водной и воздушной. Концепт [АРХИПЕЛАГ] активизирует доступ к моделям знаний о расположении в море участков суши, при этом контекстуальному выдвижению подвергается атрибуты СКОПЛЕНИЕ и БЛИЗКО ДРУГ К ДРУГУ. Для смыслового вывода требуется достаточно конвенциональное смысловое переподчинение: ‘расположение облаков в воздушном пространстве подобно расположению островов в море’. Однако смысловой вывод осложняется за счёт включения в словосочетание определения *спящие*. Конструирование значения в таком случае требует активации модели СВЕТОВОСПРИЯТИЕ и опоры на представления о ярком, сильном свете, который мешает видеть.

Далее смысловое развёртывание текста требует интеграции концептов [ВЕТЕР], [ПОЛУДЕННЫЙ] и [СЕЧЕНИЕ]. Концепт [СЕЧЕНИЕ] активизирует доступ к когнитивным моделям РАЗРЕЗ и ЕДИНСТВО ФИГУРЫ. Линейное и симулятивное переподчинение в ряду концептуальных признаков позволяет восстановить концептуальную лакуну в окказиональном сочетании *ветер из полуденного сечения*: «сечение – фиксация положения в пространстве и времени». Вероятно, концепт [ФИГУРА] с соответствующими ему импликациями (*принимаемое положение, определённый порядок, совокупность движений* и т. п.) является посредствующим концептом в установлении значения данного словосочетания. Более того, опора на левосторонний контекст (*архипелаги спящие*) и соответствующий переход в сети моделей, связанных с концептом [ПОЛДЕНЬ], приведёт к выдвижению представлений о солнечном свете, моменте верхней кульминации Солнца и наиболее светлой части суток. Таким образом, представления читателя о физических характеристиках ветра модифицируются: бесплотный поток воздуха овеществляется, получая неочевидные характеристики – по форме, внешним очертаниям и излучению, воспринимаемому человеческим глазом. В итоге за счёт введения в контекст стихотворения трёх окказиональных словосочетаний-метафор создаётся образ сложного пространственно-светового единства нескольких объектов природы (облаков, ветра, солнечного света), активизирующий в сознании читателя модели чувственного восприятия и представлений о двух природных средах – воздушной и водной.

Тот же принцип вскрытия отдалённых концептуальных связей между моделями знаний о природных средах и стихиях реализован в стихотворении «Прогноз погоды»⁴. Рассмотрим использованное поэтом выражение *остов ветра стынет, словно воды расколотый гребень*. Концептуальное содержание словосоче-

¹ Драгомощенко А. На берегах исключённой реки. М.: Объединённое гуманитарное издательство, 2005. С. 5.

² Там же.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 28.

тания *остов ветра* конструируется благодаря переподчинению интенциональных и импликационных, вещественных и абстрактных семантических признаков. Инсенционал единицы *остов* ('твёрдая основа материального объекта') предполагает активацию доступа к когнитивной модели МЕХАНИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ. Импликационные признаки концепта [ОСТОВ] активируют вторичную когнитивную модель РУИНЫ с её атрибутами РАЗРУШЕНИЕ, УЦЕЛЕВИШЕ ЧАСТИ, ОСТАНКИ. При согласовании с концептом [ВЕТЕР] происходит экспликация вполне конвенционального содержания – 'то, что осталось от ветра', 'стихающий ветер'. Однако благодаря фоновой активации модели МЕХАНИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ природное явление потока воздуха (*ветер*) нестандартно репрезентируется как твёрдая, несущая конструкция, механическое сооружение. Посредствующим концептом в таком случае, вероятно, является концепт [МЕХАНИЗМ] с его признаками 'совокупность состояний', 'совокупность процессов', 'система элементов'.

В сочетании *расколотый гребень* актуализируется признак 'нарушение единства' благодаря ассоциативным трансформациям в импликативных потенциалах концептов: *раскалывать* – 'заставлять распасться'; *гребень* – 'выступ на поверхности, увеличение в какой-либо части'. Для конструирования значения словосочетания *воды расколотый гребень* реципиент должен установить связь между концептами [ВОДА] и [ГРЕБЕНЬ] посредством ассоциативной связи с концептом [ВОЛНА]. Переподчинение признаков концептов происходит благодаря взаимодействию атрибутов когнитивных моделей ДВИЖЕНИЕ ВОДНОЙ ПОВЕРХНОСТИ и ФОРМА ПОВЕРХНОСТИ, к которым эти концепты обеспечивают доступ.

Таким образом, благодаря подбору лексик для создания образа ветра в данном стихотворении достигается эффект когнитивного остранения: ветер репрезентируется одновременно как эфемерная субстанция и твёрдая конструкция; как

текущий газообразный поток, над которым властен наблюдатель, придающий ветру в момент визуального схватывания сложную пространственную форму объёмной фигуры. Более того, за счёт семантической трансформации достигается эффект эстетического восприятия стихий воды и воздуха в их уравновешенном противодействии и вездесущем взаимопереходе.

В стихотворении «Одно из объяснений»¹ образ осеннего пейзажа создаётся за счёт контраста воспринимаемых объектов – в частности, движущихся птиц и статичных деревьев: *прозрачные стечения птиц на тёмном свету; / отдалённое распределение роц в изгибе зрения*. Концепт [СТЕЧЕНИЕ] обеспечивает доступ к когнитивной модели ДВИЖЕНИЕ. Концепт [ПОТОК] становится «посредником» в установлении значения словосочетания с опорой на такие импликационные признаки, как *движение массы (птиц), большое количество, стремительность, текучесть*. На первый взгляд, концепт [РАСПРЕДЕЛЕНИЕ], напротив, активирует модели знания об упорядоченном расположении объектов (лиственных деревьев) в пространстве. Однако включение существительного *распределение* в окказиональное лексическое окружение (*отдалённое распределение роц в изгибе зрения*) требует от интерпретатора предварительной селекции ряда концептуальных признаков (*плавный переход, искажение видимого* и т. п.) и парадоксального смыслового вывода о том, что объекты восприятия (птицы и роц) скорее не противопоставлены, а создают переход фигуры в фон в поле зрения наблюдателя.

Обобщая анализ приведённых примеров, отметим, что концептуальная интеграция как механизм конструирования значения играет ключевую роль не только на локальном уровне (уровне окказиональных словосочетаний как смысловых единиц), но и на глобальном уровне смысловой целостности всего стихотворения. Отстранённые поэтом свойства природ-

¹ Драгомощенко А. На берегах исключённой реки. М.: Объединённое гуманитарное издательство, 2005. С. 61.

ных объектов и явлений задают точки референции при восприятии стихотворения как единого смыслового целого и определяют общую конфигурацию поэтического образа пейзажа. В сознании читателя возникает сложная ментальная репрезентация нескольких взаимосвязанных явлений: (1) природных форм, элементов и живых организмов (и, соответственно, красок, звуков и фактур природы); (2) пространственной перспективы; (3) движения. Языковая неконвенциональность описания обуславливает нестандартное ментальное репрезентирование различных аспектов этих явлений в их удивительном разнообразии. Так, читатель концептуализирует стихии воды и воздуха через сочетание материально-вещественных признаков, абстрактных признаков и биоморфных признаков живых существ. При этом расширяются представления об аудиовизуальных эффектах восприятия природных явлений: на читателя оказывается синестетический эффект (синестезия типа «цветоформа ↔ движение ↔ звук»). Кроме того, у читателя формируется новое знание о пространственной композиции наблюдаемого (возможно, из окна) вида природы: взаимопереходы объектов и элементов, их движение и замирание создают образ неравновесной, пластичной пространственной перспективы. Движение репрезентируется одновременно как механическое изменение положения объектов в пространстве, как изменение во времени, как переход в новое состояние и превращение. Во-первых, реципиент идентифицирует несколько субъектов движения: (1) движется сам повествователь как наблюдатель, меняющий положение тела в пространстве; (2) движется взгляд наблюдателя, фиксирующий целевые точки восприятия и их отношения с фоновыми объектами; (3) движутся фоновые объекты, улавливаемые взглядом наблюдателя (например, ртуть в столбике термометра); (4) движутся целевые точки восприятия – сами объекты природы (первоэлементы и живые организмы) находятся в постоянном движении. Во-вторых, для смыслового

вывода читателю необходимо принять во внимание различные среды передвижения (земля, вода, воздух), на которых фокусирует внимание поэт, а также способы и манеры движения. Таким образом, за счёт окказиональной лексико-семантической сочетаемости создаётся образ окружающей природной действительности во всей совокупной сложности её стихий, лежащих в основе бытия.

Заключение

Суммируя вышесказанное, отметим, что для индивидуально-авторских словесных сочетаний Аркадия Драгомощенко характерно установление связей между отдалёнными областями знания, что в ряде случаев сопровождается интенсификацией определённого атрибута связываемых областей (оригинальным выдвиганием определённого свойства концептуализируемого феномена). Гиперсемантизация словосочетаний объясняется ассоциативными переходами в сети семантических связей концептов, стоящих за окказионально сочетаемыми единицами. Такие свойства конструируемых значений обеспечивают эффект когнитивного отстранения, позволяя концептуализатору увидеть новое и нетривиальное в привычных явлениях природы.

Отмечаемая экспертами смысловая тотальность поэтического высказывания Аркадия Драгомощенко с лингвокогнитивной точки зрения проявляется в способности поэта переформатировать модели знаний в сознании читателя, обнажая парадоксальные связи символических единиц. Искусно сводя воедино отдалённые смысловые траектории, манипулируя «рифмами между идеями» (выражение Л. Хеджинян [5]), поэт в конечном счёте обрушивает и создаёт заново представления читателей об окружающем мире и о самих себе.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копелиович А. Б. Синтагматика форм. Согласование и параллелизм // Филологические науки. 2000. № 5. С. 57–65.
2. Корчагин К. Международная конференция «Иные логики письма. Памяти АТД» [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. URL: <https://www.nlobooks.ru/magazines> (дата обращения: 20.02.2022).
3. Скидан А. Сыр букв мел [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2013. № 121. URL: <https://www.nlobooks.ru/magazines> (дата обращения: 20.02.2022).
4. Устинова Т. В. Поэтическое речетворчество и проблема производства нового знания о языке и мире // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2019. № 2 (28). С. 132–142.
5. Хеджиян Л. По ту сторону конечности. Памяти Аркадия Драгомощенко [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2013. № 121. URL: <https://www.nlobooks.ru/magazines> (дата обращения: 20.02.2022).
6. Fauconnier G. Ten Lectures on Cognitive Construction of Meaning. Leiden: Brill, 2018. 236 p.
7. Geeraerts D. Cognitive Semantics // The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics / ed. X. Wen, J. R. Taylor. New York; London: Routledge, 2021. P. 19–29.
8. Hampton J. A. Conceptual Combination: Conjunction and Negation of Natural Concepts // Memory and Cognition. 1997. Vol. 25. Iss. 6. P. 80–909.
9. Kövecses Z. Standard and Extended Conceptual Metaphor // The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics / ed. X. Wen, J. R. Taylor. New York; London: Routledge, 2021. P. 191–203.
10. Turner M. Constructions and Creativity [Электронный ресурс] // Cognitive Semiotics. 2020. Vol. 13. № 1. URL: <https://www.degruyter.com/journal/key/cogsem/html> (дата обращения: 20.02.2022).

REFERENCES

1. Kopeliovich A. B. [Syntagmatics of Forms. Coordination and Parallelism]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2000, no. 5, pp. 57–65.
2. Korchagin K. [International Conference “Other Logics of Writing. In memory of Arkady Trofimovich Dragomoshchenko”]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2015, no. 134. Available at: <https://www.nlobooks.ru/magazines> (accessed: 20.02.2022).
3. Skidan A. [Cheese Letters Chalk]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2013, no. 121. Available at: <https://www.nlobooks.ru/magazines> (accessed: 20.02.2022).
4. Ustinova T. V. [Poetic Speech Creation and the Problem of Producing New Knowledge about Language and the World]. In: *Uralskii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity], 2019, no. 2 (28), pp. 132–142.
5. Khedzhinyan L. [On the Other Side of the Limb. In Memory of Arkady Dragomoshchenko]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2013, no. 121. Available at: <https://www.nlobooks.ru/magazines> (accessed: 20.02.2022).
6. Fauconnier G. Ten Lectures on Cognitive Construction of Meaning. Leiden, Brill, 2018. 236 p.
7. Geeraerts D. Cognitive Semantics. In: Wen X., Taylor J. R., eds. *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics*. New York, London, Routledge, 2021, pp. 19–29.
8. Hampton J. A. Conceptual Combination: Conjunction and Negation of Natural Concepts. In: *Memory and Cognition*, 1997, vol. 25, iss. 6, pp. 80–909.
9. Kövecses Z. Standard and Extended Conceptual Metaphor. In: Wen X., Taylor J. R., eds. *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics*. New York, London, Routledge, 2021, pp. 191–203.
10. Turner M. Constructions and Creativity. In: *Cognitive Semiotics*, 2020, vol. 13, no. 1. Available at: <https://www.degruyter.com/journal/key/cogsem/html> (accessed: 20.02.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устинова Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: utanja@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Ustinova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: utanja@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Устинова Т. В. Лексическая сочетаемость в стихотворениях Аркадия Драгомощенко: когнитивно-семантический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 59–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-59-67

FOR CITATION

Ustinova T. V. Lexical Compositionality in Arkadii Dragomoshchenko's Poems: The Cognitive Semantic Analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 59–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-59-67

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-68-76

ОДНОСОСТАВНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ ВАСИЛИЯ ПЕСКОВА «ЗЕМЛЯ ЗА ОКЕАНОМ»

Шаповалова Т. Е.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности функционирования односоставных глагольных предложений в цикле очерков В. Пескова «Земля за океаном».

Процедура и методы. Структурно-семантический анализ односоставных синтаксических конструкций определил взаимовлияние категории синтаксического времени и модальной семантики предложений.

Результаты. Установлено, что односоставным предложениям характерен элемент оценочности, которая выражается и конструктивно-синтаксическим способом, и морфологическими показателями, и на лексическом уровне, что подчёркивает особую значимость этих синтаксических единиц в публицистическом тексте.

Теоретическая и/или практическая значимость. Алгоритм анализа, представленный в работе, может быть востребован для лингвистического описания публицистического текста.

Ключевые слова: Василий Песков, временная определённость / неопределённость, категория синтаксического времени, односоставные глагольные предложения, предикатная, или внутрисинтаксическая, модальность

MONONUCLEAR VERBAL SENTENCES IN A CYCLE OF VASILY PESKOV'S ESSAYS "THE LAND BEHIND THE OCEAN"

T. Shapovalova*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The paper identifies the peculiarities of the functioning of mononuclear verbal sentences in a cycle of V. Peskov's essays "The Land Behind the Ocean".

Methodology. The use of structural-semantic analysis of mononuclear syntactic constructions makes it possible to determine the mutual influence of the category of syntactic time and modal semantics of sentences.

Results. It is found that mononuclear sentences are characterized by an element of evaluativeness expressed in a constructive-syntactic way, by morphological indicators, and at the lexical level, which emphasizes the special importance of these syntactic units in a publicistic text.

Research implications. The algorithm of the analysis presented in the paper can be used for linguistic description of a publicistic text.

Keywords: Vasily Peskov, temporal definiteness / indefiniteness, syntactic time category, mononuclear verbal sentences, predicate or intrasyntactic modality

Введение

Как известно, в синтаксисе простого предложения существует оппозиция: двусоставные предложения противопоставлены односоставным предложениям. С тех пор как академик А. А. Шахматов [8] ввёл в синтаксическую науку термин *односоставные предложения*, доказал, что двусоставные предложения и предложения односоставные являются равноправными структурными типами простого предложения, представил первоначальную разработку этой проблемы, не ослабевает интерес к этим конструкциям. Грамматическая семантика и формальные показатели позволяют чётко соотнести и противопоставить типы односоставных глагольных предложений, образующих стройную систему. И всё-таки появляются спорные толкования речевого материала, описываются переходные явления, которые порождают дискуссии и разночтения в преподавании курса синтаксиса современного русского языка.

На мой взгляд, следует поддерживать и развивать мнение А. А. Шахматова о сущности главного члена односоставного предложения: главный член односоставного предложения не является ни подлежащим, ни сказуемым. Определяемого и определяющего в структуре односоставного глагольного предложения нет. Единственный главный член является опорой предикативности – категорий синтаксической модальности, синтаксического времени, синтаксического лица [7].

В первом издании монографии «Синтаксис простого предложения в современном русском языке» (1974) вслед за А. А. Шахматовым П. А. Лекант¹ использует термины *спрягаемо-личный* (*спрягаемо-глагольный*), *спрягаемо-инфинитивный*, *связочно-именной*, *связочно-модально-инфинитивный* для описания подтипов односоставных глагольных предложений. Их применение позволяет не называть глав-

ный член сказуемым, а сложная структура термина подсказывает напрашивающийся правильный вывод при определении подтипа, или разновидности, односоставного глагольного предложения. В других изданиях монографического труда², подчёркивая синтетический и аналитический способы выражения вещественного и грамматического значений главного члена, учёный подробно останавливается на их описании, но не отказывается и от прежней терминологии³.

Грамматическая форма и семантика определённо-личных предложений

Публицистическая деятельность В. М. Пескова, известного журналиста, телеведущего, путешественника и знатока природы, образно-эстетическая сторона его текстов вызывают интерес исследователей [2, с. 50–59]. Для языка цикла очерков Василия Пескова «Земля за океаном»⁴ типичен только один структурно-семантический подтип определённо-личного предложения – *спрягаемо-личный*: *Помогаем выбраться из «фольксвагена» здоровенному бородавотому парню*⁵; *Помню даже запах её, запах долго лежавшей жёлтой бумаги с пометами синим карандашом...*⁶; *Границу Йеллоустона переезжаем в полночь*⁷; *Вернёмся, однако, к земле*⁸; – Ну

² Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 176 с.; Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. 247 с.

³ Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. С. 148, 150.

⁴ Песков В. М. Земля за океаном // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 271–410.

⁵ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 279.

⁶ Песков В. М. В гостях у Сетона-Томпсона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 311.

⁷ Песков В. М. Зелёный квадрат // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 374.

⁸ Песков В. М. От Вашингтона до Вашингтона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 281.

¹ Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1974. 159 с.

что ж, **давайте присядем...**¹. Элементы грамматической формы главного члена со-
вмещены в одной лексической единице –
спрягаемой, личной форме первого лица
единственного или множественного числа
изъявительного наклонения или в форме
повелительного наклонения, называющих
действие или состояние самого говоряще-
го и его собеседников. Поэтому запомнить
этот термин студентам не трудно: в роли
единственного главного члена употребле-
ляются самостоятельные, независимые,
спрягаемые, личные формы полнозначно-
го глагола.

Смысл компонентов спрягаемо-личных
определённо-личных предложений экс-
плицитируется благодаря тем синтаксиче-
ским средствам, которые в них представ-
лены: главные члены *помогаем, переезжаем*
в рамках объективной реальной модаль-
ности актуализируют различие между вре-
менным планом настоящего и прошедшего
и являются показателями перфективно-
го настоящего синтаксического времени:
глаголы несовершенного вида настоящего
времени выступают в значении глаголов
совершенного вида прошедшего времени,
чему способствует темпоральная синтак-
сема *в полночь*.

Переносная семантика проявляется и
в предложении с синтетической глаголь-
ной индикативной словоформой будущего
времени *вернёмся*, в которой отражается
типовая ситуация побуждения адресата
к действию: это уже ирреальная модаль-
ность и временная неопределённость,
вневременность, – приглашение к со-
вместному действию как волеизъявление
говорящего более отчётливо проступает в
аналитической форме *давайте присядем*.

В. Песков создаёт конструкции с семан-
тической структурой, включающей семы
'говорящий', 'действие', 'императивность',
'адресат'. Использование грамматической
формы определённо-личных предложений
в цикле очерков расширяет их возможно-
сти в передаче конкретного смысла.

¹ Песков В. М. Человек от земли // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 294.

Формирование содержания неопределённо-личных предложений

В структуре неопределённо-личного
предложения деятель представлен неопре-
делённо

– глаголом в форме третьего лица мно-
жественного числа настоящего / будуще-
го времени: *У дороги на память о красо-
те продают россыпи чёрных камней*²; *В
Калифорнии собирают урожаи лимонов и
апельсинов, арбузов, дынь, груш, персиков,
хлопка, подсолнуха, сахарной свёклы*³;

– глаголом в форме множественного
числа прошедшего времени: *Его ударили в
бок*⁴; *А тут, в Оклахоме, прерию размеже-
вали под плуг*⁵.

Эти формы, занимая независимую син-
таксическую позицию, эксплицитируют зна-
чение акцентирования внимания говоря-
щего на логическом предикате и делают
возможным обозначение различных вне-
языковых сущностей в качестве подразу-
меваемого субъекта действия. Фактически
под неопределённым субъектом может
мыслиться:

1) группа неопределённых лиц: *Сеют
поливную пшеницу, подсолнух, люцерну*⁶;
*Собрали нашу машину на конвейере Форда
в Дирбоне*⁷; *Казалось, прямо с машины не-
брежно накидали в траву ульи*⁸;

2) группа определённых, но намеренно
не названных лиц: *Назвали эту наход-
ку вполне подходяще – Великие равнины*⁹;
*Небоскрёбы строят по причине дороговиз-
ны земли в городских центрах или по со-*

² Песков В. М. От Вашингтона до Вашингтона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 287.

³ Песков В. М. Пустыня // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 356.

⁴ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 279.

⁵ Песков В. М. Равнины // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 322.

⁶ Песков В. М. Пустыня // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 356.

⁷ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 273.

⁸ Песков В. М. От Вашингтона до Вашингтона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 282.

⁹ Песков В. М. Равнины // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 320.

ображениям престижа¹; *На сон грядущий развернули брошюры и карты*²;

3) одно неопределённое, неизвестное лицо: *За небольшую плату впереди радиатора нам повесили сетку-экрaн*³.

Неопределённость деятеля и неопределённость лица, конечно, имеет чисто грамматический характер. Как видно из примеров, в *спрягаемо-глагольных* неопределённо-личных предложениях главный член представлен одной лексической единицей, называющей динамический признак.

Лексикализованная единица обнаружена в роли основного компонента *спрягаемо-инфинитивного* неопределённо-личного предложения, где значения главного члена распределены между двумя его компонентами: признак (действие) назван в инфинитиве, а отнесённость к деятелю и к моменту речи выражается вспомогательным компонентом – модальным глаголом с семантикой способности совершить действие: *Тут умеют счёты сводить*⁴. «Актуализация потенциальных языковых значений детерминирована интенцией речевого субъекта и коммуникативными условиями речевого акта» [4, с. 215.] Благодаря использованию локативного компонента (*тут*), предложение актуализируется: из общего плана переводится в план конкретного.

Особенный характер обобщённо-личных предложений

Обобщённо-личное предложение имеет особенный характер, что проявляется в сфере составляющих предикативность значений синтаксической модальности, синтаксического времени и синтаксического лица: глаголом в форме 2 лица единственного числа индикатива, 2 лица

императива, 3 лица множественного числа изъявительного наклонения названо действие, соотнесённое с любым деятелем, отнесённое к любому (обобщённо-му) лицу. В анализируемом цикле очерков журналист использует предложения, передающие низкую степень обобщения. В них эксплицируется действие, для которого фактическим деятелем является говорящий. Основой такого обобщения является неоднократная повторяемость действия в прошлом. В таких предложениях передаётся обычное действие говорящего, но оно может быть отнесено к любому и каждому, кто попадёт в аналогичную обстановку. По словам В. В. Виноградова, наиболее ярко выражающей обобщённость является форма глагола 2 лица. «Теряя прямое отношение к данному конкретному собеседнику, они получают обобщённое значение» [1, с. 459]: *Пешехода на дороге или рядом с дорогой не встретишь*⁵; *Ковбоя чаще увидишь уже не на лошади, а на «джипе», а то и на вертолётe*⁶; *Кажется, едешь между рядами ярко горящих свечей*⁷.

Независимый признак, или действие, утверждается в обобщённо-личных предложениях как не соотнесённый с моментом речи, а имеющий значение временной неопределённости, а точнее, временной обобщённости [6, с. 18–21], выражаемый конструктивно-синтаксическим способом. Внутрисинтаксическая модальность представлена в цикле очерков

– семантикой долженствования: *В маленьких городах, у перекрёстков дорог, у кусочных и мотелей, у магазинов и даже у бензозаконок непременно видишь воловью повозку*⁸;

– семантикой целесообразности: *И вот теперь, определяя порядок отсчёта о путешествии, на первое место ста-*

¹ Песков В. М. От Вашингтона до Вашингтона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 291.

² Песков В. М. Зелёный квадрат // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 374.

³ Песков В. М. От Вашингтона до Вашингтона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 282.

⁴ Песков В. М. Миссисипи // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 346.

⁵ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 276.

⁶ Песков В. М. Ковбой как они есть // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 307.

⁷ Песков В. М. Пустыня // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 350.

⁸ Песков В. М. Равнины // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 327.

вишишь саму дорогу и ощущение, названное Твардовским удивительно ёмко и точно: за далью даль¹; Временами *обходишь* огромные глыбы камня²;

– семантикой возможности: *Редко встретишь* по сторонам отбросы, бумаги, банки, окурки³;

– семантикой невозможности: *Знающих землю от Балтики до Камчатки простором не удивишь*⁴.

Говорящий, обобщая свой опыт, типизирует конкретную ситуацию. Предполагается, что действие может быть совершено только человеком. Именно поэтому роль главного члена обобщённо-личных предложений выполняют акциональные глаголы движения, зрительного восприятия, конкретного физического действия: *Реку сверху, с края каньона, видишь* тоненьким пенистым ручейком⁵; *Часто на дороге видишь* ворота⁶; *С таким же чувством глядишь* на бумагу со следами кропотливой работы⁷; *Уподобляя реку огромному коромыслу, на концах его видишь* Миннеаполис и Новый Орлеан⁸; *Что ещё характерного видишь* в пустыне?⁹ «... личное прячется под выработанные в языке обобщительные формы» [5, с. 342].

Использование В. Песковым обобщённо-личных предложений в цикле очерков сообщает им большую интимизацию, когда автор текста и его читатель отождествлены.

Структура и диктумно-модусное содержание безличных предложений

Использование безличных предложений обусловлено языковой потребностью изобразить действие или состояние в отрыве от деятеля или носителя состояния. «Бесподлежность» таких предложений, как считает А. М. Пешковский, «не случайное явление, а составляет самую их сущность»; по мнению учёного, это «предложения, в которых подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли» [5, с. 316]. Единственный главный член любого структурно-семантического подтипа непременно содержит форму безличности – глагол или связку прошедшего времени единственного числа среднего рода или настоящего / будущего времени единственного числа третьего лица: *Чей-то чёрный дорогой «кадиллак» занесло*¹⁰; *В поисках влаги и корма скотоводам приходится кочевать*¹¹; *Почему-то стало тоскливо*¹²; *Парнем можно было залюбоваться*¹³.

В цикле очерков В. Пескова главный член спрягаемого-глагольного подтипа одной лексической единицей передаёт свои вещественное и грамматические значения и представлен

– безличным глаголом: *«Лесным индейцам» тут, на открытой равнине, надо думать, жилось неуютно*¹⁴; – Змеям тут тоже, поди, неплохо живётся¹⁵;

– личным глаголом в безличном употреблении – в безличной форме: *Пахнет смолой и старым дымком*¹⁶; *Пахнет подогретой смолой*¹⁷; *И пахнуло... донником*¹⁸; *Железные крыши дырявило, как бумагу*¹⁹;

¹ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 273.

² Песков В. М. Большие деревья // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 385.

³ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 278.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Песков В. М. Зелёный квадрат // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 376.

⁶ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 276.

⁷ Песков В. М. В гостях у Сетона-Томпсона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 317.

⁸ Песков В. М. Миссисипи // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 340.

⁹ Песков В. М. Пустыня // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 353.

¹⁰ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 279.

¹¹ Песков В. М. Пустыня // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 356.

¹² Песков В. М. Миссисипи // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 336.

¹³ Песков В. М. Ковбои как они есть // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 308.

¹⁴ Песков В. М. Равнины // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 322.

¹⁵ Песков В. М. Миссисипи // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 346.

¹⁶ Песков В. М. В гостях у Сетона-Томпсона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 317.

¹⁷ Песков В. М. Зелёный квадрат // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 376.

¹⁸ Песков В. М. От Вашингтона до Вашингтона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 282.

¹⁹ Песков В. М. Равнины // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 331.

– отрицательным словом **нет**: *А дороге всё **нет** конца¹; Жилья в небоскрёбах, как правило, **нет**²; Былой романтики, правда, **нет**³*, которое управляет формой родительного падежа имени существительного и создаёт отрицательное безличное экзистенциальное предложение.

Глаголы несовершенного вида, ориентированные на фигуру наблюдателя, воспринимающего события во времени, выполняют свою описательную или повествовательную функцию.

В спрягаемо-инфинитивных безличных предложениях независимый признак или действие назван в инфинитиве, а грамматические значения – в спрягаемо-безличной форме вспомогательного компонента. Наблюдается сочетание безличного глагола с инфинитивом: *Ужасно **хотелось взглянуть** на шпиона в отставке⁴; Приходилось **отстреливаться** из шестизарядных «смит-вессонов» от степных волков, бандитов и непокорных индейцев⁵*. Модальность предиката выражается вспомогательным компонентом и имеет семантику волеизъявления с оттенком желательности либо деонтической объективной необходимости.

В связочно-именных безличных предложениях главный член имеет аналитическое строение: вещественное и грамматические значения главного члена выражены раздельно. Независимый признак (или состояние) назван словом категории состояния (предикативом) или кратким страдательным причастием, а грамматические значения передаёт связочный компонент: *Не видно ни зверя, ни птицы⁶; В мотеле*

на краю крошечного городка было душно⁷; Пустынно и тихо было в этих местах⁸; Об этом будет рассказано⁹.

При сравнении спрягаемо-инфинитивных и связочно-именных безличных предложений обнаруживается оппозиция динамики и статичности. Она, конечно, определяется значением процессности, свойственной всем глагольным формам, и выражением пассивного признака предикативами.

В связочно-модально-инфинитивном подтипе безличного предложения в трёх элементах содержится передаваемый смысл: независимый признак назван в инфинитиве; связочный компонент выполняет роль формы безличности, а связывает эти два элемента, выполняет роль посредника между ними, а также выражает внутрисинтаксическую модальность группа слов категории состояния: *Особенно **любопытно было листать** семейный альбом¹⁰; Корма тут **надо выращивать**¹¹.*

По своему значению предложения такой конструкции неодинаковы. Они выражают – модальное значение необходимости: *За проезд по дороге в Америке **надо платить**¹²; Но ведь **надо же где-то передохнуть**¹³; Время от времени **надо бы выйти, размяться, подышать** воздухом¹⁴; Всё **надо бережно перебрать, прояснить, разложить** на нужные полки¹⁵; Гостей **надо встретить, помочь сориентироваться, пригласить** к домашнему очагу¹⁶;*

¹ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 273.

² Песков В. М. От Вашингтона до Вашингтона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 291.

³ Песков В. М. Миссисипи // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 343.

⁴ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 279–280.

⁵ Песков В. М. Ковбои как они есть // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 305.

⁶ Песков В. М. Пустыня // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 350.

⁷ Песков В. М. Равнины // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 330.

⁸ Песков В. М. У индейцев Южной Дакоты // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 366.

⁹ Песков В. М. От Вашингтона до Вашингтона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 284.

¹⁰ Песков В. М. В гостях у Сетона-Томпсона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 318.

¹¹ Песков В. М. Человек от земли // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 294.

¹² Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 276.

¹³ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 278.

¹⁴ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 278.

¹⁵ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 273.

¹⁶ Песков В. М. Ниагара // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 373.

– модальное значение целесообразности: *Тут же уместно привести конец разговора¹; Как бы точнее представить вам этот город...²; Имя моё вам предпочтительней позабыть³;*

– модальное значение возможности: *По такой дороге можно быстро пролететь по Америке и Америки не увидеть ...⁴; Да и не в каждое место города можно захватить⁵; Можно понять индейцев, суверенно сторонившихся этих мест⁶;*

– модально-эмоциональную характеристику чувств и состояния человека: *Было бы тяжело расставаться?⁷.*

Кроме материально выраженной или нулевой формы связи *быть* с нейтральным модальным значением, используются полузнаменательные связи: *Стада коров стало выгодно держать на приколе в загонах и кормить зерном из кормушек⁸.*

По поводу анализа предложений типа *Плыть вот так день или два было бы очень тоскливо⁹* среди синтаксистов нет единого мнения. Т. С. Мони́на [3, с. 26] описывает их как двусоставные предложения с инфинитивным (собственно инфинитивным) подлежащим, предикативный признак которого назван в составном именном сказуемом. А. В. Петров¹⁰ считает такие предложения безличными из-за внутрисинтаксической модально-эмоциональной характеристики слова категории

состояния *тоскливо*. Препозиция независимого инфинитива позволяет предложению члениться на два состава. Слово *тоскливо* может быть квалифицировано как краткая форма качественного прилагательного, которая передаёт вещественное значение составного именного сказуемого, являясь специализированной предикативной формой основного компонента. Связка же берёт на себя функцию экспликации ирреальной синтаксической модальности в объективном аспекте, нейтрального значения обладания предикативным признаком в рамках внутрисинтаксической модальности и семантики временной неопределённости – вневременности.

Предопределённость действия в инфинитивных предложениях

В анализируемом цикле очерков В. Пескова представлены собственно инфинитивные односоставные глагольные предложения, грамматическим значением которых является модальная оценка действия, названного независимым инфинитивом, эксплицирующим независимое действие, не соотносённое с деятелем и не отнесённое к моменту речи: *Что же ещё сказать о дороге...¹¹*. Вещественное и грамматическое значение главного члена представлены в одной лексической единице: – *Мне через пять минут сменяться¹²; Немедленно расследовать нарушения договоров, заключённых правительством с вождями индейских племён, прекратить дискриминацию индейцев, считаться с их нуждами¹³*. Значение объективной необходимости в аспекте внутрисинтаксической модальности передаётся конструктивно-синтаксическим способом. Действие в инфинитивных предложениях представлено как обязательное, оно предопределено самим ходом событий, и выполнение его категорически предписано.

¹ Песков В. М. От Вашингтона до Вашингтона // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 284.

² Песков В. М. Пустыня // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 357.

³ Песков В. М. Миссисипи // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 346.

⁴ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 279.

⁵ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 280.

⁶ Песков В. М. Зелёный квадрат // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 382.

⁷ Песков В. М. Человек от земли // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 295.

⁸ Песков В. М. Ковбои как они есть // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 307.

⁹ Песков В. М. Миссисипи // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 345.

¹⁰ Петров А. В. Современный русский язык. Безличномодальные предложения: учебное пособие. Архангельск: Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2002. С. 40–42.

¹¹ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 280.

¹² Песков В. М. Человек от земли // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 301.

¹³ Песков В. М. У индейцев Южной Дакоты // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 362.

Безлично-инфинитивные конструкции

В некоторых очерках публицист использовал выделенные в девяностые годы XX в. переходные конструкции – безлично-инфинитивные предложения [9]. Они совмещают в себе признаки безличных и инфинитивных, в состав их главного члена входит независимый инфинитив, материально выраженная (или нулевая) безличная форма связки *быть* и отрицательное местоимение или местоимённое наречие, сообщающее всему предложению внутрисинтаксическую модальность невозможности или нецелесообразности совершения действия, названного независимым инфинитивом: *Резко остановиться невозможно и незачем*¹; *Ночевать в Нидлсе было негде*²; *В резервации взрослым индейцам нечем заняться*³. Это собственно безлично-инфинитивные предложения, семантическим своеобразием которых является способность выражать модальное значение не отдельной лексемой, а конструктивным способом. Использование В. Песковым

безлично-инфинитивных предложений в цикле очерков способствует созданию атмосферы безысходности, формирует эмоциональное пространство текста.

Заключение

Как показал проведённый анализ, в односоставных предложениях, которые использует В. Песков в цикле очерков «Земля за океаном», в целом характерен элемент оценочности, которая выражается и конструктивно-синтаксическим способом, и морфологическими показателями, и на лексическом уровне. Интенция автора проявляется в направленности текста на читателя. Именно от неё зависит соотношение основных аспектов содержания односоставных глагольных предложений: диктумного, или объективного, и модусного, или субъективного, и подчёркивает особую значимость описанных синтаксических единиц в публицистическом тексте.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1947. 784 с.
2. Герасименко Н. А., Леденёва В. В., Шаповалова Т. Е. Объективное и субъективное в метафорике публицистического текста // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 5. С. 50–59.
3. Мони́на Т. С. Проблема тождества предложения. М.: Московский педагогический университет, 1995. 180 с.
4. Мони́на Т. С., Казанцев С. А. Система грамматических значений предложения. М.: Московский государственный областной университет, 2007. 240 с.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / вступ. ст. Е. В. Клобукова. 8-е изд. 450 с.
6. Шаповалова Т. Е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 4. С. 18–21.
7. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания [Электронный ресурс]. М.: ИИУ МГОУ, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
8. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
9. Шутун Е. В. Структура, семантика и текстообразующие функции безлично-инфинитивных предложений: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 181 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language. The Word Grammar Theory]. Moscow, Leningrad, Ministry of Education of the RSFSR Publ., 1947. 784 p.
2. Gerasimenko N. A., Ledeneva V. V., Shapovalova T. E. [Objective and Subjective in the Metaphor of a Journalistic Text]. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education], 2021, no. 5, pp. 50–59.

¹ Песков В. М. Дорога // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 279.

² Песков В. М. Пустыня // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 351.

³ Песков В. М. У индейцев Южной Дакоты // Песков В. М. Странствия. М.: Мысль, 1991. С. 364.

3. Monina T. S. *Problema tozhdestva predlozheniya* [The Problem of the Identity of a Sentence]. Moscow, Moscow Pedagogical University, 1995. 180 p.
4. Monina T. S., Kazantsev S. A. *Sistema grammaticheskikh znachenii predlozheniya* [The System of Grammatical Meanings of a Sentence.]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2007. 240 p.
5. Peshkovsky A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Studies]. 450 p.
6. Shapovalova T. E. [From Temporary Generalization to Timelessness]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2013, no. 4, pp. 18–21.
7. Shapovalova T. E. *Temporal'naya semantika poeticheskogo vyskazyvaniya* [Temporal Semantics of a Poetic Utterance]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2020. 1 disk (CD-ROM).
8. Shahmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 624 p.
9. Shutun E. V. *Struktura, semantika i tekstoobrazuyushchie funktsii bezlichno-infinitivnykh predlozhenii: dis. ... kand. filol. nauk* [Structure, Semantics and Text-forming Functions of Impersonal-infinitive Sentences: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 181 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета; академик Международной академии наук педагогического образования; главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология»;
e-mail: te.shapovalova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Shapovalova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Department of the Modern Russian Language named after Prof. P. Lekant, Moscow Region State University; Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education; Editor-in-chief of the Scientific Journal “Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology”;
e-mail: te.shapovalova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаповалова Т. Е. Односоставные глагольные предложения в цикле очерков Василия Пескова «Земля за океаном» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 68–76.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-68-76

FOR CITATION

Shapovalova T. E. Mononuclear Verbal Sentences in a Cycle of Vasily Peshkov's Essays “The Land Behind the Ocean”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 68–76.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-68-76

УДК 81.373

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-77-85

ЛЕКСЕМА ГЛАЗА КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ЕДИНИЦА В ПРОЗЕ ТЭФФИ

Шаталова О. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Статья посвящена языковому анализу семантического окружения лексемы *глаза* в художественном тексте Тэффи.

Процедура и методы. Вырабатывается единая модель индивидуально-авторского описания взгляда персонажей, основанная на формализованной сплошной выборке материала. Значимыми являются методики выявления особенностей лексической синтагматики в системном описании невербального компонента.

Результаты. Выявлены традиционные и индивидуально-авторские коннотации при описании глаз персонажей. Определены художественные приёмы, при помощи которых невербальный элемент становится художественной деталью.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение зрительного контакта в художественном тексте Н. Тэффи позволило выявить текстовые универсалии и синтагматическую активность слова. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его материалов и выводов в преподавании русского языка, стилистики текста, в возможности использования результатов для разработки текстовых корпусов и выявления индивидуально-авторских элементов художественных произведений.

Ключевые слова: глаза, изобразительно-выразительные средства, лексема, невербальная коммуникация, семантика

THE LEXEME OF THE EYE AS A TEXT-FORMING UNIT IN TEFFI'S PROSE

O. Shatalova*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The paper is devoted to the linguistic analysis of the semantic environment of the lexeme of the eye in the literary text of Nadezhda Aleksandrovna Teffi.

Methodology. A single model of an individual author's description of the characters' view is developed, based on a formalized solid sampling of the material. The methods of identifying the features of lexical syntagmatics involved in the system description of the nonverbal component are found to be significant.

Results. The traditional and individual author's connotations in the description of the characters' eyes are revealed. The artistic techniques which transform a nonverbal element into an artistic detail are determined.

Research implications. The study of eye contact in N. Teffi's literary text revealed textual universals and syntagmatic activity of the word. The practical significance of the research is determined by the possibility of applying its materials and conclusions in teaching the Russian language and the stylistics of the text, as well as by the possibility of using the results for the development of text corpora and identifying individual authorial elements of works of art.

Keywords: eyes, figurative and expressive means, lexeme, non-verbal communication, semantics

Введение

В мае 2022 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося публициста, замечательного писателя, прозаика, поэта, литератора русского зарубежья Надежды Александровны Тэффи, утверждавшей в своих произведениях идеи добра, мира и гуманизма. Творчеству Тэффи посвящён целый ряд исследований (Д. Д. Николаев (1993) [4], Е. М. Трубилова (1994) [8], Н. В. Рыбинская (2005) [5], Е. В. Бочкарёва (2009) [1], М. В. Силаева (2018) [6] и др.), в которых рассматриваются вопросы, связанные с её прозаическим наследием. «Исследователи органично вписывают наследие писателя в литературный процесс русского зарубежья, отдавая предпочтение вопросам фундаментальным, ответы на которые дают общее представление о творчестве Тэффи» [6, с. 144].

Несомненным достоинством её произведений является яркий и выразительный язык. Тэффи, используя всё богатство художественных приёмов, создаёт глубоко поэтичные, эмоционально-экспрессивные образы, мастерски разрешает проблему взаимодействия творческой мысли и художественного слова. Представляя своих героев, она выступает тонким психологом, способным передать чувства и эмоции посредством изображения невербального поведения, основными элементами которого являются мимика, жесты, взгляд, поза, интонация, предметы одежды и т. п.

Целью статьи будет изучение художественного дискурса Надежды Александровны Тэффи (сборники «Дым без огня», «Неживой зверь», «Карусель»), выявление в нём традиционных и индивидуально-авторских коннотаций при описании глаз персонажей. Изучение конкретной лексики позволяет «установить место этой единицы в системе языка и охарактеризовать с точки зрения семантической значимости» [10, с. 11].

Зрительный контакт как форма невербальной коммуникации в прозе Тэффи

Описание взгляда в тексте способствует конструированию диалогов, передаче эмоций и чувств, при этом невербальный элемент становится художественной деталью, созданной с помощью того или иного языкового средства. В произведениях Тэффи взгляд занимает особое место, он передаёт оценку поведения или состояния собеседника. Это означает, что интерпретация взгляда осуществляется как в коммуникативном аспекте (передача разнообразной информации), так и в перцептивном (зрительное восприятие одного персонажа другим). Герои Тэффи буквально общаются взглядами, глаза их находятся практически всегда в движении, например: *Она взглянула ему в глаза глубоко и страстно и сказала ...¹; Он старался поймать взгляд жены, чтобы строго выкатить ей глаза и тем напомнить о своих правах мужа и её обязанностях жены².*

Элементы вербальной и невербальной коммуникации могут дополнять, опровергать, сопровождать и замещать друг друга. В художественном тексте Тэффи, когда речь идёт о движении, о контакте глаз, мы выявили два варианта взаимодействия: 1) невербальная коммуникация может дополнять вербальную. При этом вербальная коммуникация воспринимается ярче, доступнее, эмоционально понятнее: *Гранд-коклет Арвидова шурила сонные глаза, зевала, переспрашивала – «гм?» и забывала отвечать³; – Да уж побольше вас знаю! – злобно прищурил глаза Козин⁴,*

¹ Тэффи Н. А. Счастливая любовь // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговец, 2011. С. 39.

² Тэффи Н. А. Бухгалтер Овечкин // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговец, 2011. С. 90.

³ Тэффи Н. А. Пар // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговец, 2011. С. 358.

⁴ Тэффи Н. А. Ничтожные и светлые // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговец, 2011. С. 144.

2) невербальные компоненты могут заменить вербальные: *А Лаврюша ел приятеля глазами, и зрачки его кричали: «Молчи! Молчи!»*¹.

В художественном тексте Тэффи взгляды выражают отношения, мнения, желания, вопросы, которые можно интерпретировать как сообщение, при этом вербального компонента может не быть, а визуальный в интерпретации поведения персонажа является более значимым и предоставляет достоверную информацию: *Тревожно снешат и спрашивают встречные глаза*²; *А Лаврюша ел приятеля глазами, и зрачки его кричали: «Молчи! Молчи!»*³.

Художественной деталью становится и цветономинация глаз. К традиционным цветообозначениям относят номинации *голубые, синие, серые, зелёные, карие, чёрные*. У Тэффи цветономинация в большинстве случаев сопровождается добавочным семантическим окружением (сравнением, оценочным эпитетом и т. п.). Например: *А на тротуаре стояла маленькая девочка и смотрела нам вслед круглыми голубыми глазами, удивленно и восторженно*⁴. Мы видим, что идёт не просто описание внешности, а через *голубые глаза* передаётся вся эмоциональная гамма её внутреннего состояния. Или: *Толстяк смотрит на него мрачно тупыми, серыми глазами*⁵. Через цветономинацию *серый* в комплексном

сочетании с оценочным эпитетом *мрачно тупыми* автор даёт одним предложением развёрнутую характеристику персонажа. Встречаются и нетрадиционные цветообозначения глаз (*белые, красные, жёлтые*), которые сообщают читателю информацию о физическом состоянии героев: *Глаза у неё белые, губы распухли*⁶; *Все его кусты взъерошились, и глаза покраснели*⁷; *Губы у неё стали белые, а глаза круглые, жёлтые, с чёрными ободками*⁸.

Акцент на зрительное восприятие и выражение во взгляде эмоций персонажей у Тэффи объясняется преобладанием эмоциональности и оценочности в описании объектов видимого мира. Особое место при создании образов персонажей занимает их блеск в глазах, с помощью которого автор сообщает информацию об эмоциональном состоянии героев, о скрытых чувствах и переживаниях. Блеск передаётся автором при помощи глагольных форм *блестели, сверкали, горели: Глазки её так мило и ласково блестели, она так сама была рада своей работе, что Цветковым оставалось только расцеловать её*⁹; *Вдруг, в один прекрасный день, приезжает он ко мне какой-то взвинченный, глаза сверкают*¹⁰. В глазах героев отражаются осветительные предметы или небесные светила, например, *лампы, фонари, люстры, звёзды: Он сидел тихо, одетый во фрак от Тедески,*

¹ Тэффи Н. А. Тонкая штука // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 142.

² Тэффи Н. А. Весна // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 137.

³ Тэффи Н. А. Тонкая штука // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 142.

⁴ Тэффи Н. А. Счастливая // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 354.

⁵ Тэффи Н. А. Курортные типы // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 146.

⁶ Тэффи Н. А. Летний визит // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 26.

⁷ Тэффи Н. А. Бухгалтер Овечкин // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 93.

⁸ Тэффи Н. А. В весенний праздник // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 190.

⁹ Тэффи Н. А. Кроткая Талечка // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 86.

¹⁰ Тэффи Н. А. Байрон // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 156.

грудь его не подымалась дыханием, лицо было бледно, и в глазах его, широко открытых, отражаясь, играли экономические лампочки электрической люстры¹; – Пять? – переспросил Куликов, и лампы в глазах его странно мигнули²; «Злоты влосы! Злоты влосы!...» – пели мальчики, и глаза их, блестящие беглыми цветными бликами вертящихся фонариков, казались удивлёнными и вдохновенными, точно видели красивое чудо³; Бледно было лицо, и в глазах его, широко открытых, отражаясь, играли далёкие звёзды⁴.

Художественные приёмы при описании визуального контакта

Описывая взгляд своих героев, Тэффи использует различные художественные тропы: эпитеты, метафоры и сравнения. «Взаимопереплетение нескольких средств выразительности приводит к созданию живописной, эмоционально насыщенной картины» [9, с. 52]. Опираясь на классификацию, предложенную Е. М. Мартыновой [3, с. 91], можно выделить следующие виды сравнительных оборотов:

1) натурморфы, которые базируются на сходстве с природными явлениями, с объектами неживой природы: *В особенности глаза. Они, по определению Евгения, голубые, как небо⁵; Ваши глаза глубоки,*

как море⁶; Ах, ты не можешь себе представить, что это за глаза! Прямо два зелёных озера – глубоких, чистых, хоть рыбу уди, – иллюзия полная⁷; Она увидела такие счастливые, такие ясные глаза, что они словно дрожали от своего света, как дрожат слишком ясные звёзды, изливаясь лучами⁸;

2) зооморфы, базирующиеся на сходстве с представителями животного мира: *Глазки у бабы были юркие, плутоватые, бегали, как мышки⁹;*

3) гомоморфы, базирующиеся на сходстве с драгоценными камнями или ювелирными украшениями: *Глаза сделались вдруг бледнее, прозрачнее, как драгоценный камень, опущенный на дно стакана¹⁰;*

4) реаморфы, в основе которых сходство с неодушевлёнными предметами: *Катя молчала, только глаза блестели, как две пуговицы¹¹.*

Лексему глаза в художественном тексте Тэффи сопровождают как стилистически нейтральные (*открыл, закрыл, посмотрел, поднял, опустил* и т. п.), так и стилистически окрашенные языковые единицы, которые могут иметь положительную и отрицательную коннотацию: *Бывают неприятные и некрасивые минуты жизни, когда обыкновенная женщина, тупо упе-*

¹ Тэффи Н. А. Жизнь // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 105.

² Тэффи Н. А. Жизнь // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 105.

³ Тэффи Н. А. Новый крест // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 375.

⁴ Тэффи Н. А. Легенда и жизнь // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 103.

⁵ Тэффи Н. А. О дневниках // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 209.

⁶ Тэффи Н. А. О дневниках // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 210.

⁷ Тэффи Н. А. Сильна, как смерть // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 82.

⁸ Тэффи Н. А. Сердце // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 404.

⁹ Тэффи Н. А. Сильна, как смерть // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 83.

¹⁰ Тэффи Н. А. Весна // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 137.

¹¹ Тэффи Н. А. Приготовишка // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 346.

рев глаза в этажерку, мнёт в руках носовой платок и говорит дрожащими губами¹; Она уже улыбалась, и глаза её точно прорвали застилавшую их плёнку – горели ярко и весело².

Стиль художественного текста, стиль писателя, стиль литературного произведения представляют собой неразрывное единство компонентов литературного языка и элементов живой разговорной речи, которые органично вплетаются в текст и выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, функцию оценки, функцию характеристики героя. На лексико-семантическом уровне наблюдается использование различных синонимических замен. Ср.: *Взглянула: злится – того гляди, глаза лопнут³; А глаза выкатил злые, белые, удивленные⁴; – Ребёнок? – выпучила глаза Потаповна⁵; У нана на портрете лицо добродушное, а глаза выкачанные, точно он кого-то нарочно пугал⁶.* Подобное языковое явление достаточно частотно в художественном пространстве Тэффи. Данные цепочки состоят из стилистически разнородных единиц, при этом «синонимический ряд, который возглавляет доминанта (от лат. *dominans* – господствующий), слово, обладающее минимумом дифференциальных сем в сравнении с другими компонентами ряда, отличающиеся

частотностью и нейтральностью в стилистическом отношении»⁷.

В тексте Тэффи стихия живого слова проявилась прежде всего в использовании автором глагольных синонимических рядов: *Пришла Фёкла, подперла щёку, заморгала глазами⁸; – Это – сапоги! – испуганно захлопала глазами горничная⁹.* В первом примере стилистически нейтральная единица *заморгала (глазами)* под воздействием просторечной формы *подперла* приобретает разговорный характер, сближается с единицами живой речи, а во втором – просторечие *захлопала (глазами)*, оказываясь в семантическом окружении с нейтрально-книжными формами, теряет свой разговорный характер.

Эпитеты, сопровождающие лексему *глаза*, употребляются в тексте в зависимости от характера взгляда, который может быть

– весёлым: *Те же смеющиеся глаза, теперь немного смущённые и упрямые¹⁰;*

– злым: *Глаза Ольги Андреевны делают злыми и острыми, но губы игриво улыбаются, потому что все должны видеть, что у Ольги Андреевны какой-то интересный и пикантный разговор¹¹; Незнакомец пристально взглянул Уилстеру прямо в лицо своими острыми глазами, потом оглядел всю его фигуру и вдруг сказал ...¹²;*

¹ Тэффи Н. А. Демоническая женщина // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 175.

² Тэффи Н. А. Счастье // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 416.

³ Тэффи Н. А. Чёртик в баночке // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 386.

⁴ Тэффи Н. А. Чёртик в баночке // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 386.

⁵ Тэффи Н. А. Потаповна // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 22.

⁶ Тэффи Н. А. Новый крест // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 372.

⁷ Современный русский язык: в 3 т. Т. 1: Фонетика. Орфография. Лексикология. Словообразование: учебник и практикум / отв. ред. С. М. Колесникова. 1-е изд. М.: Юрайт, 2015. С. 137.

⁸ Тэффи Н. А. Аптечка // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 328.

⁹ Тэффи Н. А. Амалия // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 125.

¹⁰ Тэффи Н. А. Весна // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 138.

¹¹ Тэффи Н. А. Курортные типы // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 149.

¹² Тэффи Н. А. Неживой зверь // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 274.

– дерзким: *Его глаза смеются откровенно и дерзко*¹;

– лукавым: *Он седой, с плутоватыми глазками и таким красным носом, какой бывает только у человека, хватившего с мороза горячего чаю, и то лишь в первые пять минут*²; *Демоническая ляжет грудью на стол, подопрёт двумя руками подбородок и посмотрит вам прямо в душу загадочными, полузакрытыми глазами*³;

– грустным: *Зверь стоял прямо, сдвинув передние ножки и закинув голову, и смотрел вперёд тёмными печальными глазами*⁴;

– испуганным: *Правда, когда в каком-нибудь доме говорили об ужасах войны, она делала испуганно-круглые глаза и скорбно сжимала рот*⁵;

– неуверенным из-за боязливости и внутренней готовности быть наказанным за что-либо: *В девять часов вечера выглянул на минутку, осунувшийся, с блуждающими глазами, и сказал, что выгнал кухарку*⁶; *Лаврюша, бледный, с дрожащими губами и бегаящими глазами, стоял подлец подлецом*⁷ и др.

У Тэффи для обозначения взгляда используются и простые, и сложные эпитеты: *глаза мутные, хитрые, масляные, суетливые, сентиментальные, жалкие, жадные, бледно-мечтательные, испуганно-круглые* и т. д.

Для передачи внутреннего состояния героя автор часто использует метафору: *Тревожно спешат и спрашивают встречные глаза*⁸; *Смеющиеся глаза играют, спрашивают что-то*⁹; *И врал глазами, и подмигивал так лукаво, что у помещика на душе щекотно делалось*¹⁰; *Рога длинные, ветвистые, давят и ломают голову, ножки сдвинуты, а глаза тоскуют на розовую полоску печального неба...*¹¹; *Но подведённые глазки Гусевой бегали так быстро с бухгалтера на Рукоятникова и обратно, что перехватить их не было ни малейшей возможности*¹².

Тэффи использует такой художественный приём, как антитеза, а именно в одном контексте резко противопоставляет действия, связанные между собой общим внутренним смыслом (*поднимаю – опускаю, закроем – откроет*): *Поднимаю глаза, вижу растрескавшуюся кору, одноцветную издали и всю пёструю, всю в чешуйках, в пушинках, в шелушинках, если смотреть на неё вот так, прижавшись к ней щекой – Мне делается страшно за неё, я опускаю глаза*¹³. Или: *Демоническая закроем глаза рукою и*

¹ Тэффи Н. А. Весна // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 138.

² Тэффи Н. А. Потаповна // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 20.

³ Тэффи Н. А. Демоническая женщина // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 176.

⁴ Тэффи Н. А. Олень // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 305.

⁵ Тэффи Н. А. Француженка // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 405.

⁶ Тэффи Н. А. Сам // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 120.

⁷ Тэффи Н. А. Тонкая штучка // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 141.

⁸ Тэффи Н. А. Весна // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 137.

⁹ Тэффи Н. А. Весна // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 138.

¹⁰ Тэффи Н. А. Позор // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 138.

¹¹ Тэффи Н. А. Олень // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 306.

¹² Тэффи Н. А. Бухгалтер Овечкин // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 90.

¹³ Тэффи Н. А. Лесная идиллия // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. С. 364.

заговорит истерически – Демоническая **широко раскрывает глаза** и, глядя в пространство, **завопит**¹. «Средства невербального выражения поведения человека не только манифестируют переживания женщины, но и вплетены в контекст, отражающий её внутренний мир» [2, с. 16].

Тэффи активно использует и такие фразеологические единицы, как *с глазу на глаз, открыть глаза, бросаться в глаза, хоть одним глазом посмотреть, ел глазами, отвести глаз, и того за глаза хватит*.

Наряду с лексемой **глаза** в тексте встречается производное **глазки**, которое сопровождается в большинстве случаев эпитетами с положительной коннотацией (*милые, ясные, доверчивые* и т. д.): – Дорогая **тёточка!** – *щебетала она, глядя на Цветкову **детски-влюблёнными глазками***²; Свеженькая, беленькая, чистенькая, с розовыми пальчиками и **кроткими, ясными глазками**, она сразу располагала к себе *все сердца*³; Она ласково смотрела своими **маленькими доверчивыми глазками**⁴; Потом поцеловала **глаза** и сказала: «**Милые глазки!**»⁵. В предложении *Глазки у него были маленькие, мокренькие и всё время вращались, что бы сам Селиверстов ни говорил и в чём бы ни клялся*⁶ эпитет с уменьшительно-ласкательным суффиксом *мокренькие* сообщает контексту отрицательную коннотацию.

Заключение

Проведённый языковой анализ показал, что лексема **глаза** становится текстообразующей в художественном пространстве Тэффи, именно по глазам можно определить настроение героев, черты характера, правдивость слов, эмоциональный настрой, глаза выдают тайны человеческой души. Не случайно в одном контексте сталкиваются лексемы **глаза** и **душа**: *Вид у него был деловой, озабоченный. Говорил он веско, **слегка прищуривал глаза и проникал взглядом до самого дна души собеседника***⁷; *Сергей Николаевич говорит, что **глаза** – это зеркало души*⁸. Семантическое окружение лексемы **глаза** «не только передаёт психолингвистические особенности языковой личности писателя и его индивидуальную языковую картину мира, но и демонстрирует гармонизацию знака языка, что отразилось в подборе повествователем именно данных единиц идиолекта» [7, с. 57]. Всё это свидетельствует о том, что Тэффи – настоящий художник слова, хорошо знающий, чувствующий и любящий родной русский язык.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарёва Е. В. Комическое в художественном мире Н. А. Тэффи: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2009. 212 с.
2. Звукова Е. Д. Денотативный класс слов, обозначающих жену / женщину, в истории русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 20 с.

¹ Тэффи Н. А. Демоническая женщина // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 175.

² Тэффи Н. А. Кроткая Талечка // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 85.

³ Тэффи Н. А. Кроткая Талечка // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 84.

⁴ Тэффи Н. А. Французенка // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 408.

⁵ Тэффи Н. А. Подарок // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 126.

⁶ Тэффи Н. А. Позор // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 163.

⁷ Тэффи Н. А. Маляр // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 7.

⁸ Тэффи Н. А. О дневниках // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 210.

3. Мартынова Е. М. Образные цветономинации глаз в художественном дискурсе // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. 2018. № 3. С. 90–95.
4. Николаев Д. Д. Творчество Н. А. Тэффи и А. Т. Аверченко. Две тенденции развития русской юмористики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 24 с.
5. Рыбинская Н. В. Н. А. Тэффи – публицист газеты «Последние новости» (1920–1940): дис. канд. филол. наук. М., 2005. 207 с.
6. Силаева М. В. Трансформация понятия любви в сборнике рассказов Н. Тэффи «Всё о любви» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 143–151.
7. Средства репрезентации идиоглосс «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / С. М. Колесникова, Е. А. Бурская, О. В. Шаталова, В. В. Леденёва // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 47–62.
8. Трубилова Е. М. Творческий путь Н. А. Тэффи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 168 с.
9. Фадеева Т. М. Взаимодействие сложного эпитета в художественном тексте с другими средствами выразительности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 4. С. 47–54.
10. Шаталова О. В. Эволюция глагола *быть* в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 134 с.

REFERENCES

1. Bochkareva E. V. *Komicheskoe v khudozhestvennom mire N. A. Teffi: dis. ... kand. filol. nauk* [Comic in the Artistic World of N. A. Teffi: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ul'yanovsk, 2009. 212 p.
2. Zvukova E. D. *Denotativnyi klass slov, oboznachayushchikh zhenu / zhenshchinu, v istorii russkogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Denotative Class of Words Denoting a Wife / Woman in the History of the Russian Language: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2011. 20 p.
3. Martynova E. M. [Figurative Color Nominations of the Eyes in Artistic Discourse]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Cherepovets State University. Philological Sciences], 2018, no. 3, pp. 90–95.
4. Nikolaev D. D. *Tvorchestvo N. A. Teffi i A. T. Averchenko. Dve tendentsii razvitiya russkoi yumoristiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Creativity N. A. Teffi and A. T. Averchenko. Two Trends in the Development of Russian Humor: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1993. 24 p.
5. Rybinskaya N. V. N. A. *Teffi – publitsist gazety "Poslednie Novosti" (1920–1940): dis. kand. filol. nauk* [N. A. Teffi – Publicist of the Newspaper "Latest News" (1920–1940): Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 207 p.
6. Silaeva M. V. [Transformation of the Concept of Love in the Collection of Stories by N. Teffi "All about Love"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2018, no. 4, pp. 143–151.
7. Kolesnikova S. M., Burskaya E. A., Shatalova O. V., Ledeneva V. V. [Means of Representation of the Idioglisses "Children", "Family", and "Life" in F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 47–62.
8. Trubilova E. M. *Tvorcheskii put' N. A. Teffi: dis. ... kand. filol. nauk* [Creative Life of N. A. Teffi: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2009. 168 p.
9. Fadeeva T. M. [Interaction of a Complex Epithet in a Literary Text with Other Means of Expression]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2011, no. 4, pp. 47–54.
10. Shatalova O. V. *Evolutsiya glagola byt' v russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Evolution of the Verb "To Be" in Russian: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1997. 134 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаталова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии и культуры коммуникаций Московского государственного областного университета;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Shatalova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Slavic Philology and Culture of Communications, Moscow Region State University;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаталова О. В. Лексема *глаза* как текстообразующая единица в прозе Тэффи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 77–85.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-77-85

FOR CITATION

Shatalova O. V. The Lexeme of the Eye as a Text-Forming Unit in Teffi's Prose. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 77–85.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-77-85

УДК 821.161.1+281.93 (571)

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-86-97

ПОВЕСТЬ Н. С. ЛЕСКОВА «НА КРАЮ СВЕТА»: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Мельникова С. В.

*Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека
имени И. И. Молчанова-Сибирского*

664003, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 253, Российская Федерация

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр-т Ленина, д. 36, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить степень исторической достоверности образа главного героя повести Н. С. Лескова «На краю света», прототипом которого сам писатель называет архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича), и проанализировать с этой позиции проблематику повести и особенности творческого метода писателя.

Процедура и методы. Используются историко-биографический метод и метод сравнительного анализа; художественный текст сопоставляется с источниками личного происхождения – дневниками и путевыми записками архиепископа Нила и других сибирских миссионеров, его современников.

Результаты. В ходе исторического комментирования выявляются существенные расхождения в личности и обстоятельствах служения Нила с описанным в повести; выдвигаются новые версии имён прототипов главного героя; образ архиерея определяется как собирательный, а не биографически конкретный. Тем не менее, расширение историко-биографического материала подтверждает точность отражения Н. С. Лесковым общих проблем православного миссионерства и соответствие художественной идеи повести православному вероучению.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материал и выводы исследования могут быть использованы при дальнейшем научном изучении духовной проблематики в творчестве Н. С. Лескова, переиздании его сочинений, а также в школьном и вузовском курсах истории литературы.

Ключевые слова: архиепископ Нил (Исакович), дневники, исторический контекст, Н. С. Лесков, прототип, путевые заметки

N. LESKOV'S STORY "AT THE END OF THE EARTH": ARTISTIC IMAGERY IN A HISTORICAL CONTEXT

S. Melnikova

*I. I. Molchanov-Sibirsky Irkutsk Regional State Universal Scientific Library
ul. Lermontova 253, Irkutsk 664003, Russian Federation*

National Research Tomsk State University

prosp. Lenina 36, Tomsk 634050, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to determine the degree of historical authenticity of the image of the protagonist of Leskov's story «At the End of the Earth», the prototype of which, according to the writer, is Archbishop Nil (N.F. Isakovich), and to analyze the problems of the story and the features of the creative method of the writer from this position.

Methodology. The research relies on historical and biographical methods and the method of comparative analysis; the literary text is compared with sources of personal origin – diaries and travel notes of Archbishop Nil and other Siberian missionaries, his contemporaries.

Results. Historical commentary reveals significant discrepancies in the personality and circumstances of Nil's ministry with those described in the story; new versions of the names of the prototypes of the main character are put forward; the image of the bishop is defined as collective rather than biographically specific. The expansion of the historical and biographical material confirms the accuracy of Leskov's reflection of the general problems of Orthodox missionaries and correspondence of the artistic idea of the story to the Orthodox doctrine.

Research implications. The material and conclusions of the study can be used in the further scientific study of spiritual issues in the works of Leskov, the republication of his works, as well as in school and university courses of history of literature.

Keywords: archbishop Nil (Isakovich), diaries, historical context, N. Leskov, prototype, travel notes

Введение

Нил (Н. Ф. Исакович), епископ Вятский (1835–1838), архиепископ Иркутский и Нерчинский (1838–1853), Ярославский и Ростовский (1854–1874) – выдающийся церковный деятель, учёный и духовный писатель XIX в., один из первых в России исследователей буддизма и переводчиков с монгольского, историк церкви и автор обширных «Путевых записок» (Ярославль, 1874) – замечательного образца литературного путешествия, сопоставимого с шедеврами жанра. Вместе с тем в историю русской литературы имя архиепископа Нила вошло опосредованно – как прототипа главного героя повести Н. С. Лескова «На краю света», православного архиерея, отправившегося миссионером в якутскую «степь» и пережившего там психологическое и духовное потрясение в экстремальной ситуации, в которой он оказался вместе со своим проводником – «темняком»-якутом.

На Нила как на прототип образа архиерея в «На краю света» указал сам Н. С. Лесков на страницах другой своей повести – «Владычный суд». «Открыть имя» он решился в ответ на критику в «тенденциозно вымышленных героях». Писатель отмечал, что в «На краю све-

та», напротив, «нет никакой тенденции и даже очень мало вымысла, а почти всё – настоящее происшествие, весьма немного развитое только в некоторых деталях, и то по готовой канве»¹. Якобы архиепископ Нил рассказал это происшествие промышленнику В. А. Кокореву, а тот уже передал его Н. С. Лескову. В литературоведении заявление Н. С. Лескова было принято без каких-либо существенных уточнений и закреплено в комментариях к академическому изданию его собрания сочинений².

Упоминание об архиепископе Ниле как о прототипе главного героя до сих пор остаётся широко тиражируемым – по сути, это один из наиболее часто встречающихся комментариев к повести. Предсказуемый итог – отождествление литературного персонажа и реального исторического лица³. Проблема исторической достовер-

¹ Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. М.: Правда, 1989. С. 264.

² Домановский Л. В. Комментарии: Н. С. Лесков. На краю света // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 618; Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. М.: Правда, 1889. С. 468.

³ См. например: «...Этот процесс совершается в душе и мыслях главного героя повести – архиепископа Нила Ярославского. Так в самом начале повествования в его речи преобладают слова хри-

ности и оправданности такого сближения уже поднималась нами в 2013 г. в статье, опубликованной в журнале «Вопросы литературы» [6]. Аналогичную проблему поднимает и М. И. Маслова¹. Однако, продолжая заниматься изучением и популяризацией творчества архиепископа Нила [7], [8], мы убедились в том, что этот вопрос (в максимально упрощённой формулировке звучащий так: действительно ли архиерей у Н. С. Лескова – это высокопреосвященный Нил?) остаётся одним из самых актуальных и часто задаваемых. И в настоящей работе мы решили осветить его более подробно – в формате не только исторического комментария, но попытки анализа творческого метода Н. С. Лескова как писателя, чем и определяется научная новизна публикации.

Обращение в сочинениях Н. С. Лескова к именам реальных церковных деятелей и определяемый этим круг проблем

Пытаясь понять, какие последствия за явление Н. С. Лескова имело для интерпретации его «миссионерской» повести и её литературной судьбы, мы предлагаем выделить две проблемы – этическую, касающуюся степени ответственности и допустимой свободы писателя при обращении с историко-биографическим материалом, и эстетическую, определяемую соотношением в художественном сочинении вымысла и документа, в данном случае мемуарного свидетельства.

Первая, этическая проблема особую остроту приобретает в контексте совет-

ского литературоведения и сложившейся в нём тенденции к отрицательной трактовке образа православного архиерея и возвышению над ним инородца-«дикаря» как более совершенного человека и гуманиста: «При серьёзных испытаниях, перед лицом смерти “некрещённый” дикарь оказался гораздо выше и человечнее архиерея ... Проницательнее и душевно теплее, чем архиерей, и отец Кириак – человек, стоящий близко к народу...»²; «...Таков “дикарь”-зырянин из рассказа “На краю света”, оказавшийся носителем высшего гуманизма, коего и не подозревают в нём «человеколюбцы» по должности – миссионеры»³. В союзники привлекался Л. Н. Толстой, который, по свидетельству Д. П. Маковицкого, первым высказал близкое суждение: «“На краю света” – очень хорошо. Утунгуса показана простая, искренняя вера и поступки, соответствующие ей, а у архиерея – искусственная»⁴. Сегодня идеологическая ангажированность данных трактовок очевидна, что избавляет от необходимости их интерпретации. Но значение имеет создаваемая ими ассоциация: понятие «несовершенный христианин» в сознании читателя распространяется не только на литературного персонажа, но и на историческое лицо, названное его прототипом.

Ситуация с архиепископом Нилом в целом синонимична приёму, к которому Н. С. Лесков прибегает в «Мелочах архиерейской жизни» и ряде других сочинений на церковную тематику, используя в них имена реальных церковных деятелей. Такой подход, как известно, вызвал серьёзное недовольство со стороны Церкви и стал поводом к цензурному запрету книги, поскольку многие архиереи были показаны Н. С. Лесковым в сатирическом и далеко не лестном

стианской книжности... Вот, например, рассказ Нила о том, как он приступил к исполнению своих архиерейских обязанностей...» (Долинина И. В. Стилистические доминанты в языке «христианства по Лескову» (на материале повести «На краю света»)) // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2006. № 1. С. 107).

¹ Маслова М. И. «Прости меня, блаженный Августин...». Религиозные споры вокруг рассказа Н. С. Лескова «На краю света» // День литературы: газета: [сайт]. URL: <https://denliteraturi.ru/article/5241> (дата обращения: 07.05.2021).

² Домановский Л. В. Комментарии: Н. С. Лесков. На краю света // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 618.

³ Горелов А. Хожение за истиной. Послесловие / Лесков Н. С. Повести и рассказы. Фрунзе: Кыргызстан, 1983. С. 654.

⁴ Маковицкий Д. П. Яснополяские записки. 1904–1910: в 2 вып. Вып. 2. М.: Задруга, 1923. С. 58.

свете. При этом церковная критика особливо подчёркивала, что достоверность лесковских «картинок с натуры» вызывала большие сомнения. Например, пермский протоиерей Е. А. Попов указывал на то, что писатель никогда не бывал в Перми и большая часть изображённого им – это «сказки, пересказываемые со слуха или со слов других» [11, с. 309].

Однако более серьёзные вопросы вызывает не бытовая и даже не историческая достоверность сочинений Н. С. Лескова, но транслируемое ими отношение к церкви как институту и к православной вере. Н. С. Лесков, по сути, предлагал свой, особый путь «художественного богопознания» [2], [5], [10], который уже современная ему церковная критика оценивала неоднозначно, называя некоторые его идеи и сюжеты, особенно касающиеся понимания праведничества, еретическими [1]. Однако в настоящее время, напротив, публикуется всё больше исследований, доказывающих тесную и, по сути, непрерывающуюся связь творчества Н. С. Лескова со святоотеческой традицией и современной ему богословской литературой, в том числе и в вопросах праведничества [3; [12].

Основное событие повести «На краю света» заключается в том, что «дикарь» спасает епископа от верной гибели, повинувшись исключительно имеющемуся у него нравственному закону и рискуя собственной жизнью, – и тот открывает в нём Человека как носителя души, нравственности и веры. «Ей, гряди Христос, ей, гряди Сам в сие сердце чистое, в сию душу смиренную: а доколе медлишь, доколе не изволишь сего ... Не мне ставить в колоды ноги его и преследовать его стези, когда сам Сый написал перстом своим закон любви в сердце его и отвёл его в сторону от дел гнева ... Нет больше смятения в сердце моем: верю, что ты открыл ему себя, сколько ему надо, и он знает тебя, как и всё тебя знает»¹. «Детскому» уму «дикаря» открывается непосредственность веры, сама

суть религиозного сознания как Страха Господня и постоянного ощущения Его присутствия, которая недоступна сознанию искущённому.

Но не является ли признание этого духовного совершенства героем-архиереем и его последующий отказ от крещения инородца дискредитацией самой идеи христианского миссионерства, в чём, в сущности, церковные критики и обвиняли Н. С. Лескова? И насколько подобные идеи могли быть присущи реальному иркутскому владыке? Таким образом, вопрос о прототипе переходит в сложную плоскость православной догматики и её связи с художественной философией писателя.

При рассмотрении эстетической составляющей заявленной проблемы предметом обсуждения становятся особенности повествования, которое строится в повести по законам мемуарного жанра: в рамочную конструкцию заключён рассказ пожилого героя, вспоминающего себя в молодости, который даёт самому себе оценку, объясняет мотивы поступков, прослеживает собственную эволюцию. Говоря о том, что сюжет «На краю света» создан на основе воспоминаний реального лица, Н. С. Лесков, по сути, привлекает его в соавторы своего произведения, придавая тому характер реального мемуарного свидетельства. Однако эта позиция весьма спорная: «воспоминания архиерея» были написаны явно не по воле и без ведома самого высокопреосвященного Нила, к моменту выхода повести в свет уже скончавшегося.

Отождествление самим писателем своего героя с реальным историческим лицом ставит перед исследователями задачу реконструкции собственного «голоса» данного лица и сравнение его художественной и реальной версий. Иначе говоря, на примере повести может быть поставлена проблема о соотношении художественного вымысла и документа, в частности мемуарного свидетельства.

¹ Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. М.: Правда, 1989. С. 509.

**Личность и обстоятельства служения
архиепископа Нила (Исаковича)
по материалам его мемуарных
сочинений и их отражение в образе
архиерея повести Н. С. Лескова**

Как правило, в комментариях к «На краю света» в качестве контекста к его прочтению исследователи¹ обращаются к научной работе Нила (Исаковича) «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири»². Этот контекст подсказывает сам Н. С. Лесков, определяющий своего героя как «усопшего автора “Буддизма”», чей «светлый и ясный взгляд» он и хотел бы показать в произведении.

При этом писатель нигде не упоминает автобиографические «Путевые записки»³ архиепископа, которые раскрывают не только его научные познания, но личность и судьбу, и в гораздо большей степени соотносятся с «На краю света» как с рассказом о путешествии. Вероятнее всего, Н. С. Лесков не был знаком с этим сочинением. Но для современных комментаторов именно эта книга может стать самым точным кодом к интерпретации повести.

«Путевые записки» включают три части: «От Вятки до Иркутска», «Путешествие в Якутский край» и «От Якутска до Иркутска». В первой из них высокопреосвященный Нил описывает своё путешествие по Сибирскому тракту в 1838 г., когда он отправляется из Вятки в Иркутск, чтобы занять там епископскую кафедру. В двух других рассказывается о миссионерской поездке по Лене летом 1843 г. Впервые за-

писки были опубликованы в «Ярославских епархиальных ведомостях» в 1869 г., затем в 1874 г. (в год смерти Исаковича и за год до публикации «На краю света») вышли отдельным изданием. Черновые записки к «Путевым запискам» сохранились в составе личного собрания архиепископа Нила в Государственном архиве Ярославской области⁴. Они попали туда вместе с документами, вывезенными им из Иркутска в Ярославль в 1854 г. В собрании имеются также рукописи дневников архиепископа о других его путешествиях по Восточной Сибири, не вошедшие в книгу.

Проанализировав и опубликованные записки, и черновики к ним, с высокой степенью вероятности (к сожалению, некоторые дневники написаны неразборчиво) можно утверждать, что буквальных совпадений с кульминационным событием рассказа – драматичным эпизодом снежной бури и чудесным спасением православного епископа проводником-якутом – в биографии архиепископа Нила обнаружить не удалось. Однако это не говорит о полном отсутствии биографических параллелей.

Владыка Нил приезжает в Восточную Сибирь относительно молодым человеком (в возрасте 35 лет он стал епископом Вятским, а уже через три года, в 1838 г., был переведён в Иркутск). Это назначение он получает, очевидно, и потому, что, будучи в Вятке, зарекомендовал себя как успешный и ревностный миссионер⁵. За время своего почти 16-летнего управления Иркутской епархией высокопреосвященный Нил совершает порядка 20 миссионерских поездок, в том числе и в Якутскую область, однако все они приходятся на летние месяцы, что исключает

¹ Маслова М. И. «Прости меня, блаженный Августин...». Религиозные споры вокруг рассказа Н. С. Лескова «На краю света» // День литературы: газета: [сайт]. URL: <https://denliteraturi.ru/article/5241> (дата обращения: 07.05.2021).

² Нил, архиеп. Ярославский. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. СПб.: Типография Трусова, 1858. 386 с.

³ Путевые записки [преосвященного] а[рхиепископа] Нила: в 2 ч. Ярославль: Типография Губернской земской управы, 1874.; То же: Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) / сост. С. В. Мельникова. Иркутск: Оперативная типография «На Чехова», 2018. 352 с.

⁴ Обзор документов личного собрания архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) из Государственного архива Ярославской области / сост. Т. А. Крючкова, С. В. Мельникова. 2-е изд. испр. и доп. Иркутск: Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека имени И. И. Молчанова-Сибирского, 2019. 84 с.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 117. Д. 1345; Оп. 118. Д. 73; Оп. 119. Д. 120 и др. (Репорты преосв. Нила в Синод об успехах в обращении инородцев); за время его управления Вятской епархией было крещено 5 235 человек.

возможность буквальных совпадений с сюжетом повести¹.

Конфликт повести Н. С. Лескова является художественным отражением важнейшей гуманитарной проблемы – отношения к «другому»: человеку не только иной веры, но и культуры, образа жизни и уровня развития. Архиерей в повести изначально отказывает «дикарю»-якуту в самой способности мыслить («Чем этот молодец станет раздумывать, когда у него вся думалка комом смёрзлась ... в гляделках ... ни искры душевного света... где ему с этими средствами искать отвлечённых истин?..») и предрекает ему вымирание «со всем родом своим, как вымерли ацтеки, вымирают индейцы...»².

В своих путевых записках архиепископ Нил отзываясь об инородцах не менее резко: «Народ [вотяки], лишённый всякого понятия о достоинстве человеческой природы, движимый лишь скотскими побуждениями, способен ли к приятию высоких истин христианского вероучения?..»³; «Смотря на киргизское племя, не раз спрашивал я себя: как могли пройти для народа сего тысячелетия, не подвинув его ни на шаг вперёд на пути образования и цивилизаций?..»⁴. Обе эти характеристики относятся к 1838 г., когда молодой епископ только вступает на порог Сибири и оценивает её и населяющие её народы с заранее сформированной и изначально предвзятой позиции европейца –

представителя цивилизации, отделённого от «диких» племён мощным «культурным слоем». Инородцы не равны ему ни в интеллектуальном, ни в духовном плане. Они не являются и современниками владыки в истории.

Однако, как человек культуры, Нил восприимчив и способен к диалогу и внутреннему развитию, и образ инородцев не является у него однозначным и застывшим и, по мере сближения его самого с Сибирью, становится всё более позитивным, что можно рассматривать как совпадение, пусть и не буквальное, с развитием художественного конфликта у Н. С. Лескова. «Тунгусы здешние, входя в касту бродячих племён, не привязываются ни к какой определённой местности. Одна природа назначает границы их странствию ... При таком образе жизни, в юрте тунгусской не больше можно найти скарба, как и в бочке Диогена ... тунгус благопокорен, честен, гостеприимен и, будучи всегда и везде странником и пришлецом, смотрит на всё оком того бесстрастия, которое одно лишь ставит человека превыше всех превратностей судьбы...»⁵.

Но при всей культурной восприимчивости архиепископ Нил не проявляет толерантности в области религиозной: в буддизме он видит серьёзного, сильного противника христианству, шаманизм же для него – это воплощение, по сути, первобытного хаоса. Подтверждение тому – яркий образ шаманки: «Шаманка ... как истая фурия, оскалив зубы, визжа, прыгая, потрясая и дребезжа шаманским своим конем подбежала ко мне ... жрице, или точнее мегере, ничто не препятствовало явить себя достойною служительницею чёрной веры. Но когда ограничилась она лишь лаем...»⁶.

¹ Единственная зимняя поездка состоялась в 1842 г., с 15 по 28 февраля. В РГИА хранится неопубликованный путевой журнал, который владыка вёл во время этого путешествия (см.: РГИА. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 2. № 1713). Но ездил преосвященный в Забайкальский край, к чикойским бурятам, а не в Якутскую «степь», и на пути никаких особенных происшествий, которые хотя бы отдалённо могли быть соотнесены с историей, описанной в рассказе, также не случилось.

² Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. М.: Правда, 1989. С. 514.

³ Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) / сост. С. В. Мельникова. Иркутск: Оперативная типография «На Чехова», 2018. С. 30.

⁴ Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) / сост. С. В. Мельникова. Иркутск: Оперативная типография «На Чехова», 2018. С. 44.

⁵ Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) / сост. С. В. Мельникова. Иркутск: Оперативная типография «На Чехова», 2018. С. 109–110.

⁶ Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) / сост. С. В. Мельникова. Иркутск: Оперативная типография «На Чехова», 2018. С. 62–63.

Высокопреосвященный Нил, как и левоский архиерей, также не стремился крестить «сорохвотом», понимая все трудности современного ему миссионерства. Однако, в отличие от архиерея в повести, он не сомневался в необходимости как можно скорейшего приведения инородцев в лоно Церкви Христовой: «... пора и пора номадам нашим начать исход, как из некоего Египта, из облегающего их мрака и идти во след народов, а паче Православной Руси, к нравственному, умственному и материальному преспеянию...»¹. Таким образом, едва ли правомерно считать высокопреосвященного Нила (Исаковича) прототипом образа главного героя. Точнее было бы говорить об общем проблемном поле, волнующем литературного и реального миссионеров.

Составляя исторический комментарий к повести, нельзя не отметить некоторые анахронизмы, со стороны самого Н. С. Лескова, скорее всего, не намеренные. Так, состояние, в котором его герой застаёт «отдалённую епархию», больше соответствует не 30-м гг. XIX в., а середине XVIII в., когда в Иркутск приезжает не Нил, но его далёкий предшественник епископ Софроний (Кристалеvский). Косвенным подтверждением смещения исторического времени может служить описание того, как сразу же по приезде владыка погружается в дела духовной семинарии, что было бы возможно до 1802 г., когда Иркутская семинария находилась в непосредственном подчинении епархиального архиерея. Архиерей также говорит о данном ему прозвище «лютого» – своей строгостью к местному духовенству (вплоть до применения телесных наказаний) отличался как раз епископ Софроний, но не Нил. При этом Софроний был ревностным миссионером и в 1750-е гг. совершил несколько

длительных миссионерских поездок, в том числе до Якутска².

Художественной вольностью следует считать сюжет о том, что владыки могли отправляться в такие поездки фактически в одиночку. Их путешествия всегда проходили организованно и в сопровождении «свиты» – нескольких, помимо проводников и охраны, духовных лиц и певчих. На это обстоятельство указывалось, в частности, в «Иркутских епархиальных ведомостях»: «...Как ни прямо и решительно указание г. Лескова на недавно почившего архиепископа Нила как героя рассказа, все, знавшие покойного, положительно скажут, что во всём рассказе нет ни одной черты сколько-нибудь на него похожей. Преосвященный Нил, в противоположность тому, что рассказывается о нём, когда служил в Сибири, слишком высоко смотрел на своё положение, и мы не знаем ни одного архиерея, который бы окружал себя такой толпой, как он, особенно во время своих редких поездок по епархии»³.

Одинокое путешествие по якутской «степи» совершали рядовые сотрудники духовных миссий и священники так называемых «походных» церквей. Первым настоятелем такой церкви, а фактически странствующим проповедником на территории Якутии был протоиерей Григорий Слепцов (1754–1817). Тема походных церквей связана с Нилом, но только как с их устроителем. В «Путевых записках» он рассказывает о том, что идея возобновления этой практики, утраченной было к середине XIX в., пришла ему во время поездки 1843 г. по Лене. И уже в 1844 г. по его ходатайству в Св. Синод учреждаются походные Благовещенская и Николаевская церкви. Настоятелями назначаются священники Никита Запольский и Дмитрий Хитров, впоследствии первый якутский епископ Дионисий.

¹ Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) / сост. С. В. Мельникова. Иркутск: Оперативная типография «На Чехова», 2018. С. 161.

² Чефранов М., прот. Блаженный Софроний, 3-й епископ Иркутский. М.: Университетская типография, 1907. С. 49–90.

³ С края света ответ г. Лескову на рассказ его «На краю света» // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1877. № 11. 12 мар. С. 142.

**Якутский епископ Дионисий (Хитров)
и святитель Иннокентий (Вениаминов)
как возможные прототипы образа
главного героя**

На наш взгляд, именно преосвященный Дионисий является историческим лицом, наиболее близким к созданному Н. С. Лесковым художественному образу сибирского миссионера. Обстоятельства его служения более всего напоминают описанные в повести «На краю света», вплоть до буквальных совпадений, не найденных нами в биографии архиепископа Нила (Исаковича). В качестве доказательства приведём выписку из одного из путевых дневников Хитрова: «Более суток ехали мы верхом беспрестанно и всё-таки до жителей не добрались и решились ночевать первый раз в жизни на снегу под открытым небом. Прошло с лишком 30 лет, а страшная эта ночь вспоминается с содроганием сердца. Как бы ни было холодно в январскую сорокоградусную ночь спать на снегу, но измученные долговременной усталостью путники заснули и, к удивлению своему, утром у костра своего увидели человека, который объявил, что он всю ночь поджидал к себе этих путников. При радостном известии о возможности найти жилое пристанище в этой снеговой пустыне, путники тотчас побежали по указанной якутом тропинке и через четверть часа увидели дымок, столбом тянущийся к облакам из убогой хижины, а ещё через четверть часа мы входили уже в жилое пристанище бедного зверолова»¹. Блуждания по снежной пустыне, страшная ночёвка на снегу, воспоминания о которой остались на всю жизнь, и, главное, самоотверженный и человеколюбивый поступок якута – всё это достаточно точно соотносится с фабулой лесковского рассказа. Нил, читавший путевые журналы своих походных священников, мог знать об этом случае и именно его и пересказать Кокореву.

¹ Дионисий. Автобиографические записки преосв. Дионисия, епископа Уфимского и Мензелинского // Уфимские епархиальные ведомости. 1900. № 7. С. 179–180.

Судьба же товарища Дионисия по его миссионерской деятельности в Якутии, Никиты Запольского, близка к участи о. Кириака, хотя и более трагична: он умер совсем молодым, простудившись в одной из поездок.

Имена о. Никиты и о. Дмитрия могли быть известны Н. С. Лескову по роману «Фрегат «Паллада»» И. А. Гончарова, который встречался с ними в 1854 г. в Якутске и, поражённый мужеством миссионеров, оставил воспоминания о беседе с ними, в частности, о таком её эпизоде: «Мы однажды добрались в пургу до юрты, – говорил отец Никита, – а товарищи отстали: не послушали инстинкта собак, своротили их не туда, куда те мчали, и заблудились. Три дня ждали их и, когда прояснилось небо, их нашли у дверей юрты. Последнюю ночь они провели тут, не подозревая жилья». Какова должна быть погода!»².

Якутский Спасский монастырь, в котором происходила беседа И. А. Гончарова с миссионерами, прекрасно соотносится с образом «бедного монастырька ... в городе, где почти все говорят якутски». Спасский монастырь в 1850-е гг., когда посетил его И. А. Гончаров, был резиденцией святителя Иннокентия (Вениаминова), в то время епископа Камчатского (в 1854 г. кафедра была перенесена из Новоархангельска в Якутск), в будущем митрополита Московского и Коломенского. И. А. Гончаров беседовал с высокопреосвященным Иннокентием – и эта встреча поразила его и глубоко врезалась в память.

Следует отметить, что обстоятельства служения святителя Иннокентия в Русской Америке, на Камчатке и в Якутии имеют более явные совпадения с описанными в «На краю света», нежели аналогичные обстоятельства у Нила (Исаковича). «Скажу нечто и о путешествии моём по Камчатке и Охотской области. Из Камчатки выехал я 29 ноября 1842 года, и 3 апреля прибыл в Охотск, проехав более 5000 вёрст на со-

² Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. М.: Советская Россия, 1976. С. 533–534.

баках и отчасти на оленях ... Повозочка моя, в которой я ехал всю дорогу, была весьма похожа на гроб, т. е. так же узка и длинна и такой же формы ... Нередко случалось ехать по узкой дороге, пробитой между глубокими снегами, и тогда мне казалось или приходило на мысль, что я еду в гробе по длинной могиле; ибо только стоило остановиться и велеть зарыть себя. Более 25 дней проведены вне всяких жилищ ... 7 дней проведены в совершенно пустых местах ... Мороз (в 63 градуса сев. широты) иногда был очень жесток. Но благословен Господь, хранящий меня во всех путях моих! ... я и все едущие со мной (их сначала было 6, а под конец 4) были совершенно здоровы ... словом сказать, я готов ещё не один раз проехать по Камчатке, если только буду здоров»¹.

Не только сам факт езды на собаках, но сходные впечатления – сравнение своего положения в якутской степи с пребыванием во гробе или в могиле – сближает воспоминания святителя Иннокентия с рассказом героя Н. С. Лескова. Важна и общая оценка сибирского пространства и места в нём человека: образы гроба и могилы у духовных авторов являются прямой отсылкой к архетипу смерти и воскресения.

Сопоставление лесковского архиерея с фигурой святителя Иннокентия имеет исключительное значение для понимания основной религиозной идеи повести. В его письмах к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) можно обнаружить следующее рассуждение: «Чем более знакомлюсь я с дикими, тем более люблю их, и тем более убеждаюсь, что мы с нашим просвещением далеко, далеко уклонились от пути к совершенству ... ибо многие, так называемые дикие, гораздо лучше многих, так называемых просвещённых, в нравственном отношении. Например, во всей Камчатской епархии, можно сказать, совсем

нет ни воровства, ни убийства ... первый тунгус, с которым мне пришлось видаться и говорить (в Гижиге), удивил и утешил меня своею верою и преданностью Богу ... когда я сказал ему: «За то вам там будет хорошо, если вы будете веровать Богу и молиться Ему». Тогда он, видимо изменившись в лице своём, с сильным чувством сказал: «Тунгус всегда молится, тунгус знает, что всё Бог даёт. Убью ли я хоть куропатку, я знаю, что Бог мне дал, и я молюсь Богу и благодарю Его. Не убью, значит, бог мне не дал, значит, я худой ... и я молюсь Ему». Не могу вспомнить сих слов без движения сердца, и не могу после того не сказать в духе благодарности: «Благословен Господь, открывающий познание веры и истины младенцам и утаивающий оное от мнящих быть мудрыми!»².

С. Н. Дурылин, один из наиболее тонких интерпретаторов творчества Н. С. Лескова и, прежде всего, его религиозной составляющей [9], основную идею повести «На краю света» определял как «признание Христова всеприсутствия и всепроникновения и прозрение греховности мысли о том, что “дикари вовсе лишены Сына Божия”» [4]. Сопоставляя это высказывание с приведёнными выше словами святителя Иннокентия, чей духовный авторитет является до сих пор непререкаемым, можно утверждать, что «художественное богоискательство» Н. С. Лескова не есть дискредитация миссионерства, в чём обвиняли его критики, и утверждение какой-то иной версии христианства, возможной и вне церковной догмы и обряда. Напротив, это и есть самое прямое оправдание необходимости миссионерской проповеди и крещения, основанное на представлении об изначальном онтологическом присутствии Христа во всех его творениях, не зависимом от их собственной способности к его осознанию. И убеждение это рождается у писателя в диалоге, сознательном и подсознательном, с выдающимися православными подвижниками его времени.

¹ Извлечения из писем преосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского к высокопреосвященнейшему Филарету, Митрополиту Московскому // Памятник трудов благовестников русских с 1793 до 1853 года / сост. А. С. Стурдза. М.: Типография В. Готье, 1857. С. 252–253.

² Иннокентий (митр.). Письма епископа Иннокентия (Вениаминова) к митрополиту Филарету // Русский архив. 1879. Кн. 2. С. 277

Заключение

Специфика художественного творчества заключается в том, что далеко не все детали, составившие в итоге образ героя и образ мира в художественном произведении, бывают сознательно отрефлексированы самим автором. Доказательством тому служит приведённый анализ лесковского текста. Писатель называет лишь одного возможного прототипа главного героя, но на самом деле их круг оказывается гораздо шире. Н. С. Лесков создал в целом исторически достоверный, однако не биографически конкретный, но собирательный образ христианского проповедника.

Пытаясь раскрыть сущность творческого метода писателя, следует говорить о тонко воспринятом и художественно переосмысленном им общем информационном фоне, формируемом рядом прецедентных для 1860–70-х гг. текстов (таких как «Фрегат «Паллада») и событий. В частности, особое значение для актуализации самого образа миссионера и проблем православного миссионерства в российском общественном сознании могло иметь назначение на пост митрополита

Московского в 1868 г. высокопреосвященного Иннокентия (Вениаминова).

В синодальный период духовенство в России превратилось в закрытое сословие, чей образ жизни, регламентированный церковной традицией, воспринимался интеллигенцией и высшими слоями общества как, по сути, экзотический, существенно отличающийся от их собственного, а заслуги часто оставались непризнанными. Главная цель лесковской повести, декларированная в её тексте, – это «оправдание» русских православных миссионеров перед их же соотечественниками. Очевидно, что она была достигнута писателем: он показывает все тяготы и жизненные лишения, с которыми сталкивались православные проповедники в суровых сибирских условиях, вскрывает основные проблемы современного ему православного миссионерства и создаёт, хотя и не однозначный, но в целом глубокий и привлекательный образ священнослужителя, достаточно редкий для русской классической литературы XIX в.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилова Н. Ю. Творчество Н. С. Лескова в оценке русской церковной критики XIX – начала XX вв. // История и культура. 2009. № 7. С. 210–225.
2. Данилова Н. Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н. С. Лескова (на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и инородцах): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2011. 23 с.
3. Дидковская В. Г. Митрополит Михаил (Десницкий) и цикл «Праведники» Н. С. Лескова // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2020. № 3 (28). С. 18–22.
4. Дурылин С. Н. Николай Семёнович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/durylin_s_n/text_1913_leskov.shtml (дата обращения: 20.03.2022).
5. Макаревич О. В. Интерпретация религиозных текстов в творчестве Н. С. Лескова второй половины 1870-х–1890-х гг.: вопросы проблематики и поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 26 с.
6. Мельникова С. В. К вопросу о прототипе главного героя рассказа Н. С. Лескова «На краю света» // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 451–462.
7. Мельникова С. В. Миссионер, учёный, философ, поэт: образ автора-путешественника в «Путевых записках» архиеп. Нила (Исаковича) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). С. 100–107.
8. Мельникова С. В. Сибирь как объект научного, философского и художественного осмысления в сочинениях архиепископа Иркутского Нила (Н. Ф. Исаковича, 1779–1874) и епископа Якутского Иакова (И. П. Домского, 1823–1889) // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 52. С. 184–200.

9. Непомнящих Н. А. Фигура Лескова в рефлексии Дурылина: «Писатель-воспомянатель» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 104–116.
10. Новикова-Строганова А. А. Художественное богопознание в творчестве Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 97–111.
11. Попов Е. А. Великопермская и Пермская епархия (1379–1879). пятистолетие проповеди св. Стефана Пермского, почти столетие Перми и почти трёхстолетие покорения Сибири. Пермь: Типография Никифоровой, 1879. 353 с.
12. Теплицкий В. Формирование религиозного самоопределения Н. С. Лескова [Электронный ресурс] // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2021. № 43. URL: <http://vsoa.esrae.ru> (дата обращения: 07.05.2021).

REFERENCES

1. Danilova N. Yu. [Creativity of N. S. Leskov in the Assessment of Russian Church Criticism of the 19th – Early 20th Centuries]. In: *Istoriya i kultura* [History and Culture], 2009, no. 7, pp. 210–225.
2. Danilova N. Yu. *Dialog “svoego” i “chuzhogo” v khudozhestvennom mire N. S. Leskova (na materiale proizvedenii 1860–1880-kh gg. ob inostrantsakh i inorodtsakh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Dialogue of “Ours” and “Theirs” in the Artistic World of N. S. Leskov (Based on the Works of the 1860s–1880s about Foreigners and Non-Russians): Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2011. 23 p.
3. Didkovskaya V. G. [Metropolitan Michael (Desnitsky) and the Cycle “The Righteous” by N. S. Leskov]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University], 2020, no. 3 (28), pp. 18–22.
4. Durylin S. N. *Nikolai Semenovich Leskov. Opyt kharakteristiki lichnosti i religioznogo tvorchestva* [Nikolay Semyonovich Leskov. Experience in Characterization of Personality and Religious Creativity]. Available at: http://az.lib.ru/d/durylin_s_n/text_1913_leskov.shtml (accessed: 20.03.2022).
5. Makarevich O. V. *Interpretatsiya religioznykh tekstov v tvorchestve N. S. Leskova vtoroi poloviny 1870–1890-kh gg.: voprosy problematiki i poetiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Interpretation of Religious Texts in the Work of N. S. Leskov in the Second Half of the 1870s–1890s: Issues of Problems and Poetics: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Nizhnii Novgorod, 2014. 26 p.
6. Melnikova S. V. [On the Issue of the Prototype of the Protagonist of N. S. Leskov’s Story “At the End of the World”]. In: *Voprosy literatury* [Literature Issues], 2013, no. 4, pp. 451–462.
7. Melnikova S. V. [Missionary, Scientist, Philosopher, Poet: The Image of the Author-traveler in the “Travel Notes” of Archbishop Nil (Isakovich)]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of the Perm University. Russian and Foreign Philology], 2013, no. 1 (21), pp. 100–107.
8. Melnikova S. V. [Siberia as an Object of Scientific, Philosophical and Artistic Comprehension in the Writings of the Irkutsk Archbishop Nil (N. F. Isakovich, 1779–1874) and the Yakutia Bishop Jacob (I. P. Donskoi, 1823–1889)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin Tomsk State University. Series: Philology], 2018, no. 52, pp. 184–200.
9. Nepomnyashchih N. A. [Leskov’s Figure in Durylin’s Reflection: “Writer-Memoir”]. In: *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plotology and Photography], 2020, no. 1, pp. 104–116.
10. Novikova-Stroganova A. A. [Artistic Knowledge of the God in the Work of N. S. Leskov]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2011, no. 9, pp. 97–111.
11. Popov E. A. *Velikopermskaya i Permskaya eparkhiya (1379–1879). pyatistoletie propovedi sv. Stefana Permskogo, pochti stoletie Permi i pochti tryokhstoletie pokoreniya Sibiri* [Great Perm and Perm Diocese (1379–1879). 50th Anniversary of the Preaching of St. Stephen of Perm, Almost a Century of Perm and Almost Three Centuries of the Conquest of Siberia]. Perm, Nikiforova’s Typography, 1879. 353 p.
12. Teplitskii V. [Formation of Religious Self-Determination by N. S. Leskova]. In: *Vestnik Vostochno-Sibirskoi Otkrytoi Akademii* [Bulletin of the East Siberian Open Academy], 2021, no. 3. Available at: <http://vsoa.esrae.ru> (accessed: 07.05.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельникова Софья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, главный библиограф Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки имени И. И. Молчанова-Сибирского; докторант Национального исследовательского Томского государственного университета; e-mail: memuaristika@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2106-5730

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofya V. Melnikova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Chief Librarian, I. I. Molchanov-Sibirsky Irkutsk Regional State Universal Research Library; Dr. Sci. Degree-Seeking Candidate, National Research Tomsk State University; e-mail: memuaristika@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2106-5730

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мельникова С. В. Повесть Н. С. Лескова «На краю света»: художественный образ в историческом контексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 86–97.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-86-97

FOR CITATION

Melnikova S. V. N. Leskov's Story "At the End of the Earth": Artistic Imagery in a Historical Context. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 86–97.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-86-97

УДК 81'42+81'255.4+378

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-98-104

МОТИВ ВОЗМЕЗДИЯ В РОМАНАХ У. ФОЛКНЕРА «АВЕССАЛОМ, АВЕССАЛОМ!» И Р. П. УОРРЕНА «ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ»

Савинич С. С.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, пр-д 2-й Сельскохозяйственный 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать способы реализации мотива возмездия в произведениях американских писателей Р. П. Уоррена «Вся королевская рать» и У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!».

Процедура и методы. В работе используется сравнительный метод в сочетании с методом анализа литературных мотивов произведения.

Результаты. В произведениях Р. П. Уоррена «Вся королевская рать» и У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» сюжет во многом построен вокруг мотива возмездия. Особенно важно, что возмездие отцам воздаётся руками их детей. Авторы по-разному исследуют эту тему, но нельзя не обратить внимание на поразительное сходство в способах реализации мотива в тексте.

Теоретическая и/или практическая значимость. Несмотря на то, что как в американском, так и в отечественном литературоведении творчество У. Фолкнера и Р. П. Уоррена очень хорошо изучено, нет отдельных статей, посвящённых теме возмездия в этих романах. Исследовав этот мотив и сравнив особенности его реализации, мы сможем определить некоторые закономерности реализации этого мотива в литературе американского Юга первой половины XX в.

Ключевые слова: возмездие, литература США, модернизм, мотив, Р. П. Уоррен, У. Фолкнер

THE MOTIF OF RETRIBUTION IN THE NOVELS “ABSALOM, ABSALOM!” BY W. FAULKNER AND “ALL THE KING’S MEN” BY R. P. WARREN

S. Savinich*Moscow City Pedagogical Universit**proezd Vtoroi Selskokhozyaistvennyi 4, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose is to study the motif of retribution in the novels “All the King’s Men” by R. P. Warren and “Absalom, Absalom!” by W. Faulkner.

Methodology. The research relies on the comparative method of literary analysis supplemented with the method of motif analysis.

Results. In the novels “All the King’s Men” by R. P. Warren and “Absalom, Absalom!” by W. Faulkner the motif of retribution seems to be vital for understanding the plot of both novels. It is also important that retribution comes to the fathers from their own children. The authors deal with this topic in a different way, but still there are some stunningly common traits.

Research implications. Though the novels by W. Faulkner and R. P. Warren are well known and have been studied for a long time both in Russia and the U.S., there is no specific research dedicated to the motif of retribution in these novels. By examining this motif and comparing it in these texts we can approach some better understanding of the regulations of its realization in Southern literature of the first half of the twentieth century.

Keywords: retribution, US literature, modernism, motif, R. P. Warren, W. Faulkner

Введение

Произведения «Вся королевская рать» Роберта Пенна Уоррена и «Авессалом, Авессалом!» Уильяма Фолкнера, которые мы собираемся рассматривать в этой работе, на первый взгляд кажутся довольно разными по стилю и содержанию, но при более близком знакомстве обнаруживают значительное сходство по своей тематике и проблематике. Оба произведения написаны в одну литературную эпоху в США, а именно в эпоху модернизма. Хронологически эти романы также довольно близки друг другу: роман «Авессалом, Авессалом!» был опубликован в 1936 г., а роман «Вся королевская рать» – в 1946 г.

Эти произведения схожи также по географическому признаку и могут быть отнесены к литературе Американского Юга. Напомним, что действие романа «Авессалом, Авессалом!» происходит в вымышленном округе Йокнапатофа в штате Миссисипи, а действие романа «Вся королевская рать» – в штате Луизиана, в городах Бёрденс-Лендинг и Мейзон-Сити. Здесь внимательный читатель может увидеть много общего с романом У. Фолкнера, поскольку Бёрденс-Лендинг и Мейзон-Сити являются вымышленными городами (по крайней мере, таких городов нет в штате Луизиана).

Но гораздо большее сходство мы можем наблюдать на уровне отдельных мотивов. Главные герои этих произведений, Томас Сатпен из романа «Авессалом, Авессалом!» и Вилли Старк из романа «Вся королевская рать» в буквальном смысле этого выражения создали себя сами. Начав свой путь бедными фермерами в тяжёлых жизненных и экономических условиях, они сумели достигнуть высокого материального положения и социального статуса, но при этом оба были неразборчивы в средствах достижения цели.

Мотив возмездия и особенности его реализации в романе У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!»

Мы хотим обратить особое внимание на мотив возмездия, который проходит красной нитью через эти романы и является сюжетообразующим. Но, чтобы ис-

ключить возможность неправильного понимания терминологического значения этого понятия, заметим, что мы, вслед за современным отечественным исследователем литературной категории мотива К. М. Барановой, понимаем мотив как «повторяющийся элемент повествования в течение длительного периода развития литературы, пронизывающий целый ряд произведений в рамках изучаемого временного отрезка» [1, с. 7].

Мотив не только играет значительную роль в формировании сюжетной линии художественного произведения, но и создаёт определённый характер восприятия персонажа. Это достигается за счёт выстраивания особой системы восприятия личности персонажа как некоего эстетического целого. Об этом очень убедительно пишет известный исследователь категории мотива И. В. Силантьев: «сюжетная интенция мотива по определению носит ценностный характер по отношению к герою, выстраивает его эстетическое целое» [2, с. 253]. Это определение позволяет нам говорить о том, что мотив возмездия занимает особенное место в системе нравственных ценностей и эстетической системе исследуемых нами произведений.

В последние десять лет в отечественном литературоведении не появлялось исследований, посвящённых мотиву возмездия в американской литературе. Это странно, поскольку интрига многих произведений XIX и XX вв. построена именно на неотвратимости возмездия. В произведениях Н. Готорна «Алая буква» и «Дом о семи фронтонах» возмездие неизбежно находит персонажа, совершившего преступление против отдельного человека или общества. В романе Г. Мелвилла «Моби Дик» капитан Ахав бросает вызов закону бытия, пускаясь в погоню за белым китом, и возмездие настигает его и весь экипаж корабля «Пекод», кроме Измаила.

Но в романах «Авессалом, Авессалом!» и «Вся королевская рать» сюжет построен таким образом, что возмездие воздаётся персонажам руками их детей. По сравнению с литературой XIX в., это новая ин-

терпретация темы, но вполне очевидно, что она имеет библейское происхождение. В книге пророка Иезекииля истолковывается смысл пословицы «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина» (Иезекииль 18:2). Интересно, что в оригинальном библейском тексте смысл этой поговорки истолковывается отрицательно и пророк прямо говорит о том, что грехи отцов не распространяются на детей, если они праведны. Но коллективное сознание сохранило эту пословицу в отрыве от её библейской интерпретации, и именно в таком виде эта фраза попадает в литературный текст.

В произведении «Авессалом, Авессалом!» У. Фолкнера главный герой романа Томас Сатпен предпринимает попытку перейти на более высокий социальный уровень путём приобретения земли и строительства родового поместья. Как он сам говорит об этом впоследствии, «У меня был замысел. Чтобы его осуществить, мне требовались деньги, дом, плантация, рабы, семья и, между прочим, разумеется, жена»¹. При этом Сатпен совершает множество поступков, которые не противоречат закону, но являются глубоко аморальными. Для того, чтобы заработать начальный капитал, он отправляется на остров Мартиника, где управляет плантацией. Там же он обзаводится семьёй, но впоследствии узнает, что его жена скрывала от него, что среди её предков были афроамериканцы.

Действие романа происходит на американском Юге, где считалось, что любая часть афроамериканской крови делает человека потомком рабов и низводит его самого до положения раба. Поэтому доступ в приличное общество был закрыт и для него самого и для членов его семьи. Сатпен одержим мечтой стать уважаемым членом общества, а для этого ему требовалась «не безродная жена и не безродные дети, а два имени – имя безупречной жены и имя безукоризненного тестя – на

брачном свидетельстве, на документе»². Из-за своей жены он лишён как первого, так и второго, он бросает её вместе со своим сыном, Чарльзом Боном, и начинает всё заново.

Для этого он приобретает в городе Джефферсон, штат Миссисипи сто акров земли, которые впоследствии с гордостью называет Сатпеновой Сотней так, будто они были пожалованы ему королём. Нельзя точно сказать, как ему досталась эта земля, но У. Фолкнер недвусмысленно намекает, что он купил её за бесценок у индейцев путём обмана: «бежал сюда и спрятался, укрылся за уважением и за этой сотней миль земли, которую он неизвестно как выманил у племени невежественных индейцев»³. В этот раз Сатпен оказывается как никогда близок к осуществлению своей мечты. Ему удаётся построить дом на своей земле, найти жену из вполне уважаемой южной семьи, завести двоих детей и разбить плантацию, которая приносит ему постоянный доход. Ему даже хватает средств для того, чтобы отправить своего сына Генри учиться в университет штата Миссисипи. Но судьба настигает Томаса Сатпена с неожиданной стороны.

В университете Миссисипи его сын знакомится с Чарльзом Боном, сыном от первого брака и, узнав от него всю правду о своём отце, отрекается от него и его наследства. Но на этом интрига не заканчивается, ведь Чарльз Бон тайно помолвлен с Джудит, сестрой Генри и дочерью Томаса Сатпена. Но когда Чарльз Бон приезжает, чтобы жениться на Джудит, Генри убивает его. После этого убийства Генри должен скрываться, а Джудит, которая оказалась в центре этой предвзвешенной интриги, обречена на безбрачие. Следует отметить особый характер причинности в произведениях У. Фолкнера в целом и в романе «Авессалом, Авессалом!» в частности. Согласно этой причинности, действия персонажей в прошлом определяют то, что происходит с ними и окружающими их людьми в настоящем. Очень интересно об этом пишет

¹ Фолкнер У. Авессалом, Авессалом! // Фолкнер У. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2 / пер. В. П. Голышева. М.: Художественная литература, 1985. С. 566.

² Там же. С. 382.

³ Там же. С. 353.

американский исследователь Э. Касеро: «Фолкнер прослеживает прямую причинно-следственную связь между сознанием разных персонажей в разные исторические эпохи; изменения в сознании персонажей, живших в прошлые эпохи, оказывает глубокое влияние на сознание персонажей, живущих в настоящем» [3, р. 87] (здесь и далее перевод наш. – С. С.).

Интрига романа несколько расширяется, когда мы узнаём о том, что Клити, чернокожая служанка Сатпена, которую он привёз с Гаити под видом рабыни, является его внебрачной дочерью и после смерти жены Сатпена Элизы, его дочери Джудит и самого Томаса Сатпена остаётся единственной распорядительницей имения. После долгих лет изгнания Генри возвращается в отчий дом, узнав о смерти всех своих близких. Но когда возникает угроза ареста Генри полицией, Клити сжигает дом Сатпена, и сама погибает в огне вместе с Генри.

Этот ужасающий финал является довольно прозрачной аллюзией на сюжет библейской притчи о сыне царя Давида, Авессаломе, который организовал восстание против своего отца, хитростью и интригами склонив на свою сторону людей, искавших справедливости, и впоследствии был убит в битве у Ефремова леса. В отличие от него Генри Сатпен не претендует на наследие своего отца и тем более не решается на открытое выступление против его воли. Другой сын Томаса Сатпена, Чарльз Бон, также не совсем соответствует образу библейского персонажа. Ему удаётся путём интриг настроить Генри против Томаса Сатпена, но это не угрожает жизни самого Сатпена. И тем более на роль Авессалома не подходит внебрачная дочь Сатпена Клити, которая во всём старается исполнять волю отца.

Наиболее вероятным представляется то, что образ Авессалома – это собирательный образ всех детей Сатпена, каждый из которых своими действиями приближает крушение его планов оставить после себя наследство и наследника. Образы этих персонажей созданы Фолкнером очень

контрастно и представляют собой некий гротеск. Об этом очень убедительно пишет американский исследователь Р. Форд: «Когда я открыл “Авессалом, Авессалом!” зимой 1964 года, я почувствовал, что этот роман довёл до крайности несообразное в изображении человеческой жизни» [6, р. 16]. Удивительным и странным кажется желание персонажей бросить вызов родному отцу или отомстить ему ценой своей жизни. После прочтения этого романа остаётся убеждение, что самыми безжалостными обвинителями и судьями предков являются их потомки.

Мотив возмездия в романе Р. П. Уоррена «Вся королевская рать»

Эта тема находит своё продолжение в романе Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать». Один из персонажей романа, Джек Берден работает помощником губернатора Луизианы по имени Вилли Старк. В отечественном и американском литературоведении много сказано о том, что прототипом для создания образа Старка стал губернатор Луизианы Хьюи Лонг, но нам представляется, что образ Старка — это не точная литературная копия Х. Лонга, а скорее собирательный образ. Став губернатором штата, Старк использует самые грязные методы борьбы со своими политическими противниками, включая шантаж и запугивание. При этом роль Джека Бердена заключается в том, чтобы собирать компромат на соперников Старка.

Одним из таких противников становится давний друг семьи Берденов – судья Ирвин. То, что Джек Берден соглашается собирать компромат на судью, который знает его с детства и принимал непосредственное участие в его воспитании, подчёркивает полную беспринципность Бердена. Следует заметить, что Берден оправдывает себя тем, что полностью отрицает существование причинно-следственной связи между поступками людей и их судьбой. Обратим особое внимание на то, как он перефразирует библейскую поговорку, которую мы приводили в на-

чале: «Я ем хурму, а рот вяжет у медника в Тибете»¹. В этот момент он убеждён, что возмездия не существует и всё, что случается с людьми, лишено какой бы то ни было причинности. Но история с судьёй Ирвином, на которого он должен собрать компромат, убеждает его в обратном.

Судья считается человеком безупречно честным и неподкупным, но Берден уверен, что сможет найти нелицеприятные факты его биографии. И он оказывается прав: по мере развития сюжета романа выясняется, что судья Ирвин в прошлом испытывал финансовые затруднения и был вынужден взять деньги в долг под залог своего поместья. Когда он не смог вернуть кредит, поместье должно было уйти с молотка, и чтобы избежать этого, судья совершил должностное преступление, за что был щедро вознаграждён. Он принял решение в пользу крупной компании, хотя это противоречило правовым нормам штата. В благодарность за это он получил хорошо замаскированную взятку. Его приняли на работу в качестве штатного юриста с фантастической по тем временам зарплатой. А юриста по имени Мортимер Л. Литлпо, который работал до него, уволили без объяснения причин.

Это настолько уязвило чувство собственного достоинства господина Литлпо, что он покончил с собой, но оставил своей сестре записку, в которой описывал обстоятельства своего увольнения и то, как оно связано с судьёй Ирвином. Этой запиской и рядом других документов Берден начинает шантажировать судью Ирвина, но добивается лишь того, что судья сводит счёты с жизнью. После самоубийства судьи Ирвина мать Джека Бердена признаётся ему, что судья был его отцом и это служит отправной точкой для начала трансформации внутреннего мира героя. Как пишет об этом американский литературовед Ч. Каплан, — «Для Джека это “рождение заново” травматично, но оно даёт ему новое представление об отце (или, скорее, даёт ему нового отца)» [4, р. 22].

Это тяжелейшее потрясение стало для Джека началом переосмысления его ценностной системы. Он вдруг осознаёт, что стал орудием возмездия в руках судьбы и отомстил за Мортимера Л. Литлпо своему собственному отцу. Следуя этой логике, совершая преступление, судья Ирвин сам определил свою судьбу, а всё остальное стало лишь способом её реализации, — «Мортимер и я были лишь спаренным орудием замедленного, но неотвратимого самоуничтожения судьи Ирвина»².

Но ещё одной отличительной чертой этого романа является то, что автор часто использует кольцевую композицию в логической цепочке, чтобы поменять местами причину и следствие и показать, насколько бессмысленным было преступление, если оценивать его по результату. После смерти судьи Ирвина его душеприказчик сообщает Джеку Бердену, что всё своё имущество судья завещал ему. Иными словами, судья был наказан тем, ради кого совершил это преступление. Джек Берден глубоко потрясён этим выводом, но он, к сожалению, слишком очевиден, чтобы его отрицать: «Я стал наследником поместья, которое судья Ирвин спас когда-то единственным своим бесчестным поступком, — и я же, как слепое орудие справедливости, приставил за этот поступок пистолет к его сердцу»³.

В этот момент становится вполне очевидной тематическая связь этих двух романов на уровне мотивов. И в первом, и во втором случае главный герой совершает ряд преступлений и при этом, как ему кажется, избегает наказания за них. Причиной преступления в итоге является желание обладать собственной землёй и, как следствие, занимать определённое положение в обществе. Отметим, что такой сюжет скорее возможен в южных штатах, чем на севере США, где факт владения земельным наделом никак не влияет на положение человека в обществе. Возмездие настигает судью Ирвина и Томаса Сатпена не сразу, а спустя значительное количество времени в тот момент, когда они оказываются наиболее уязвимыми. И последнее, самое поразительное сход-

¹ Уоррен Р. П. Вся королевская рать / пер. В. П. Голышев. М.: АСТ, 2007. С. 272.

² Там же. С. 419.

³ Там же. С. 421.

ство состоит в том, что возмездие исходит от потомков, тех, ради кого это преступление было совершено.

Но при том, что тематический план этих романов имеет, как мы выяснили, целый ряд общих мотивов, здесь есть и несколько существенных различий. Как мы помним, в романе «Авессалом, Авессалом!» У. Фолкнера все наследники Томаса Сатпена погибают, тем самым уничтожая его мечту стать основателем рода Сатпенов. Поэтому история этого семейства рассказана нам через призму восприятия Квентина Компсона, который выполняет в произведении скорее роль повествователя, чем непосредственного участника событий. Поэтому моральный урок этого романа в большей степени адресован читателю, а не кому-то из персонажей романа.

В финале романа «Вся королевская рать» Джек Берден начинает осознавать всю сложность мироустройства и видит в произошедшем пример ответственности человека перед временем. Он принимает свою роль орудия возмездия, которую ему пришлось сыграть в судьбе своего отца и ближайших друзей. Обретая единство помыслов и действий, он как бы заново обретает себя. Эта идея очень точно выражена в статье американского критика Элизабет Керр: «В конце у Джека формируется правильная связь между идеями и действиями. Последствия неправильного понимания этой связи изменяют картину мира Джека; осознавая своё участие и принимая на себя ответственность, Джек становится более цельным человеком, готовым к участию в жизни» [5, р. 32].

В романе «Вся королевская рать» Р. П. Уоррена Джек Берден одновременно является и повествователем, и непосредственным участником происходящих событий. Всё, что происходит с героями романа в прошлом и настоящем, связывается воедино лишь в сознании этого персонажа. После того, как погибают Вилли Старк и судья Ирвин, а также близкий друг Джека Адам Стентон, в его сознании складывается цепочка событий, которые вполне зако-

номерно привели к такому финалу. В этом романе моральный урок предлагается читателю опосредованно, через личность Джека Бердена, который в начале романа отрицает взаимосвязь между поступками человека и его судьбой. Из-за этого его собственная жизнь лишена определённого смысла и цели, он оказывается неспособен сформировать гармоничные отношения даже с самыми близкими людьми.

Заключение

Подводя итог, можно заметить, что в романах «Вся королевская рать» Роберта Пенна Уоррена и «Авессалом, Авессалом!» Уильяма Фолкнера есть множество параллельных тем, которые оставляют значительный простор для исследования и интерпретации. В рамках одной работы было бы неуместным и невозможным пытаться охватить всё многообразие мотивов в этих произведениях выдающихся американских писателей. Но очевидно, что рассмотренный нами мотив возмездия является ключевым для понимания этих романов. Подобно шагам Командора, приближение возмездия в этих романах медленно, но неотвратимо.

Ещё одна ассоциация, которая связывает образы персонажей этих романов, эта та память, которую они оставили о себе. Согласно легенде, Авессалом при жизни построил себе памятник в форме мраморного столба, аргументируя это тем, что у него нет наследника, который бы мог сохранить память о нём. Но после его смерти у паломников всех вероисповеданий было обыкновение, проходя мимо Авессаломова столба, кидать в него камень. Можно предположить, что Авессалом в своём честолюбии не так представлял себе, какой будет память о нём. Подобно ему, герои этих романов, совершая преступление, надеялись, что будущее забудет о прошлом. Но у истории свой суд, и усилиями потомков она хранит память о преступлениях, равно как и о заслугах.

Статья поступила в редакцию 20.04.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова К. М. XVIII столетие. Рождение американской мечты (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина). М.: МГОУ, 2010. 250 с.
2. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 294 с.
3. Casero E. Designing Sutpen: Narrative and Its Relationship to Historical Consciousness in Faulkner's "Absalom, Absalom!" // *The Southern Literary Journal*. 2011. Vol. 44. № 1. P. 86–102.
4. Symposium on "Absalom, Absalom!" / M. R. Ford, R. Locke, K. Michaels, A. Frame, B. Wineapple, C. A. Thompson // *The Threepenny Review*. 2013. № 133. P. 16–19.
5. Kaplan Ch. Jack Burden: Modern Ishmael // *College English*. 1960. Vol. 22. № 1. P. 19–24.
6. Kerr E. M. Polarity of Themes in "All the King's Men" // *Modern Fiction Studies*. 1960. Vol. 6. № 1. P. 25–46.

REFERENCES

1. Baranova K. M. *XVIII stoletie. Rozhdenie amerikanskoi mechy (tvorchestvo Dzh. Edvardsa i B. Franklina)* [18th Century. The Birth of the American Dream (Creativity of J. Edwards and B. Franklin)]. Moscow, Moscow Region State University Ed. off. Publ., 2010. 250 p.
2. Silantev I. V. *Poetika motiva* [Poetics of Motive]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2004. 294 p.
3. Casero E. Designing Sutpen: Narrative and Its Relationship to Historical Consciousness in Faulkner's "Absalom, Absalom!". In: *The Southern Literary Journal*, 2011, vol. 44, no. 1, pp. 86–102.
4. Ford M. R., Locke R., Michaels K., Frame A., Wineapple B., Thompson C. A. Symposium on "Absalom, Absalom!". In: *The Threepenny Review*, 2013, no. 133, pp. 16–19.
5. Kaplan Ch. Jack Burden: Modern Ishmael. In: *College English*, 1960, vol. 22, no. 1, pp. 19–24.
6. Kerr E. M. Polarity of Themes in "All the King's Men". In: *Modern Fiction Studies*, 1960, vol. 6, no. 1, pp. 25–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савинич Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского государственного педагогического университета;
e-mail: s.savinich@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei S. Savinich – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of English Philology, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: s.savinich@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Савинич С. С. Мотив возмездия в романах У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» и Р. П. Уоррена «Вся королевская рать» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 98–104.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-98-104

FOR CITATION

Savinich S. S. The Motif of Retribution in the Novels "Absalom, Absalom!" by W. Faulkner and "All the King's Men" By R. P. Warren. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 98–104.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-98-104

УДК 82.0

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-105-111

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

Фесенко Э. Я.*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова**Филиал в г. Северодвинске**164500, Архангельская обл., г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установить, каковы современные взгляды на женскую прозу как феномен литературного процесса конца XX – начала XXI вв.

Процедура и методы. Рассмотрен ряд подходов к понятию *женская проза*. Используются описательный, сопоставительный методы, теоретико-множественный подход.

Результаты. Показано, что женская проза активно развивается и обладает рядом типичных признаков, проявляющихся не только как идиостилевые: экспрессивность и психологизм, внимание к внесюжетным элементам и притчевость, интертекстуальность и сочетание социального и глубоко личного, интимного, «жестокий реализм», лиризм и др.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа имеет практическое значение для формирования представления о гендерном типе прозы как эволюционирующем направлении в современной литературе.

Ключевые слова: женская проза, литературный процесс, ментальность, эволюционность, явление словесности

ON THE SPECIFICITY OF WOMEN'S PROSE

E. Fesenko*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov**Branch in Severodvinsk**ul. Kapitana Voronina 6, Severodvinsk 164500, Arkhangelsk Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of the study is to establish the modern views on women's prose as a phenomenon of the literature of the XX–XXI century.

Methodology. Several approaches to the concept of women's prose are considered. Use is made of descriptive and comparative methods, as well as of a set-theoretic approach.

Results. It is shown that women's prose is actively developing and has several typical features that manifest themselves not only as idiosyncratic ones: expressiveness, psychologism, attention to off-plot elements, parables, intertextuality, a combination of social and deeply personal, intimate, cruel realism, lyricism, etc.

Research implications. The work is of practical importance for the formation of an idea of the gender type of prose as an evolving direction in modern literature.

Keywords: female prose, literary process, mentality, evolutionary nature, the phenomenon of literature

Введение

В самом начале XX в. в обществе возникла необходимость в создании женского круга чтения, в частности книг для девочек. И появились книги Лидии Чарской, в которых рассматривались проблемы подростка, роман Анастасии Вербицкой «Ключи от счастья», который напоминал историю Золушки. Под мужским псевдонимом А. А. Алтаев биографические книги для детей создавала М. Ямщикова. Женская ментальность стала предметом интереса для Е. Нагродской. Всем этим книгам, конечно, был присущ элемент развлекательности.

Корней Чуковский с некоторой издёвкой писал о популярных романах Л. Чарской и А. Вербицкой, отмечая такие их черты, как «сентиментальность», «гламурный эстетизм», «формульное письмо, предусматривающее составление романов из готовых сюжетных, образных и стилистических блоков» [9, с. 123]. Для критиков они стали синонимами слов «дамскость» и «пошлость» [4]. При этом стало вполне очевидным, что литература ушла от того состояния, когда «женщина считалась только мотивом для создания художественных работ» [7, с. 68], которые долго относили к литературе «массовой», а в конце XX в. такие критики, как, например, Вячеслав Курицын, стали говорить о «серьёзной» дамской прозе, относя к ней произведения Ольги Славниковой и Людмилы Петрушевской, хотя Андрей Немзер продолжал писать об «умеренной и аккуратной дамской прозе», предназначенной для электричек и дач, несправедливо относя к ней даже произведения Людмилы Улицкой с её «эксплуатацией дамско-семейных тем» [9, с. 123].

Сергей Чупринин, напротив, стал выделять «житейскую прозу», относя к ней произведения Виктории Токаревой и Галины Щербаковой. В терминологическом словаре «Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям» в статье «Дамская проза» [9, с. 123] он размышлял о ней как о «явлении специфическом», при этом вы-

деляя особую группу произведений, которые ставят своей целью «сексуальное просвещение наших современниц», имея в виду книги Дили Еникеевой, Людмилы Матвеевой, многим критикам дававшим основание называть такую прозу «бабством». С. Чупринин определял её как «антифеминистичную по своей природе» [9, с. 124]. В статье «Качественная литература», где идёт речь о «внежанровой литературе», «серьёзной литературе», «традиционной литературе», к таковой отнесены, по утверждению одного из руководителей издательства «Эксмо» Олега Савича, с отметкой «литература для немногих» произведения Л. Улицкой [9, с. 198]. В терминологический словарь Сергея Чупринина включены и такие статьи с проблемно сформулированными заголовками, как «Гендерный подход в литературе, женская литература» [9, с. 108–111], «Феминизм в литературе, феминистская литература» [9, с. 603–605].

Понятие *женская проза* формировалось многие годы, но в научной обиход вошло в конце XX в., когда о нём заговорили как об особом явлении литературного процесса в период 1988–1992 гг. Несмотря на то, что в конце XX века женская проза приобрела новый статус, до сих пор появляются статьи критиков, обвиняющих её авторов «в мелкотемье», убеждённых в том, что темы «внутрисемейные отношения», «женщина и мужчина», «женщина и ребёнок», «одиночество», «любовь» именно таковы, т. к. в их интерпретации доминируют чувства. О каком «мелкотемье» можно говорить, если писателями поднимаются такие вопросы, как сложные взаимоотношения между разными поколениями, воспитание отношения растущего человека к родине, а зрелой личности – к правде и лжи, к экзистенциальной проблеме счастья, судьбы? Если в них есть выход на философско-религиозный уровень осмысления жизни героинь, хотя часто в оценке используется инструмент иронии и самоиронии? При этом равнодушие – ведущая черта языковой личности авторов женской прозы, достойная внимания.

Как видим, проблема статуса женской прозы, характеристика её вклада в формирование мировоззрения, литературного вкуса, социальной позиции адресата существует и требует оценки, равно как и закрепление номинирующего термина в литературоведении в качестве рабочего, осмысление эволюции этого понятия, с чем и связана актуальность настоящей работы и её новизна.

В использовании описательного метода и сопоставительного анализа позиций исследователей и критиков в качестве ведущего метода работы в рамках проблематики нам видится новизна предлагаемого материала. Проследить эволюцию понятия *женская проза* сквозь призму различных оценок с помощью данного метода – цель данной работы.

Эволюция термина *женская проза*

В 2000-х термин *женская проза* появился не только во многих статьях (М. Абашевой, О. Павлова, Е. Гессен, П. Басинского, М. Арбатовой и др. [7]), но и в учебном пособии Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого «Современная русская литература: 1950–1990-е гг.»¹.

В главе «Постмодернизм в 1980–1990-е годы» в одном из разделов его авторы размышляют о произведениях Татьяны Толстой «с изысканной сложностью и красотой их поэтики»², а в главе «Судьбы реалистической традиции» – о «новой женской прозе», представляющей «особое направление в неонатурализме», в котором переплетаются элементы сентиментализма и натурализма: «новый сентиментализм ищет язык, в котором телесные функции приобрели бы духовное значение»³.

По мнению А. Зорина, эта проза интересна «не только освещением прежде запретных тем – проституции... жестоко табуированных в высокой культуре или получающих в ней строго фиксированное

освещение; смерть и её физиология, болезнь, эротическое вожделение, в том числе и нетрадиционного типа, изнанка семейной жизни и любовных отношений, сексуальная неудовлетворенность, аборт, алкоголизм, бедность и борьба за физическое выживание и пр.» [3, с. 198–199; 11].

А по мнению Л. Н. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, «особое направление в неонатурализме представляет женская проза. Её манифестами стали произведения Людмилы Петрушевской, Светланы Василенко, Людмилы Улицкой, Марины Палей, Ирины Полянской, Нины Горлановой: “Важнейшей чертой этой прозы является то, что в ней “чернушный” хаос и повседневная война за выживание, как правило, разворачиваются вне особых социальных условий – напротив, “новая женская проза” обнажает кошмар внутри нормальной жизни: в любовных отношениях, в семейном быту... Именно в женской прозе происходит важная трансформация “чернухи”: открытая в этой прозе телесность создаёт почву для нео-сентименталистского течения 1900-х годов»⁴, когда «произошла серьёзная переакцентировка собственной сентименталистской традиции»⁵.

Они приводят в пример рассуждения американской исследовательницы Хелены Гошило, утверждающей, что «новаторство этой прозы состоит в том, что она разрушает традиционные для русской культуры идеальные представления о женской скромности, верности и жертвенности, выдвигая на первый план жизнь женского тела: новая “женская проза” полностью и без осуждения принимает сексуальное наслаждение женщины, подобно физическому аппетиту, обращается не только к сексуальности, но и к другим телесным процессам, как-то: к менструации, деторождению, описывая их спокойно и без умолчаний...» [12, р. 105–106]. Литература показала, что в жизнь женщины нередко вторгается насилие, от чего она страдает и физически, и духовно. И, по наблюдению

¹ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. М.: Академия, 2003. С. 686.

² Там же. С. 467.

³ Там же. С. 567.

⁴ Там же. С. 563–564.

⁵ Там же. С. 566.

Гошило, в женской прозе «центральным хронотопом» часто становится больница: «палата женской больницы уравнивается с микрокосмом женского сегмента общества» [12, р. 122]. Это стало темой очерков Марины Палей «Отделение пропащих», в которых автор утверждает экзистенциальную природу больницы, где остро встает проблема жизни и смерти, и её романа «Кабирия с Обводного канала», в котором тело Моньки Рыбной, бескорыстно раздающей мужчинам свою любовь, становится своеобразным, хотя и трагическим символом Вечной Природы. Сексуальность этой героини можно рассматривать как выход из одиночества, как поиск диалога с Другим.

Все критики отмечают архетипическую связь женской прозы с неосентиментализмом, ибо её героем часто становится «маленький человек» со своими душевными и физическими страданиями, к которому авторы испытывают сострадание из-за его неспособности осознать всё, что происходит вокруг него, а часто и в нём самом. Достаточно вспомнить Медею Л. Улицкой и Кабирию М. Палей. Об этом размышлял Борис Поплавский в работе «О смерти и жалости в “Числах”»¹. Не менее важной стала антитеза социальных страстей и сексуальной стороны жизни героинь женской прозы: в ней «телесность» выступает на первый план в результате глобального разочарования в разуме ... Тело же выступает как неотменимая подлинность ... Среди этих чувств самое почётное место занимает жалость, становящаяся синонимом гуманности»².

Попытки схематизировать литературный процесс рубежа XX–XXI в. привели его исследователей к мысли о несовершенстве привычных методик (по литературным направлениям, жанрам, стилям), т. к. определить авторскую индивидуальность

в какую-то «школу» или «направление» не просто: она сопротивляется, хотя устоялись такие термины, как «новый реализм», «жестокый реализм», «постреализм», «иная проза», «мистико-метафорическая проза». Сергей Чупринин прав, утверждая, что «время жёстких эстетических предпочтений и позиционно вкусовых размежеваний уже прошло» [10, с. 207]. Он убеждён, что все «изломы» (реализм, натурализм, концептуализм, постмодернизм) «рассыпались на писательские индивидуальности», а «реальностью» стало то, что книги стали важнее и интереснее «тенденций» потому, что «в цену вновь вошли неповторимость, штучный художественный опыт» [10, с. 207].

Эти наблюдения помогают понять и многокрасочный спектр женской прозы. Так, например, составители хрестоматии «Русская проза XX века»³ в рамках женской прозы в разделе «Женщины в игре без правил» (по названию романа Галины Щербаковой), размышляя о том, что и в литературный процесс начала XX века, обозначенного как Серебряный век, и в последние десятилетия его авторы внесли в культуру «свободу чувств, прелесть человеческой индивидуальности, тонкий эстетизм», по утверждению С. И. Тиминой, и «по праву заняли самые престижные позиции в литературном пространстве», так как это – «по-настоящему большая и серьёзная проза», в которой «реализуются художественные открытия на уровне стиля, сюжета, характеров ... совершается прорыв в новые эстетические сферы, поднимается плёнка литературы, осуществляется переход в культурное пространство XXI века»⁴. Не случайно в издательстве «Вагриус» издана особая серия прозы современных писательниц под названием «Женский почерк». Этот особый почерк, несомненно, присущ Т. Толстой и Л. Улицкой, Д. Рубиной и Н. Садур, Л. Петрушевской и М. Вишневецкой, О. Славниковой и

¹ Поплавский Б. Ю. Неизданное: Дневники. Статьи. Стихи. Письма / сост., комм. А. Богословского, Е. Менегальдо. М.: Христианское изд-во, 1996. С. 263.

² Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. М.: Академия, 2003. С. 567.

³ Русская проза конца XX в.: хрестоматия: учебное пособие для студентов вузов / сост., вступ. ст. С. И. Тиминой. М.: СПб.: Academia, 2002. 638 с.

⁴ Там же. С. 11–12.

М. Палей, В. Токаревой и И. Полянской, Г. Щербаковой и Г. Яхиной, В. Нарбиковой и Е. Катишонок, Е. Некрасовой, М. Кучерской, М. Степановой.

И. М. Попова и Е. В. Любезная считают возможным «говорить об особой системе эстетического мировосприятия применительно к “женской прозе” рубежа веков, образующей целостное культурное пространство» [8, с. 1020], соглашаясь с точкой зрения Л. Ф. Алексеевой в том, что в него входят произведения, «несущие и традиционную функцию нравственного воспоминания, и эстетически эпатажную постмодернистскую ... тенденцию»¹. Данное умозаключение, по мнению указанных исследователей, обусловлено сочетанием ряда факторов: авторами этих книг являются женщины, как и их героини; их проблематика всегда связана с женской судьбой, а главное в них – это взгляд на мир с точки зрения женщины, с учётом специфики женской психологии. Героиня этой прозы – человек, часто задумывающийся над «вечными» вопросами бытия. На пути к душевному совершенству героиня женской прозы может пройти через драматические, а порой и трагические испытания, при этом стать ещё сильнее. Это указывает на проявление в женской прозе психологизма, чертами которого в литературных произведениях признают «относительно простое развитие сюжета; симпатии и антипатии автора по отношению к своим героям; включение в текст бытовых бесед, сентиментальная психологическая установка автора» [1, с. 201; 2]. К особенностям современной женской прозы также относится организация сюжета, в котором превалирует анализ и комментарий происходящих событий, большое внимание к внесюжетным элементам – портрету, интерьеру, пейзажу, отступлениям [6, с. 102–104]. Так, Татьяна Толстая в сборники своих рассказов включает и эссе, и очерки, позиционируя их как художественную

прозу, так как это фиксирует и движение души, и работу мысли.

Женской прозе, кроме гендерного характера [10, с. 74], присущи «публицистичность, злободневность, усиленная экспрессивность» [1, с. 202]. Её авторы не могут не учитывать исторического опыта трагического XX в. Они стремятся противостоять дисгармонии жизни общества и отдельного человека. Это актуализируется в произведениях Татьяны Толстой («Соня» и «На золотом конце сидели...»), Людмилы Улицкой («Девочки»), в сборниках Виктории Токаревой («Казино»), в романах Дины Рубиной («Белая голубка Кордовы», «Русская канарейка», «Наполеонов обоз») и др. Через призму восприятия женщинами история становится осязаемой. События из частной жизни в них перемешаются с событиями жизни общественной. Сюжет любовного романа может разворачиваться в современности или на историческом фоне. В этом художественная женская проза сближается с документальной, особенно с жанром дневников. Такие черты, как исповедальность, самоанализ, определённый субъективизм в изложении рассказанных историй, авторский комментарий, ёмкость мысли, афористичность языка и многое другое отличают дневники Л. В. Шапориной, Л. К. Чуковской, И. И. Эренбург, О. Берггольц, М. Васильчиковой. Благодаря их текстам зазвучали голоса женщин в истории.

Заключение

Женскую прозу отличает интертекстуальность, актуализируемая в большом количестве исторических и культурных отсылок. Пример – роман Т. Толстой «Кысь», в котором автор обращается не только к классическим текстам русской литературы, но и к фольклору, и к мифологии, и к Библии с их архетипической основой. К текстам Библии и фольклорным текстам обращались М. Вишневецкая и Л. Петрушевская. У В. Токаревой аллюзии нередко наполняются иронией. Использование притчевых элементов при-

¹ Алексеева Л. Ф. Литературная жизнь 1970–2000-х гг. // История русской литературы XX века: учебное пособие: в 4 кн. / под ред. Л. Ф. Алексеевой. Кн. 4: 1970–2000 годы. М.: Высшая школа, 2008. С. 13.

водит к мифологизации действительности в литературных произведениях, выражающейся в метафоризации языка, в насыщении их символами и иносказаниями. При этом может измениться даже интонация повествования.

Язык произведений женской прозы зависит и от жанра, к которому обращается автор, – это может быть социально-психологический или сентиментальный роман (повесть). Индивидуальный стиль проявляется в использовании, например, элементов и «жесткого реализма», и «неосентиментализма», и «натурализма» при описании бытовых деталей жизни. «Жесткий реализм» может соединяться даже с тонким лиризмом.

Необходимо выявлять закономерности художественных миров наиболее талантливых представителей женской прозы, т. к. справедливо замечала Т. Морозова, «женской литературе принадлежит будущее, а может быть, уже и настоящее»¹. Правда, критик В. Киликов считал, что «настаивать на типологических отличиях “женской” литературы неосторожно. Хорошая проза хороша как таковая, как явление словесности» [5, с. 169–197], с чем также можно согласиться, не оставляя данный круг произведений без внимания как перспективный для изучения в XXI в. – в новых условиях непрерывно изменяющейся жизни.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022.

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Антипина Е. С., Гилева А. М. Феномен «женской прозы» в современной русской литературе // *Global and Regional Research*. 2020. Т. 2. № 3. С. 199–204.
2. Горжая А. А. Психологическая женская проза как объект исследования // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 2. С. 175–181.
3. Зорин А. Круче, круче, круче... История победы: Чернуха в культуре последних лет // *Знамя*. 1992. № 10. С. 198–199.
4. Иванова Н. Неопалимый голубок. «Пошлость» как эстетический феномен // *Знамя*. 1991. № 8. С. 211–223.
5. Киликов В. О женском в современной литературе // *Литературная учёба*. 1996. № 4. С. 69–197.
6. Колондаева Н. А. Архетип ленинградской квартиры в романах Е. С. Чижовой // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2021. № 5. С. 100–105.
7. Московкина Е. А. К вопросу о «женской прозе» в новейшей русской литературе // *Приоритетные направления развития науки, техники и технологий: Материалы Международной научно-практической конференции, Кемерово, 29 февраля 2016 г.* Кемерово: Западно-Сибирский научный центр, 2016. С. 206–211.
8. Попова И. М., Любезная Е. В. Феномен современной «женской прозы» // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2008. Т. 14. № 4. С. 1020–1024.
9. Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. 768 с.
10. Чупринин С. Тринадцатое мнение, или «Знамя» после 1996 года // *Знамя*. 1997. № 1. С. 205–211.
11. Эпштейн М. Прото-, или Конец постмодернизма // *Знамя*. 1996. № 3. С. 196–209.
12. Goscilo H. *Dehexing Sex: Russian Womanhood During and After Glasnost*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. 183 p.

REFERENCES

1. Antipina E. S., Gileva A. M. [The Phenomenon of “Women’s Prose” in Modern Russian Literature]. In: *Global and Regional Research*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 199–204.
2. Gorzhaya A. A. [Psychological Female Prose as an Object of Research]. In: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Legal Research], 2020, no. 2, pp. 175–181.
3. Zorin A. [Cooler, Cooler, Cooler... The History of Victory: Gallows Humor in the Culture of Recent Years]. In: *Znamya* [Banner], 1992, no. 10, pp. 198–199.
4. Ivanova N. [Burning Dove. “Vulgarity” as an Aesthetic Phenomenon]. In: *Znamya* [Banner], 1991, no. 8, pp. 211–223.

¹ Морозова Т. Дама в красном и дама в чёрном // *Литературная газета*. 1994. № 26. С. 4.

5. Kilyakov V. [About Women in Modern Literature]. In: *Literaturnaya ucheba* [Literary Studies], 1996, no. 4, pp. 69–197.
6. Kolondaeva N. A. [The Archetype of the Leningrad Apartment in the Novels of E. S. Chizhova]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2021, no. 5, pp. 100–105.
7. Moskovkina E. A. [On the Issue of “Women’s Prose” in the Latest Russian Literature]. In: *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki, tekhniki i tekhnologii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kemerovo, 29 fevralya 2016 g.* [Priority Directions for the Development of Science, Technology and Technology: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kemerovo, February 29, 2016]. Kemerovo, West Siberian Scientific Center Publ., 2016, pp. 206–211.
8. Popova I. M., Lyubeznaya E. V. [Phenomena of “Women’s Prose”]. In: *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tambov State Technical University], 2008, vol. 14, no. 4, pp. 1020–1024.
9. Chuprinin S. *Russkaya literatura segodnya: Zhizn po ponyatiyam* [Russian Literature Today: Life by the Codes]. Moscow, Vremya Publ., 2007. 768 p.
10. Chuprinin S. [The Thirteenth Opinion, or the “Banner” after 1996]. In: *Znamya* [Banner], 1997, no. 1, pp. 205–211.
11. Epshtein M. [Proto-, or the End of Postmodernism]. In: *Znamya* [Banner], 1996, no. 3, pp. 196–209.
12. Gosילו H. Dehexing Sex: Russian Womanhood During and After Glasnost. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1996. 183 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фесенко Эмилия Яковлевна – кандидат филологических наук, профессор, доцент кафедры литературы и русского языка филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске;
e-mail: e.fesenko@narfu.ru; ORCID: 0000-0002-2834-3860

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emilia Ya. Fesenko – Cand. Sci. (Philological Sciences), Prof., Associate Prof., Department of Literature and Russian Language, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Branch in Severodvinsk;
e-mail: e.fesenko@narfu.ru; ORCID: 0000-0002-2834-3860

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фесенко Э. Я. К вопросу о специфике женской прозы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 105–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-105-111

FOR CITATION

Fesenko E. Ya. On the Specificity of Women’s Prose. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 105–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-105-111

УДК 821.111

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-112-117

ПЕРЕПИСКА ГОВАРДА ФАСТА С СОВЕТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ: ДИАЛОГ О ЛИТЕРАТУРЕ

Щербинина О. И.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Проанализировать переписку Говарда Фаста с советскими писателями и выявить динамику изменения его литературных оценок.

Процедура и методы. Произведён сбор архивных материалов. Освоен историко-литературный материал, включающий в себя документы, сохранившиеся в фондах РГАЛИ, материалы советской и американской прессы, литературную критику, мемуарные и автобиографические источники. Примеры из переписки Г. Фаста с двумя советскими писателями – П. Павленко и Б. Изаковым – позволяют продемонстрировать разницу между литературно-идеологическими установками эпохи сталинизма (начало 1950-х гг.) и оттепельного периода.

Результаты. Проведённый анализ показал, что эпистолярный диалог Г. Фаста и советских писателей о литературе служит иллюстрацией радикальной смены его эстетических ориентиров, произошедшей после выхода из компартии США.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в изучение литературных контактов американских левых писателей с СССР.

Ключевые слова: история американской литературы, левое движение, переписка, советско-американские литературные связи, Г. Фаст

HOWARD FAST'S CORRESPONDENCE WITH SOVIET WRITERS: CONVERSATION ABOUT LITERATURE

O. Shcherbinina*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation***Abstract**

Aim. The purpose of the paper is to analyze Howard Fast's correspondence with Soviet writers and track down the changes of his literary assessments.

Methodology. The historical and literary context has been restored based on archival materials. Documents deposited in the funds of the RGALI and other Moscow archives, Soviet and American press, memoirs and autobiographical sources have been carefully examined. Representative examples from Fast's correspondence with two Soviet writers, namely P. Pavlenko and B. Izakov, demonstrate how literary and ideological policies differed in the Stalinist era (early 1950s) and the thaw period.

Results. The analysis showed that Fast's letters to Soviet writers in which he addressed literary issues serve as an illustration of the radical changes in his aesthetic attitudes that took place when he left the US Communist Party.

Research implications. The results contribute to the study of literary contacts between left American writers and the USSR.

Keywords: history of American literature, left movement, correspondence, Soviet-American literary relations, H. Fast

Введение

В Советском Союзе американский писатель Говард Фаст (1914–2003) приобрёл популярность в конце 1940-х гг., когда на русском языке были напечатаны его романы «Последняя граница» (1948) и «Дорога свободы» (1949). Публикации этих романов в СССР предшествовала кропотливая работа советских критиков, присматривавшихся к творчеству Г. Фаста с середины 1940-х гг. Среди их рабочей документации мы находим обзоры американских рецензий на романы Г. Фаста¹ и письма автору по поводу издания его произведений². Г. Фаст также вёл переписку с советскими писателями, глубоко интегрированными в партийную систему и определявшими современную литературную повестку. Б. Полевой, П. Павленко, А. Фадеев, К. Симонов входили в ряд многочисленных советских корреспондентов Г. Фаста, чьи письма сохранились в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ).

Эти обширные материалы до сих пор не выведены из архивов. Исключение составляет инспирированная ЦК переписка Б. Полевого с Г. Фастом по поводу выхода последнего из компартии США: в 1992 г. А. Петров опубликовал фрагменты этой переписки [3], затем появилось исследование «литературного разрыва» Г. Фаста с СССР Г. Костырченко [2], основанное на материалах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ); фонды РГАЛИ, однако, в нём не использовались. Цель настоящей работы – продолжить исследование контактов Г. Фаста с советскими писателями в переломный момент его биографии. Из всего массива эпистолярия мы выбрали примеры из переписки Г. Фаста с П. А. Павленко и Б. Р. Изаковым, которые ярко демонстрируют сложность процесса смены идеологических и эстетических установок, про-

текавшего в 1950-х гг. и в советских, и в левых американских литературных кругах.

Водоразделом в диалоге Г. Фаста с советскими коллегами по цеху стал его отход от коммунизма в 1957 г. До этого момента эстетические суждения Г. Фаста формировались в русле левой американской культуры, подводные течения которой были не всегда очевидны в СССР, о чём, в частности, свидетельствует переписка Г. Фаста с П. А. Павленко.

Переписка с П. А. Павленко

С лауреатом четырёх Сталинских премий, писателем-классиком сталинской эпохи Петром Андреевичем Павленко (1899–1951) Г. Фаст познакомился в 1949 г., когда тот прибыл в Нью-Йорк на Конгресс в защиту мира [4]. Вскоре по возвращении в Москву П. Павленко вступил в переписку со своим новым американским знакомым, продлившуюся всего два года. В самом раннем сохранившемся письме от 12 октября 1949 г. мы находим простран- ный комментарий Г. Фаста о ситуации в англоязычном литературном мире: «Что касается книги Сакстона³, то, несомненно, она имеет для нас, в Америке, больше значения, чем для вас. Видите ли, помимо моей книги “Кларктон”⁴, это – первый роман за последние 10 лет, изображающий в качестве героя коммуниста. Само по себе это не столь уж малая заслуга писателя. ... Я хотел бы порекомендовать новый роман английского писателя по имени Гуин Томас. Роман называется “Листья по ветру” и представляет собою произведение прекрасное и имеющее огромное значение для рабочего класса во всем мире»⁵.

В этом письме как в зеркале отражаются литературные оценки, типичные для Г. Фаста, который выступает в американском контексте как «коммунист-консерватор». В конце 1940-х гг. «пролетарский роман» в США стал менее востребованным

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3772а; Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3783.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1169.

³ Роман Александра Сакстона «Большая Среднезападная» (The Great Midland, 1948, рус. пер. 1949).

⁴ «Кларктон» (“Clarkton”, 1947, рус. пер. 1950) – роман Фаста о забастовке в маленьком городке.

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3778.

даже среди авторов – членов компартии. «Красные тридцатые», породившие значительные образцы этого жанра, были далеко позади. Однако в «Кларктоне» Г. Фаст возвращается к теме «стачки», которая в конце 1940-х гг. выглядела анахронизмом [9]. Напротив, в СССР эта проблематика не казалась устаревшей, и подобные романы¹ печатались большими тиражами даже в 1950-е гг. Потому П. А. Павленко и не мог оценить «Большую Среднезападную» А. Сакстона как явление обособленное и значительное – а именно таким оно казалось Г. Фасту, наблюдавшему, как жанр пролетарского романа умирает в США. «Листья по ветру» (*Leaves in the Wind*, 1949) малоизвестного валлийского писателя Гвина Томаса (1913–1981) – сочинение, которое современные исследователи квалифицируют как «производственный роман» (*industrial fiction*) [10] – относится к той же традиции, что «Большая Среднезападная» и «Кларктон». Сам Г. Фаст так оценивал «Листья по ветру»: «Томас описывает первые стихийные выступления уэльских рабочих сталелитейных заводов. Несмотря на серьёзные недостатки, эта книга представляет большой шаг вперёд по пути к реалистическому пониманию истории ... для Томаса путём к реализму были история и фольклор его родного Уэльса» [5, с. 227].

Таким образом, литературные вкусы Г. Фаста в начале 1950-х гг. вполне соответствовали советским установкам, а в американском контексте смотрелись как анахронизм – но для Г. Фаста это была осознанная позиция. Он по-прежнему писал в тематическом и стилевом диапазоне «красных тридцатых» и приветствовал авторов со схожими эстетическими пристрастиями.

Более детальную оценку литературного процесса Г. Фаст предпринимает в этот период в своей публицистической книге «Литература и действительность» (*Literature and Reality*, 1950). Отрывки из книги были напечатаны на русском языке

[5], а её приватное обсуждение мы находим в переписке с П. А. Павленко.

Умеренно-консервативными кругами США книга была воспринята крайне негативно², поскольку эстетические построения Г. Фаста ограничились повторением и вульгаризацией устаревших догм социального реализма. П. А. Павленко тоже критикует книгу Г. Фаста, отмечая в письме от 30 марта 1951 г.³ чрезмерный пессимизм Г. Фаста, который не уделяет должного внимания достижениям «многочисленной и весомой группы» писателей, таких, как А. Мальц, А. Кан, А. Сакстон.

Со скоропостижной кончиной П. А. Павленко в июне 1951 г. завершилась эта переписка, иллюстрирующая мировоззренческие и эстетические установки Г. Фаста как правоверного коммуниста.

«Кронштадтский мятеж»

После XX съезда КПСС Г. Фаст, как и многие левые американские интеллектуалы, начинавшие со сталинистских позиций, отказался от поддержки социализма в его советском изводе. Этот феномен послевоенного отхода бывших коммунистов, «попутчиков» и друзей СССР от прежних взглядов, массового разочарования западной интеллигенции в советском эксперименте получил название «кронштадтского мятежа» [11].

1 февраля 1957 г. в «New York Times» появилось интервью Г. Фаста по поводу его выхода из компартии, впоследствии растиражированное прессой⁴. За выходом из КП США последовала и ревизия прежних эстетических взглядов. Если раньше Г. Фаст утверждал, что под руководством компартии советские писатели правдиво изображают реальность [8], теперь он взял свои слова обратно и стал критиковать царящие в советской литературе «викторианское ханжество» (то, с чем боролись писатели-нонконформисты в США от

¹ К подобным произведениям относятся, например, «Железный город» Л. Брауна (1951, рус. пер. 1953), «Глубинный источник» (1940, рус. пер. 1949) А. Мальца.

² Geary J. Howard Fast. *Literature and Reality*. A Review // *The New York Times Book Review*. 1950. Jan. 29.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3778.

⁴ Schwartz H. *Reds Renounced* by Howard Fast // *New York Times*. 1957. Feb. 1.

натуралистов до коммунистов), застой, скуку и посредственность. Демонстрируя близкое знакомство с ключевыми произведениями советской эпохи, Г. Фаст ука-зывает: «В книге Полевого “Повесть о на-стоящем человеке” нет и намёка на то, чем живёт “настоящий человек”; однажды ве-чером у себя дома я спросил его лично, как он осмелился написать неправдоподобную ханжескую сцену, развернувшуюся ночью в доме медсестры, и опустить любовь и секс до уровня Полли Питтэйлс¹. Он по-жал плечами, робко улыбнулся и сказал: “Нашим людям это нравится”» [7, p 22].

Кроме того, Г. Фаст выразил недоволь-ство советской цензурой и тем, что, по всей вероятности, в его переписку с советскими корреспондентами вмешивались «третьи лица». Об этих подозрениях он, в частно-сти, сообщил Борису Романовичу Изакову (1903–1988), писателю и многолетнему корреспонденту «Правды», с которым по-знакомился во время приезда советской писательской делегации в США в 1955 г.² Послание Б. Изакову от 15 февраля 1957 г. Г. Фаст начинает так: «Дорогой Борис, не знаю, разумно ли, с Вашей точки зрения то, что я пишу Вам письмо... надеюсь, пре-жде всего, что страх не мешает Вам от-ветить мне. На протяжении десяти лет в условиях неослабного давления и террора я писал, что хотел и кому хотел. Надеюсь, Вы можете поступить так же»³.

В ответном письме от 20 марта Б. Р. Изаков выражал своё негодование: «Вы пишете, что страх – да, именно страх! – может помешать тому, чтобы я Вам писал. Такое предположение, Говард, звучит для меня не только обидно – ведь я не давал

Вам оснований сомневаться в моей чест-ности – такое предположение звучит для меня как-то дико... У нас продолжают пе-чататься Ваши книги, как впрочем, книги таких людей, как Сартр (на этой неделе я смотрел в одном из крупнейших москов-ских театров его пьесу⁴)»⁵.

Несмотря на призыв Г. Фаста оставаться друзьями, Б. Р. Изаков не замедлил с пуб-личной отповедью, поучаствовав в кампа-нии по разоблачению «Фаста-флюгера», которая велась не только в идеологиче-ском, но и в эстетическом плане. Он подго-товил разгромную статью; она не вышла в печати, однако некоторые её тезисы легли в основу другого материала, опубликован-ного в «Иностранной литературе» [1]. В первоначальной версии статьи Б. Р. Изаков цитировал полученное им письмо Г. Фаста от 7 марта 1956 г., где тот резко высказы-вался о Хемингуэе: «...боюсь, что я могу только презирать Хемингуэя как челове-ка ... Хемингуэй просто хитрый и часто смешной жонглёр словами (manipulator of words) ... В “Старике и море” он, по-моему, оппортунистически избрал не рабочего, а живописную фигуру, при помощи которой он может пустить в ход особую словес-ную пиротехнику ... Я не верю ни в речь, ни в поступки старика. Я считаю выбор Хемингуэем темы и материала отврати-тельным (rather damnable). ... Это большой любитель странного – того особого фети-ша, который щекочет чувства зажиточных американцев, покупающих и читающих его книги. Подлинный человек, подлинная личность здесь отсутствуют»⁶. Б. Р. Изаков (бывший, кстати, одним из переводчиков Хемингуэя⁷) подчёркивал, что старался переубедить Г. Фаста: «Мне пришлось из-ложить ему свой взгляд на творчество Хемингуэя и на великолепную по силе ху-

¹ Полли Питтэйлс – девочка-подросток, героиня се-рии комиксов, чью целевую аудиторию составляли девочки 7–12 лет.

² Знаменитая поездка в США по приглашению Госдепартамента семерых советских писате-лей и журналистов (Б. Н. Полевой, Б. Р. Изаков, А. И. Аджубей, Н. М. Грибачев, А. В. Софронов, В. В. Полторацкий, В. М. Бережков). Делегаты по-бывали в гостях у Г. Фаста; эта встреча описана в американских травелогах Полевого («Американские дневники»), Аджубея («Серебряная кошка»), Грибачева («Семеро в Америке»), изданных в 1956 г.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3921.

⁴ В Театре имени Моссовета пьеса Ж.-П. Сартра «Почтительная проститутка» (La Putain respectueuse, 1946), шла под названием «Лиззи Мак-Кей».

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3921.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. 686.

⁷ См.: Хемингуэй Э. Старик и море / пер. Е. Голышевой и Б. Изакова // Иностранная литература. 1955. № 3. С. 95–136; Хемингуэй Э. За рекой, в тени деревьев / пер. Е. Голышевой, Б. Изакова // Москва. 1960. № 7–9.

дожественной выразительности повести «Старик и море», в которой писатель устами своего героя, простого человека, сына труда, провозглашает столь близкую нам философию: бороться, бороться, не сдаваясь, покуда хватит сил. В интересах справедливости должен отметить, что Говард Фаст со мной согласился. Уже через месяц, 10 апреля, он писал: «Я склонен признать вашу точку зрения на Хемингуэя»¹.

Пассаж о Э. Хемингуэе не вошёл в напечатанную версию статьи Б. Р. Изакова, возможно, потому что «реабилитация» Э. Хемингуэя в СССР после сталинской антиамериканской кампании, развязанной в 1946 г. в связи с началом холодной войны, началась совсем недавно – с выходом в русском переводе повести «Старик и море» (1955). В 1956 г. Г. Фаст, ещё будучи членом партии, согласовывал свои литературные оценки «опального Хемингуэя» с партийной цензурой. А в 1957 г. Б. Р. Изаков уже вменяет это в вину Г. Фасту как «пагубную прямолинейность и отсутствие гибкости, узость в постановке вопросов и определении целей»².

Несмотря на то, что переписка Г. Фаста с Изаковым велась в оттепельный период, её отличает непримиримость, категоричность и резкость. Советская сторона была в ярости от того, что Г. Фаст – лауреат Сталинской премии (1953), чьи произведения печатались миллионными тиражами в СССР, когда в США все коммерческие издания закрыли перед ним двери [6], не только покинул ряды КП США, но и выступил с публичной критикой советского режима в книге «Голый бог» [7], разоблачая не просто «культ личности», но коммунизм и компартию.

Заключение

Диалог Г. Фаста о литературе с советскими писателями П. А. Павленко и Б. Р. Изаковым служит иллюстрацией непростого процесса смены эстетических установок и переоценки ценностей.

До 1957 г. Г. Фаст в своих литературных оценках пользовался терминологическим аппаратом советских критиков, превознося произведения с острой классовой проблематикой несмотря на то, что с концом «красных тридцатых» они воспринимались в США как анахронизм. Однако в советских корреспондентах он находил единомышленников, с энтузиазмом встречавших американские романы о рабочих, стачках, забастовках.

После 1957 г. Г. Фаст переоценил значение советской литературы, отметив, что «любой, кому хватит терпения и времени, прочитать около сотни русских романов», заметит, как живость и оригинальность 1920-1930-х гг. сменилась пошлой посредственностью послевоенного периода [7, р. 121]. Однако то, что Г. Фаст вменял в вину советской литературе, относилось и к нему самому. Его произведения 1950-х гг. «Кларктон», «Подвиг Сакко и Ванцетти» (1953; рус. пер. 1954), «Сайлас Тимбермен» (1954; рус. пер. 1955) из-за излишней тенденциозности и идеологичности казались американцам такой же «галиматьей» [7, р. 121], какой Г. Фасту, после разочарования в коммунизме, виделась почти вся современная ему советская литература. В ответ бывшие советские друзья Г. Фаста, также вступившие с началом оттепели в эпоху перемен, осуждали его за слишком радикальную смену идеологических установок и одновременно – за отсталость и косность его эстетических принципов.

От этих принципов Г. Фаст в итоге отказался: в «посткоммунистический» период творчества он возвратился к жанру исторического романа, с которого начинал свой путь в литературу. Он писал об эпохе античности («Дочь Агриппы», 1964), средневековой инквизиции («Торквемада», 1966), американской революции («Гессиян», 1972), а в 1980-х гг. создал знаменитую пенталогию «Иммигранты», успешно экранизированную Голливудом.

Статья поступила в редакцию 16.07.2021.

¹ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. хр. 686.

² РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. хр. 686.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изаков Б. Две исповеди Говарда Фаста // Иностранная литература. 1958. № 2. С. 214–220.
2. Костырченко Г. «Эх, Говард!...» // Лехаим. 2009. № 8 (208). URL: <https://lechaim.ru> (дата обращения: 10.07.2021).
3. Петров А. «Эх, Говард!» (История одного неотправленного письма) // Знамя. 1992. № 8. С. 163–186.
4. Спутница Н. Ю. «А дамы измучены модами». Комментарий кинематографиста к политическому пейзажу «холодной войны» // Телекинет. 2019. № 1 (6). С. 13–20.
5. Фаст Г. Литература и действительность / пер. с англ. // Новый мир. 1950. № 12. С. 213–239.
6. Deery P. Red Apple: Communism and McCarthyism in Cold War New York. New York: Fordham University Press, 2016. 268 p.
7. Fast H. Naked God. New York: Frederick A. Praeger, Inc. 1957. 197 p.
8. Fast H. Realism and the Soviet Novel // New Masses. 1945. Vol. 57. № 11. P. 15–16.
9. Foley B. Proletarian Literature // A Companion to American Literature / ed. S. Belasco, T. Strouth Gaul, L. Johnson, M. Soto. Vol. 3. New York: Wiley-Blackwell, 2020. P. 173–186.
10. Knight S. Industrial Fiction // The Cambridge History of Welsh Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 388–404.
11. The God that Failed / ed. R. Crossman. New York: Bantam Books, 1949. 273 p.

REFERENCES

1. Izakov B. [Two Confessions of Howard Fast]. In: *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1958, no. 2, pp. 214–220.
2. Kostyrchenko G. [“Oh, Howard!...”]. In: *Lekhaim* [Lechaim], 2009, no. 8 (208). Available at: <https://lechaim.ru> (accessed: 10.07.2021).
3. Petrov A. [“Oh, Howard!” (The Story of One Unsent Letter)]. In: *Znamiya* [Banner], 1992, no. 8, pp. 163–186.
4. Sputnickaya N. Yu. [“And the Ladies are Exhausted by Fashion.”]. In: *Telekinet* [Telekinet], 2019, no. 1 (6), pp. 13–20.
5. Fast H. Literature and Reality (Rus. ed.: *Literatura i deistvitel'nost*). In: *Novyi mir* [New World], 1950, no. 12, pp. 213–239.
6. Deery P. Red Apple: Communism and McCarthyism in Cold War New York. New York, Fordham University Press, 2016. 268 p.
7. Fast H. Naked God. New York, Frederick A. Praeger, Inc. 1957. 197 p.
8. Fast H. Realism and the Soviet Novel. In: *New Masses*, 1945, vol. 57, no. 11, pp. 15–16.
9. Foley B. Proletarian Literature. In: Belasco S., Strouth Gaul T., Johnson L., Soto M. A Companion to American Literature. Vol. 3. New York, Wiley-Blackwell, 2020, pp. 173–186.
10. Knight S. Industrial Fiction. In: *The Cambridge History of Welsh Literature*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019, pp. 388–404.
11. Crossman R., ed. The God that Failed. New York, Bantam Books, 1949. 273 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербинина Ольга Ивановна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
email: olga-scherbinina24@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Shcherbinina – Postgraduate Student, Department of History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University;
email: olga-scherbinina24@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щербинина О. И. Переписка Говарда Фаста с советскими писателями: диалог о литературе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 112–117. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-112-117

FOR CITATION

Shcherbinina O. I. Howard Fast's Correspondence with Soviet Writers: Conversation about Literature. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 3, pp. 112–117. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-112-117

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-118-121

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ И. А. КОРОЛЕВОЙ «ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ОНОМАСТИКА СМОЛЕНСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ». СМОЛЕНСК: ПРИНТ-ЭКСПРЕСС, 2021. 190 С.

Леденёва В. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

REVIEW OF I. A. KOROLEVA'S MONOGRAPH "LANGUAGE AND CULTURE: ONOMASTICS OF THE SMOLENSKO-BELARUSIAN BORDER REGION". SMOLENSK, PRINT-EXPRESS, 2021. 190 P.

V. Ledeneva

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Монография доктора филологических наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы РФ, профессора кафедры русского языка Смоленского государственного университета И. А. Королевой с научно точным, указывающим на актуальную проблематику названием «Язык и культура: ономастика смоленско-белорусского приграничья» посвящена изучению онимов как культурно и исторически значимых единиц, представляющих коды культуры, которые сложились в результате взаимодействия народов, населявших в различные периоды и живущих ныне на территории русско-белорусского приграничья. Этот труд отражает более чем тридцатилетний опыт «приграничных исследований» И. А. Королевой – пристального рассмотрения учёным сквозь призму ономастики «особого исторического и географического пространства»¹, исторически общей территории для близкородственных народов², лингвистическими вехами в котором служат прежде всего топонимы и антропонимы.

Автором осмыслена в синхронно-диахронном плане сложная языковая ситуация, сформированная под влиянием исторических перемещений границ регионов. На характере языковой ситуации сказались также особенности культуры приграничья, специфика коммуникации в диалектной среде, тенденции формирования ментальности мигрирующего населения. Смоленщине с её героической судьбой уделено главное внимание в этой актуальной и, несомненно, имеющей высокую общественную значимость работе.

В первой части монографии «Актуальные проблемы изучения смоленско-белорусского приграничья»³ И. А. Королева предлагает исторический очерк о Смоленском крае, затрагивает историю формирования его говоров, рассматривает различные факторы,

¹ Королева И. А. Язык и культура: ономастика смоленско-белорусского приграничья. Смоленск: Принт-экспресс, 2021. С. 5, 7.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 8–57.

оказавшие влияние на состав имён собственных как социально-культурного феномена русско-белорусского приграничья с полиэтническим населением¹. Ценным представляется вывод учёного о том, что специфику межкультурной коммуникации в приграничье определяют две тенденции: процесс глобализации – с одной стороны, локализации этнических сообществ – с другой.

Во второй части «Топонимическая составляющая в изучении смоленско-белорусского приграничья»² на высоком научном уровне характеризуется область региональной топонимики в её современном состоянии, представляются достижения Смоленской ономастической школы, раскрываются обладающие новизной разработки автора.

И. А. Королевой продемонстрированы модели описания топонимов как результат её работы над базой данных «Топонимия России» по Смоленскому региону (*Красный, Гнёздово, Катынь, Рославль* и т. д.³). Наглядно, в форме таблиц, презентуются эти материалы. Живо и увлекательно описаны топонимы (*Рославль, Монастырщина, Хиславичи, Шумячи*⁴) в научно-популярном аспекте, чем поддерживается интерес к краеведению, способствующий развитию познавательной активности обучающихся не только в вузах, но и в школах.

На материале топонимов Рославльского района Смоленской области И. А. Королевой проанализировано информационное поле топонимической лексики, описан антропоморфный код культуры с опорой на 160 выявленных ойконимов – официальных названий сёл и деревень, мотивированных крестильными и некрестильными именами, прозвищами – отантропонимическими единицами: *Михайловка, Карпеевка, Большие Кириллы,*

Жилинки (от *Жила* – ‘скупец’), *Коханы* (*Кохан* – ‘любящий’) и др.⁵.

В монографии выполнен анализ ландшафтного кода культуры на основе 55 из 314 официальных географических названий, для формирования которых, как показала И. А. Королева, базой стали гидрографические объекты (*Ржавец, Водневка*), природные объекты-ориентиры (*Гореново* – от ‘гарь, горелое место’, *Зимницы* – от нарицательного существительного *зимница* – ‘временная зимняя дорога’), вербальные указания на болотистые, низинные места (*Амишарово* – от диал. *амишара* ‘болотистое место, поросшее мхом’) и др. Такие имена собственные демонстрируют тенденцию локализации объектов. Антропоцентрический вектор исследования этого ономастического материала нашёл отражение в важном выводе автора: «Человек всегда осознаёт себя в пространстве, которое членится им в соответствии с параметрами, позволяющими локализовать объекты»⁶. Подтверждением служат установленные И. А. Королевой антиномии, демонстрируемые топонимами: ближний – дальний (*Подруднянский, Заречье* и т. д.); передний – задний (*Забольшачье, Заплосское*); верх – низ (*Высоково, Нижняя Кравотынь* и т. д.); начало – конец (*Новоселки, Новая Буда, Старый Крупец, Старая Присмара* и др.). С последней группой имён собственных связан, согласно выводам исследователя, и временной код культуры (21 единица); он «реализуется и в тех названиях населённых пунктов, в составе которых есть цифры» (*Слободище-1, Слободище-2* и под.)⁷.

Топоморфный код культуры отражают ойконимы (18 выявленных автором онимов), связанные с религиозными объектами (*Троицкий, Новая Благовещенка* и т. п.), но всё же главной мотивацией для возникновения его репрезентантов И. А. Королева считает специфику концептуализации, а именно установление пространственных отношений объектов

¹ Королева И. А. Язык и культура: ономастика смоленско-белорусского приграничья. Смоленск: Принт-экспресс, 2021. С. 23–26, 40–44, 51 и др.

² Там же. С. 58–115.

³ Там же. С. 63–71.

⁴ Там же. С. 75–77.

⁵ Там же. С. 80–84.

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Там же. С. 86–87.

(населённый пункт *Колпеница* – левый приток Осетра *Колпеница*)¹.

Вызывает большой интерес анализ в монографии названий, репрезентирующих растительный (флористический) код культуры (*Боровцы, Дубровка, Липовка* и т. д. – всего 14 единиц). Ценны комментарии И. А. Королевой в отношении топонимов, благодаря которым «считываются» атрибутивный (*Грязенять, Красная Горка* – 14 единиц) и духовный коды культуры. Каждая такая топоним несёт в своей внутренней форме представления человека о добре и зле, хорошем и плохом как ценностных антропоцентрических смыслах (*деревня Хорошово, посёлок Добрый*, см. положительнооценочные по ингерентной коннотации советизмы *деревня Заря, деревня Красная Звезда* – 7 топонимов)².

Монография предлагает интересный и необходимый для раскрытия межкультурных связей в белорусско-русском приграничье ономастический анализ общих для смоленско-витебской топонимии единиц (*Буда, Зуи* и др.), как с диалектными, так и не с диалектными основами³, показывает важность этнонимов в культурном плане.

Большой интерес вызывает часть третьей работы «Антропонимическая система приграничья и её особенности»⁴, посвящённая анализу официальных идентификаторов человека в социуме – фамилий. И. А. Королевой дан глубокий анализ современных смоленских фамилий по происхождению (в том числе заимствованных⁵) и структуре. Приведён обширный список фамилий с диалектными основами и их варианты: *Атрошка (Атрошкевич, Атрошкин, Отрушко); Бавушин (Бавыкин, Бовыкин)* и т. д.⁶ В отношении многих единиц составлено полное описание – научное эссе, материал для словаря, что ценно для лексикографии. И. А. Королева опиралась

на различные авторитетные источники при квалификации каждого антропонима, и это обеспечивает достоверность выводов учёного.

Высокую компетентность исследователя демонстрирует анализ прозвищ как неофициальных, но социально значимых и отражающих особенности народной культуры общения антропонимов (см. *Хустка* – ‘о женщине, которая всегда ходит в белом чистом платочке’; *Цукерка* – ‘о красивой девушке’)⁷. И. А. Королева доказывает, что прозвища, как всякие индивидуальные обозначения, обладают предметной достоверностью и эмоциональностью, оценочны. Социально значимы лингвистические выводы И. А. Королевой о креативной природе прозвища, его культурной и эстетической ценности: «...Прозвища – плод коллективного творчества, мотивированного в какой-то мере прозвищным самосознанием, то есть способностью человека воспринимать прозвище. ... Прозвища связаны с культурой общественного сознания, коллектива, в котором они бытуют, с культурой личности...»⁸.

Монография И. А. Королевой ясно указывает на перспективность проводимых ономастических исследований, их межкультурную значимость, в том числе для дальнейшего изучения смоленско-витебского приграничья. Выводы монографии позволяют сказать, что при тесном сотрудничестве учёных русских и белорусских учебных заведений⁹ уже достигнуты успехи в образовательной и научной сферах, прежде всего, в области ономастических разысканий, лингво- и социокультурной их направленности. Исследования должны быть продолжены, поэтому профессору Инне Александровне Королевой хочется пожелать плодотворной работы и новых достижений.

¹ Королева И. А. Язык и культура: ономастика смоленско-белорусского приграничья. Смоленск: Принт-экспресс, 2021. С. 87.

² Там же. С. 88–89.

³ Там же. С. 90–93.

⁴ Там же. С. 115–167.

⁵ Там же. С. 145–148.

⁶ Там же. С. 136–138.

⁷ Там же. С. 164.

⁸ Там же. С. 169.

⁹ Там же. С. 6, 50–52, 99–110, 175–188.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;
e-mail: ledenevavv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of the Modern Russian Language named after P. Lekant, Moscow Region State University;
e-mail: ledenevavv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Леденёва В. В. Рецензия на монографию И. А. Королевой «Язык и культура: ономастика смоленско-белорусского приграничья». Смоленск: Принт-экспресс, 2021. 190 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 118–121.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-118-121

FOR CITATION

Ledeneva V. V. Review of I. A. Koroleva's Monograph "Language and Culture: Onomastics of the Smolensko-Belarusian Border Region". Smolensk, Print-Express, 2021. 190 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 118–121.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-118-121

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-122-125

УРАЛЬСКАЯ ШКОЛА КРЕАТИВА

Герасименко Н. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

URAL SCHOOL OF CREATIVITY

N. Gerasimenko

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Как известно, Урал всегда считался местом силы в нашей стране. Этому способствовало и географическое положение региона – центр соединения Европы и Азии, и глубокая история, богатая событиями, определяющими судьбу всей России, и несметные богатства, заложенные в эту землю природой. Известны культурные и научные достижения региона.

Одно из таких достижений – создание на базе Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия) научной школы доктора филологических наук профессора Татьяны Александровны Гридиной «Лингвистика креатива». Эта школа существует давно, она была создана в 2008 г. по инициативе Т. А. Гридиной и при поддержке гранта РГНФ. Теоретической базой нового направления стали монографии Т. А. Гридиной как автора идеи и основателя школы «Языковая игра: стереотип и творчество», «Языковая игра в художественном тексте», которые были высоко оценены лингвистическим сообществом. В центре внимания исследователей находятся разнообразные речевые практики, в том числе детская речь, медиадискурс, художественный текст и др.

Уже подготовлены и успешно работают в вузах и школах ученики, которые в свою очередь развивают творческие способности своих подопечных и прививают им любовь к русскому языку. Ежегодно проводится международная научная конференция «Лингвистика креатива», в рамках которой каждый раз определяется особое направление, новый ракурс исследований. Результаты публикуются в ежегоднике «Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива».

С 2009 по 2022 гг. под общей редакцией профессора Т. А. Гридиной издано пять коллективных монографий «Лингвистика креатива» (2009¹, 2013 – второе издание², 2012³, 2014⁴, 2018⁵, 2020⁶), в которых отражены актуальные исследования как отечественных,

¹ Лингвистика креатива: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2009. 368 с.

² Лингвистика креатива – 1: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. 369 с.

³ Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2012. 379 с.

⁴ Лингвистика креатива – 3: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. 344 с.

⁵ Лингвистика креатива – 4: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. 367 с.

⁶ Лингвистика креатива – 5: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. 392 с.

так и зарубежных лингвистов. Первая коллективная монография «Лингвистика креатива – 1» стала теоретической базой для всех последующих изданий. В аннотации к ней говорится: «Данная коллективная монография представляет собой первый опыт теоретического обобщения исследований в области нового научного направления “Лингвистика креатива”. Предметом исследования авторов монографии являются разные виды лингвокреативной деятельности, в частности феномен языковой игры; обсуждаются проблемы истоков вербальной креативности, соотношения понятий «креативность» и «инновационность» применительно к творческой языковой личности, выявляются типы личности *homo ludens*, намечается историческая перспектива развития языковой игры в контексте разных эпох»¹.

За последние 5 лет Т. А. Гридиной изданы: «Объяснительный словарь детских инноваций»², авторские монографии «Своя игра: ребёнок в мире языка»³, «Вербальная креативность ребёнка: от истоков словотворчества к языковой игре»⁴, «Языковая игра в художественном тексте»⁵; учебное пособие «Ступеньки словесного творчества: тренинг вербальной креативности»⁶ (в соавторстве с Е. И. Пипко).

¹ Лингвистика креатива-1: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. С. 2.

² Гридина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций: монография и словарь. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2012. 202 с.

³ Гридина Т. А. «Своя игра»: ребёнок в мире языка. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. 177 с.

⁴ Гридина Т. А. Вербальная креативность ребёнка: от истоков словотворчества к языковой игре. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. 272 с.

⁵ Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2008. 165 с.

⁶ Гридина Т. А. Ступеньки словесного творчества: тренинг вербальной креативности: программа внеурочной деятельности (для учащихся основной общеобразовательной школы) / Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. 81 с.

Впервые 26 ноября 2021 г. в рамках работы научной школы был проведён международный телемост «Лингвокреатив и речевые практики современной языковой ситуации: границы дозволенного», вызвавший огромный интерес лингвистов.

21–22 апреля 2022 года в Екатеринбурге состоялся очередной праздник науки – международная научная конференция «Лингвистика креатива: методологические подходы к изучению речетворческой деятельности». Эта конференция стала традиционным и ожидаемым событием в научной жизни страны, потому что посвящена наиболее актуальным процессам, происходящим в современном русском языке. В качестве соорганизаторов выступили: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия); Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь); Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия (Велико-Тырново, Болгария); Майнцский университет имени Иоганна Гутенберга (Майнц, Германия); Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия). Уже этот перечень свидетельствует о широком распространении теории лингвистики креатива, о большой заинтересованности учёных в развитии этого направления.

На конференции в центре внимания участников были следующие проблемы:

- психолингвистические аспекты изучения феномена лингвокреативности;
- экспериментальный ресурс исследования вербальной креативности;
- речевые инновации как отражение динамики языкового развития;
- грамматические и лексические инновации современной речи;
- языковая игра в дискурсивных практиках современного социума;
- онтолингвистические аспекты изучения речетворчества;
- лингвокреативные практики художественного творчества;
- прикладные аспекты исследования лингвокреативной деятельности.

На пленарных заседаниях прозвучали теоретические доклады, определяющие основные направления работы конференции, а также доклады, посвящённые наиболее актуальным процессам в современном русском языке.

Заглавным стал доклад Т. А. Гридиной и Н. И. Коноваловой (Екатеринбург, Россия) «Практики современной коммуникации: лингвокреатив и речевые аномалии». Взаимодействие и разграничение творческого и аномального – важнейшая задача современной лингвистики, которая далеко не всегда решается однозначно. Тема развивалась в докладах Т. И. Стековой (Новосибирск, Россия) «Языковая игра как результат языковой рефлексии»; Л. Б. Никитиной (Омск, Россия) «Ошибка, рефлексия, игра в интернет-общении: в поисках границ»; М. Э. Рут (Екатеринбург, Россия) «Из наблюдений над номинативными тактиками и стратегиями»; В. А. Пищальниковой (Москва, Россия) «Ассоциативное поле как база исследования потенциальных значений слова».

Результаты исследования конкретных актуальных речевых явлений в современном русском языке были отражены в докладах Е. В. Потемкиной и И. В. Ружицкого (Москва, Россия) «Мнемы и мемы как стимул для развития лингвокреативной компетенции иностранных учащихся»; И. А. Бубновой (Москва, Россия) «Почему «покраснела» звукобуква *я*?»; Л. Цоневой (Велико Тырново, Болгария) «Слово *вакцина* в языковой игре»; Л. А. Нефедовой (Москва, Россия) «Лингвокреативные практики современного словотворчества (на материале немецкого и русского языков)»; И. Т. Вепревой (Екатеринбург, Россия) «COVID-19 как креативный триггер для социальной рекламы в России и Китае: различия и точки соприкосновения»; Н. А. Герасименко (Москва, Россия) «О девиантном поведении скрепы в сложноподчинённом предложении»; А. М. Плотниковой (Екатеринбург, Россия) «Лингвокреативный потенциал глаголов движения в современной речевой практике»; Н. Б. Руженцевой (Екатеринбург,

Россия) «Язык вражды и его представление в печатных СМИ: динамические процессы»; Е. Н. Бекасовой (Трнава, Словакия) «Границы трансформации антропонимов».

Не остались без внимания полиаспектные исследования языка художественной литературы, представленные в докладах Т. Б. Радбиля (Нижний Новгород, Россия) «Языковая аномальность как фактор конденсации смысла в поэтическом тексте (на материале языка поэзии Осипа Мандельштама)»; Е. Н. Ремчуковой (Москва, Россия) «Структурно-семантические трансформации знаков высокой культуры (сфера-источник “Достоевский”) как форма языковой игры»; Н. В. Патроевой (Петрозаводск, Россия) «Тропеические трансформации *города* в русской поэзии XVIII века»; А. В. Кубасова и О. А. Михайловой (Екатеринбург, Россия) «Креативность в интерпретации классики».

Проблемы психолингвистики и лингводидактики также находились в центре внимания участников конференции. Эти проблемы были затронуты в докладах М. А. Лаппо (Новосибирск, Россия) «Лингводидактический потенциал «зоны непонимания» художественного текста»; Е. В. Дзюба и Ю. В. Рогозинниковой (Екатеринбург, Россия) «Литературные онимы российского происхождения в англоязычной карикатуре»; Г. Р. Добровой и А. Мельниковой (Санкт-Петербург, Россия) «О связи между лингвокреативностью формирующейся языковой личности и креативностью как совокупностью реализуемых творческих способностей индивида»; О. Б. Сизовой (Санкт-Петербург, Россия) «Текст: цель или средство? (влияние когнитивных стратегий детей на понимание текста)».

На секционных треках было продолжено обсуждение конкретных вопросов лингвистики креатива, психолингвистики и лингводидактики.

При подведении итогов международной научной конференции «Лингвистика креатива: методологические подходы к изучению речетворческой деятельности»

участники отмечали высокий научный уровень докладов, тщательность обработки экспериментальных данных и важность полученных результатов для современной лингвистики.

Все участники выразили благодарность организаторам конференции: кафедре общего языкознания и русского языка Института филологии и межкультурной коммуникации Уральского государствен-

ного педагогического университета и лично профессорам Татьяне Александровне Гридиной и Надежде Ильиничне Коноваловой за прекрасную организацию конференции, за сохранение научных традиций и одновременную неуклонную креативность в поисках новых форм проведения научных встреч, а также высказали уверенность в продолжении совместной работы на будущих конференциях.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;
e-mail: natalyger11@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof. of the Department of the Modern Russian Language named after Professor P. Lekant, Moscow Region State University;
e-mail: natalyger11@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Герасименко Н. А. Уральская школа креатива // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 122–125.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-122-125

FOR CITATION

Gerasimenko N. A. Ural School of Creativity. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022. no. 3, pp. 122–125.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-122-125

К ЮБИЛЕЮ ШАПОВАЛОВОЙ ТАТЬЯНЫ ЕГОРОВНЫ

Кафедра современного русского языка имени профессора П. А. Леканта факультета русской филологии Московского государственного областного университета сильна своими традициями. Поддерживать и укреплять их, сохраняя верность лингвистической научной школе и направляя к новому активный, творческий коллектив, с успехом удаётся её заведующему – доктору филологических наук, профессору, академику Международной академии наук педагогического образования (МАНПО), главному редактору авторитетного научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» Татьяне Егоровне Шаповаловой.

Т. Е. Шаповалова сформировалась как филолог, преподаватель вуза в Омском государственном педагогическом институте, который она окончила в 1978 г. Но с МОПИ – МПУ – МГОУ связано становление её как учёного, крупного специалиста в области исследования синтаксического времени. Под руководством П. А. Леканта Татьяна Егоровна окончила аспирантуру, подготовила и в 1987 г. защитила кандидатскую диссертацию «Выражение временных отношений в структуре простого предложения», а в 2000 г. – докторскую диссертацию «Категория синтаксического времени в русском языке». Монография по проблематике докторского исследования, как и вышедшая в 2020 г. крупная монографическая работа «Темпоральная семантика поэтического высказывания», разделы 6 коллективных монографий, многочисленные статьи (более 180) демонстрируют верность автора предмету исследования – грамматической семантике предложения. В этой сфере лингвистических разысканий труды Т. Е. Шаповаловой являются новаторскими и служат методологической базой для дальнейших исследований в области грамматики, прежде всего темпорального её аспекта, средств и способов репрезентации синтаксического времени, особенностей функционирования в публицистических и художественных текстах русского языка временных синтаксисом, темпоральных субстантивных оборотов и т. д.

Татьяна Егоровна Шаповалова на высоком уровне осуществляет руководство любимой кафедрой, пользуясь заслуженным авторитетом. Она с большим вниманием курирует все виды деятельности преподавателей, аспирантов. Т. Е. Шаповалова во главе оргкомитета ежегодной научной конференции «Лекантовские чтения», которая привлекает внимание языковедов России и ряда зарубежных стран, воспитывает аспирантов, магистрантов, прививая навыки кропотливого изучения грамматики. Она читает курсы лекций по современному русскому языку, функциональной грамматике, ведёт практические занятия, руководит написанием курсовых и выпускных квалификационных работ, используя современные методы активизации познавательной деятельности студентов.

Профессор Т. Е. Шаповалова готовит научно-педагогические кадры высшей квалификации: 8 кандидатских диссертаций выполнены под её руководством и успешно защищены.

Т. Е. Шаповалова участвует в работе двух докторских диссертационных советов: Д 212.154.34 при Московском педагогическом государственном университете (МПГУ) и Д 850.007.07 при Московском городском педагогическом университете (МГПУ). Она на высоком научно-теоретическом уровне осуществляет экспертизы диссертаций, участву-

ет в дискуссиях, выступает в качестве официального оппонента, обеспечивает подготовку отзывов ведущей организации.

Т. Е. Шаповалова награждена Почётной грамотой Министерства образования Московской области, Почётной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации. Но главная её заслуга – это успехи кафедры: в 2021 г. научная деятельность коллектива получила высокую оценку в вузе – победитель конкурса в номинации «Лучший научный коллектив».

Члены кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта,

коллеги – преподаватели различных кафедр факультета русской филологии ИФИ МГОУ – сердечно поздравляют глубокоуважаемую Татьяну Егоровну. К нашим поздравлениям, безусловно, присоединяются все члены научной школы П. А. Леканта, работающие в разных городах России и за рубежом.

Ярких новых творческих успехов, благополучия, счастья и здоровья желаем Вам, глубокоуважаемая Татьяна Егоровна!

*Кафедра современного русского языка
имени профессора П. А. Леканта*

This image shows a single page of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2022. № 3

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик И. А. Улиткин
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,25, уч.-изд. л. 9,75.
Подписано в печать: 30.06.2022. Дата выхода в свет: 08.07.2022. Заказ 2022/06-13.
Отпечатано в МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А